

Архивы Ансэрва

Андрей Васильченко

Стоунхендж Третьего рейха

Стоунхендж Третьего рейха

Annotation

В северной части Тевтобургского леса, окутанного германскими легендами и преданиями, находится группа скал, известная миру как Экстернштайн. Были ли эти скалы языческой святыней, которая перешла в ведение христиан? Или же культовые сооружения в них были созданы во времена Средневековья монахами, которые впервые приложили руку к обработке песчаника, создав в скалах некое подобие капеллы? Скалы издавна считались местом отправления древних культов. Именно их пытался восстановить глава СС Генрих Гиммлер.

Ныне скалы Экстернштайна являются местом паломничества для неоязычников, молодых националистов, поборников «тайных наук». Древние культы не всегда умирают. Иногда они возвращаются в пугающих и ужасающих формах...

- [Андрей Васильченко](#)
 -
 - [Введение в тему](#)
 - [Часть I Прогулка по Экстернштайну](#)
 - [Глава 1. Преданна и сказания](#)
 - [Глава 2. Променад между скалами](#)
 - [Глава 3. В тени Ирминсула](#)
 - [Часть II Политическая борьба за Ирминсул](#)
 - [Глава 1. «Безответственные мечтатели» против «серьезных исследователей»](#)
 - [Глава 2. И пришел Гитлер...](#)
 - [Глава 3. СС и «Аненэробэ»](#)
 - [Глава 4. Рассвет и закат Вильгельма Тойдта](#)
 - [Глава 5. Экстернштайн в годы Второй мировой войны](#)
 - [Часть III Трактовки и интерпретации](#)
 - [Глава 1. Тайные эксперименты в «охотничьем замке»](#)
 - [Глава 2. «Апокриф» Германа Вирта](#)
 - [Глава 3. Экстернштайн — «место силы»?](#)
 - [Заключение](#)
 - [Список использованной литературы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Андрей Васильченко

СТОУНХЕНДЖ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Архивы Аннензрбз

Андрей Васильченко

**Стоунхендж
Третьего рейха**

МОСКВА

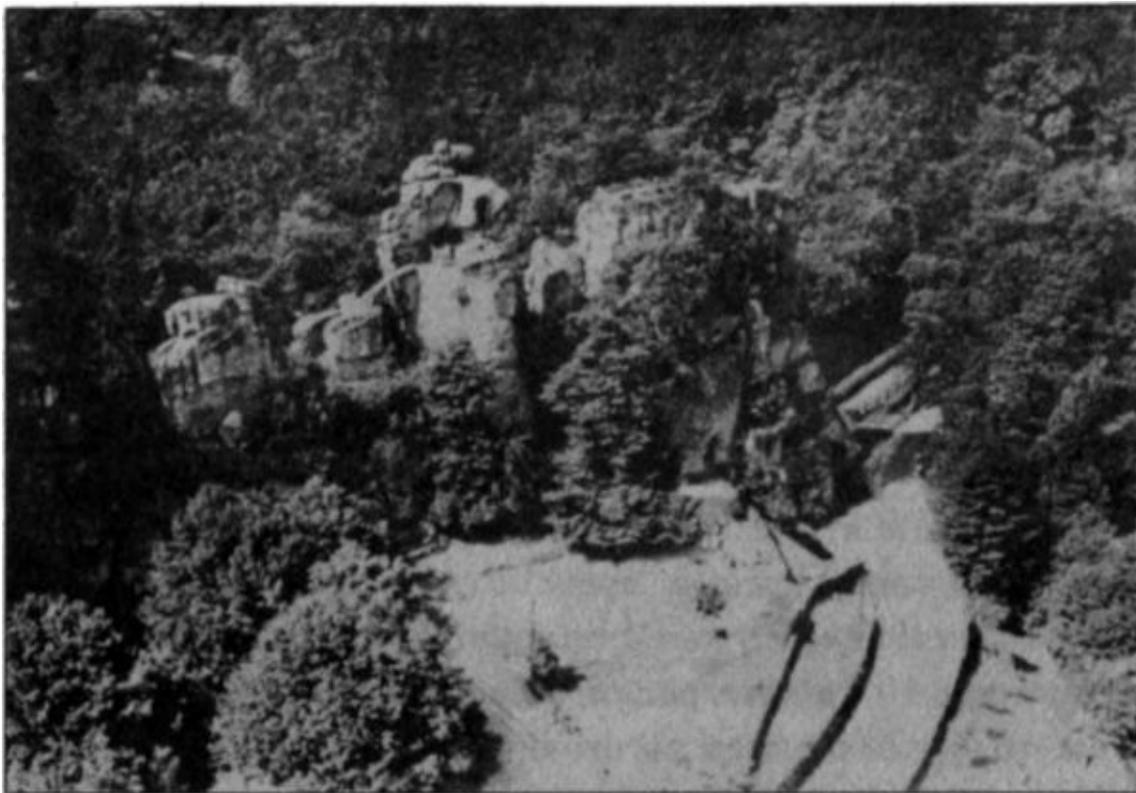
«ВЕЧЕ»

2010

Введение в тему

В северной части Тевтобургского леса, окутанного германскими легендами и преданиями, находится группа скал, известная миру как Экстернштайн. Эти глыбы располагаются в 10 километрах от немецкого городка Детмольд и где-то вдвое большем расстоянии от Падерборна. Четыре утеса, которые природа изваяла из песчаника, пересекают небольшую долину, берущую свое начало у Вимбеке, а затем пробегающую мимо святых церквей Берлебека, который в прошлом назывался Лихтхайпе. По этой долине бежит маленькая речушка, миновав Западные горы, делится в районе Гёрна на несколько рукавов и несет дальше свои воды через Херфорд, Хамельн, Хёкстер. Она издавна, на протяжении многих веков, была главной транспортной артерией в местных краях.

Если мы посмотрим на Экстернштайн, то увидим, что его северная скала — самая крупная из них. В ее нижнем юго-восточном углу высечена скульптурная группа «Снятие с Креста», которая считается самым большим барельефом, который был создан в естественном ландшафте. Справа от изваяния можно увидеть проем, который является входом в тоннели, заканчивающиеся небольшой пещеркой. На той же самой высоте, но чуть севернее, находится еще одна пещера, в которой можно находиться лишь пригнувшись. Попасть в нее можно, только пройдя длинный путь. Вершина этой северной скалы со временем стала совсем плоской, находясь несколько ниже уровня вершущек других скал.

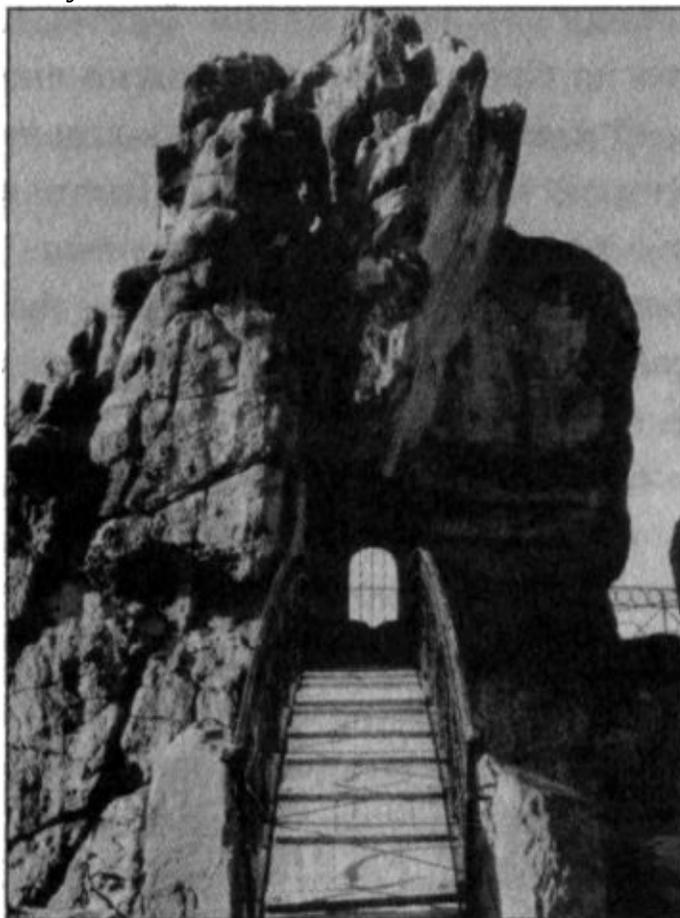
Вид на Экстернштайн с самолета в 1930 году

Теперь эта поверхность превратилась в смотровую площадку. Но вид с нее ограничен соседним утесом, который выше соседней скалы где-то на 10 метров. Но и здесь часть горной породы со временем сточилась. Когда-то тут была пещерная комнатка, но, видимо, во время какой-то катастрофы у нее провалился пол, и обрушилась, исчезнув навсегда, южная стена. Теперь попасть в это помещение можно только через третью скалу. Между этими утесами перекинут мостик, до которого можно добраться по лестнице, но далеко не все решаются пройти по этой шаткой конструкции над пропастью.

Когда пытаешься разглядеть барельеф «Снятие с Креста», то замечаешь еще одну необычную вещь — четырехгранный каменный валун. Его бока с одной стороны имеют два, а с другой стороны — три выступа, эдакие гигантские ступени, которые ведут в никуда. С северной стороны этого каменного блока виднеется полукруглая ниша, в полу которой находится углубление, странным образом напоминающее отпечаток человеческого тела. Именно по этой причине вся эта каменная колода называется «каменная гробница». Если взглянуть очень внимательно, то можно увидеть, что от первой скалы к ней идут девять ступеней, которые

были со временем разрушены то ли природой, то ли человеком.

В XIX веке ученые долгое время ожесточенно спорили, являются ли тоннели, пещеры и каменные саркофаги доисторическими или же они все-таки возникли во времена Средневековья. Казалось бы, эти дискуссии должны были утихнуть, когда в 1934–1935 годах в Экстернштайне были проведены археологические раскопки, а прилегающая к утесам территория была досконально изучена.

Мостик, ведущий от третьей ко второй скале Экстернштайна

Вывод был однозначным — сооружения Экстернштайна возникли задолго до Средневековья, можно сказать носили доисторический характер. Ситуация «изменилась» после окончания Второй мировой войны. Научная общественность «вдруг» решила, что исследования, проводимые национал-социалистическими учеными, были предвзятыми и претенциозными. После этого последовал новый вердикт: «Тем не менее, все ранее проводившиеся исследования, в том числе археологические раскопки, не смогли предоставить убедительных доказательств того, что это были языческие культовые сооружения. Поэтому нет оснований считать, что

Экстернштайн был центром почитания солнца и что здесь отправлялись древние культы, в частности германский культ Ирминсула и римский культ Митры. Высеченный на стене барельеф и сооружения датируются христианским временем.

Марка с изображением Экстернштайна, выпущенная в Германии

Скорее всего, они были созданы в 1100 году монахами монастыря Абдингхоф, что располагался в окрестностях Падерборна».

Глядя на данные умозаключения, задаешься вопросом: на какие источники опирались ученые, выносившие столь категоричные суждения? Как оказалось, все эти выводы были голословными, умозрительными. После войны в районе Экстернштайна не предпринималось новых археологических раскопок. Но тем не менее даже путеводители пытались обойти стороной тему языческого прошлого скал. Их составители предпочитали ограничиваться лишь общими замечаниями. Впрочем, даже беглого взгляда на сооружения Экстернштайна было вполне достаточно, дабы понять, что они имеют дохристианское происхождение. Ни одна из этих достопримечательностей (за исключением барельефа «Снятие с Креста») не имела аналогов в храмовом строительстве. Взять хотя бы песочный вал перед второй скалой, в котором был проделан тоннель. Монахам из Абдингхофа было просто-напросто не под силу создать нечто

подобное. Так чем же на самом деле является Экстернштайн?

Большинство исследователей Экстернштайна не попытались ответить на самый важный, с моей точки зрения, вопрос, а именно: были ли скалы языческой святыней, которая однажды перешла в ведение христиан? Или же культовые сооружения в них были созданы во времена Средневековья монахами, которые впервые приложили руку к обработке песчаника, создав в скалах некое подобие капеллы?

Одним из первых писателей, заговоривших об Экстернштайне, был Герман Хамельман. Он недвусмысленно называл Экстернштайн «народной святыней», что сохранило свое актуальное звучание даже спустя несколько веков. Эта характеристика обращается к передаваемым из уст в уста преданиям, в которых повествовалось о языческих жертвоприношениях, совершаемых в давности в Экстернштайне. Еще в начале XVIII века в немецких словарях можно было прочесть, что в этих скалах «саксы почитали своего идола». В священности скал Экстернштайна был убежден даже Гёте. Он писал: «Их странность даже в глубокой древности вызывала трепет. Они могли сначала использоваться для языческих ритуалов, а затем для христианских богослужений».

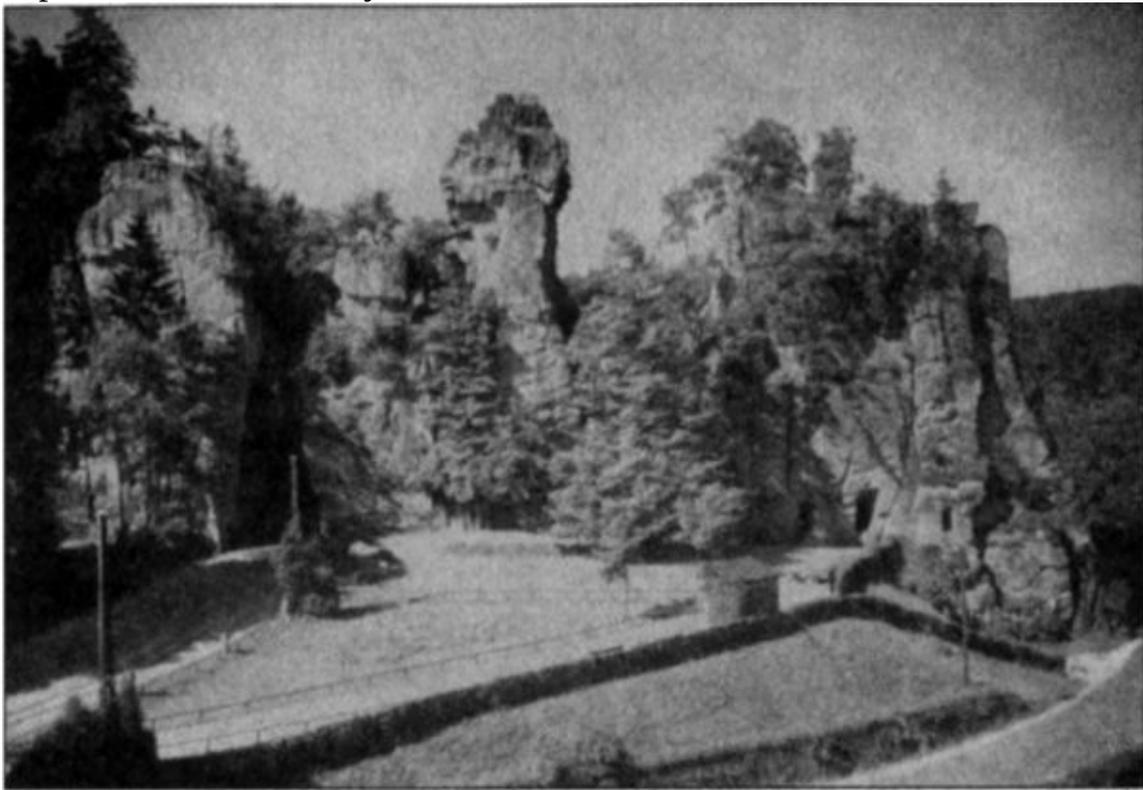

Фото Экстернштайна. 1930 год

Приблизительно в то же самое время были написаны строки, которые

подтолкнули Клостермайера к научному изучению этих скал. В книге регистрации прибывающих в Экстернштайн некий студент Густав Отто фон Беннингсен написал, что нашел в этих скалах святыню «светлого служения», мистический «пустующий храм». Клостермайер не был согласен с данной трактовкой. Он предпочитал опираться на письменные источники. Только если таковых не имелось, то он мог дать волю своей фантазии, оперируя собственными выдумками. В итоге все, что до и после Клостермайера писалось по данной теме, сводилось только к одному вопросу: признанию или непризнанию языческого прошлого этих скал. В последующие годы (после появления книги Клостермайера) дискуссия разворачивалась именно в этом направлении. Со временем даже последовательные сторонники «средневековой версии» возникновения сооружений Экстернштайна стали принимать в расчет языческое прошлое этих утесов. Со временем эта версия стала само собой разумеющейся. Так, например, профессор Алоиз Фухс в 1934 году высказал мнение, что, «наверное, в Экстернштайне все-таки существовал дохристианский культ», а потому был склонен считать Экстернштайн сакральным местом древних германских племен. Для него не подлежало сомнению, что некогда скалы являлись языческой святыней. Некоторое время спустя издательство «Бонифаций», располагавшееся в Падерборне, опубликовало брошюру, забыв (или не пожелав) указать на ней имя автора. В этой книжице утверждалось, что Экстернштайн был «древнегерманским и христианским культовым местом». «С большой долей вероятности можно утверждать, что здесь располагалась загадочная святыня Саксонии: Ирминсул, которая в 772 году вместе с прилегающей священной рощей была уничтожена франкским королем Карлом». Аналогичное мнение в начале XX века высказывал и немецкий исследователь Танненберг: «Нет никого, кто бы не соглашался с мнением, что Экстернштайн во время германского язычества имел культовое предназначение, последствия чего можно было проследить вплоть до XII века. Едва ли бы церковь надумала создавать там капеллу и высекать барельеф, если бы это место не считалось священным с давних времен».

Тем удивительнее кажутся послевоенные заявления ряда немецких историков. В одном из буклетов самоуверенно заявлялось, что все изображения и сооружения в Экстернштайне были сделаны в Средние века. Однако в некоторых местах буклета его автор не был столь уверен в своих выводах.

Иллюстрация из книги начала XX века, на которой изображено разрушение Ирминсула по приказу Карла Великого

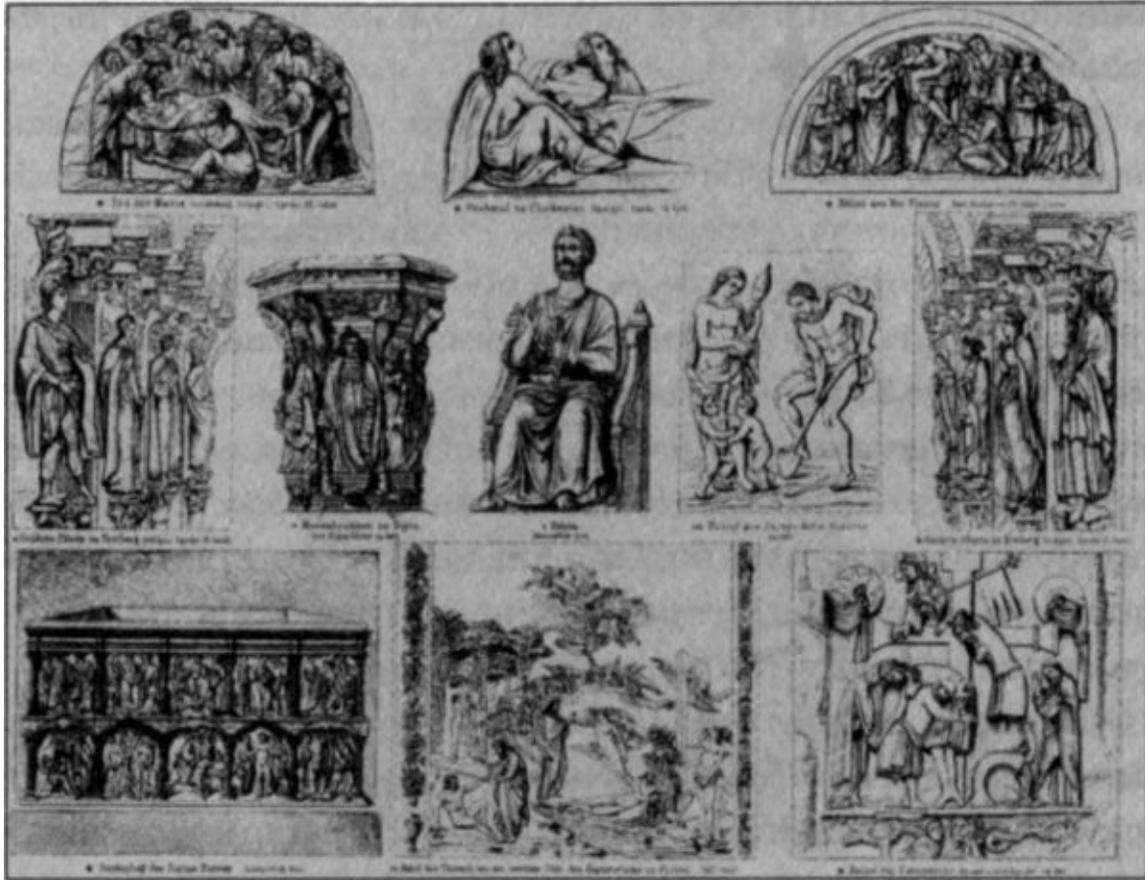
На одной из страниц он, как бы сомневаясь, сделал подпись под иллюстрацией: «Рельеф птицы (?)». Этот знак вопроса по меньшей мере указывал на то, что автор буклета не до конца понимал значение этих скал. Эти и тому подобные заявления можно было делать только при условии, если бы некие ученые и историки убедительно доказали, что в Экстернштайне никогда не совершались языческие ритуалы и вообще до 1100 года у этих скал не проводилось никаких ритуально-культовых действий. Но при этом никто никогда не ставил под сомнение, что монахи всего лишь «переделали» Экстернштайн. Надо помнить, что переделать можно было лишь то, что некогда имело место быть. В данном случае древние культовые сооружения. Утверждения об их средневековом происхождении не только беспочвенны, но и во многом ошибочны, так как опираются на весьма условную датировку — 1100 год.

Складывается впечатление, что до этого момента здесь было пустое место. Чтобы понять, откуда берутся подобные заблуждения, обратимся к

методикам прошлых исследований Экстернштайна. Более ста лет ушло только на то, чтобы собрать воедино все письменные упоминания об этих скалах. Еще Клостермайер выражали удивление по поводу того, что «несмотря на то, что Липпский княжеский архив обладал значительным количеством разнообразных документов XV века, в нем не было ни одной бумаги, которая бы касалась судьбы Эггестерштайна^[1], или хотя бы случайно упоминала о нем».

Впрочем, сейчас о письменных свидетельствах известно много больше, нежели два с половиной века назад. Но в нашем случае более важной является устная традиция, которая существовала на протяжении столетий. Однако даже имеющиеся письменные сообщения использовались без научного анализа, не подвергаясь необходимой научной критике. Например, нельзя безоговорочно принимать на веру, что грот и барельеф были высечены в 1115 году, как это следовало из надписи, оставленной в капелле.

Поводов для скепсиса имеется предостаточное количество. Вся датировка этого художественно-исторического комплекса базировалась именно на указанной надписи. То есть историки, не принимая во внимание художественные особенности барельефа, способы обработки камня, предпочли опираться на достаточно сомнительный письменный источник. Подобный подход является ущербным, так как на его основании невозможно воссоздать историческую картину даже с документами на руках. В ходе исторических изысканий выяснилось, что барельеф в Экстернштайне надо датировать как минимум 1140 годом, а завершение переделок части тоннелей и пещер закончилось и вовсе несколько веков спустя.

Барельеф «Снятие с Креста» (нижний правый угол) на протяжении веков считался шедевром средневекового искусства

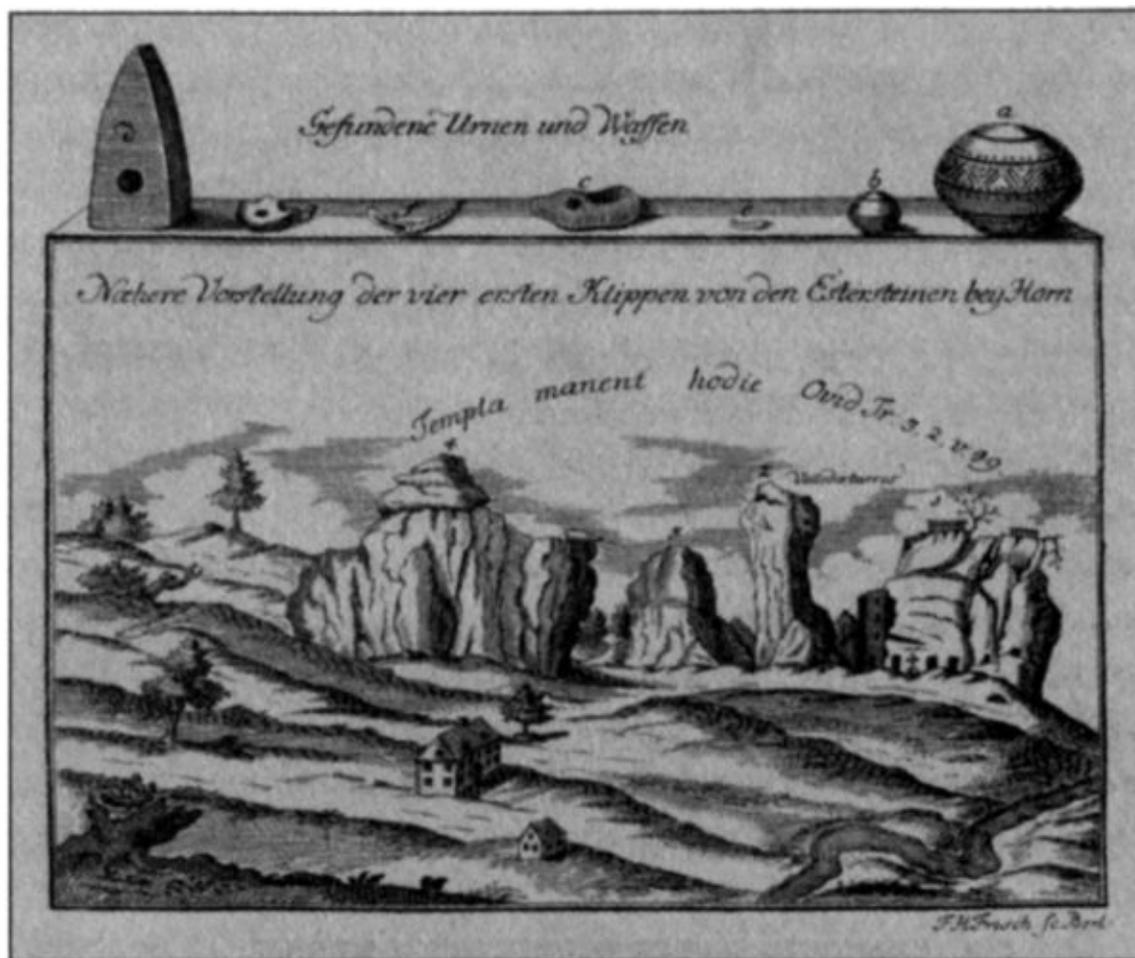
В противоположность этому ограниченному подходу, который опирался лишь на письменные сообщения, инициаторы раскопок 1934–1935 годов пытались провести комплексный анализ. К документальным источникам присоединялись археологические находки, топографические данные, сведения о состоянии земли у подножия Экстернштайна. В итоге письменные сообщения пришлось приводить в соответствие с новыми знаниями. Проблему Экстернштайна вообще невозможно решить в рамках отдельно взятой дисциплины.

Очевидно, что раскопки, проводимые у Экстернштайна, не ограничивались только лишь археологической сферой.

В заявлении правительства Липпе однозначно говорилось об «исследованиях и раскопках», «которые не должны ограничиваться внешним изучением и поиском находок в пластах земли». Соответственно, в опубликованном в 1936 году докладе руководителя раскопок приводились также сведения о структуре земли и горной породы, о различных способах

создания сооружений Экстернштайна. В докладе даже предпринималась попытка реконструкции разрушенных помещений, в свою бытность располагавшихся в скалах. В докладе также приводились астрономические вычисления, привлекались этнографические наработки, в частности касающиеся изучения астрономических культов и похоронных обрядов. Раскопки 1934–1935 годов положили конец одностороннему изучению Экстернштайна. Теперь смысл и предназначение этих скал пытались постичь, прибегая к помощи самых разных наук.

Эта деятельность всегда испытывала изрядный недостаток в достоверных данных. Данный пробел мешал адекватным историческим оценкам. О чем можно говорить, если до сих пор отсутствует какая-либо критическая оценка документов и источников. До сих пор некоторые исследователи тиражируют факты, извлеченные на свет более сотни лет назад. При этом все эти ученые оперируют датами, но отнюдь не архитектурными или художественными понятиями. В то же самое время искусствоведы предпочитают обращать внимание лишь на барельеф «Снятие с Креста», не уделяя ни малейшего внимания ни самим утесам, ни сооружениям, воздвигнутым рядом с ними. До 1934 года не изучалась даже топография Экстернштайна. До этого времени не предпринималось ни одной попытки разделить культурные пласты и выделить различные участки строительства, которое велось в самые разные времена. До 1934 года не было даже намека на подготовительную работу в этом направлении.

Гравюра 1748 года с изображением Экстернштайна

Лишь после 1935 года барельеф и сооружения Экстернштайна стали рассматривать как полностью самостоятельные объекты, каждый из которых имел свою собственную историю и свою художественную ценность. Но даже написанный в 1936 году отчет оставлял желать лучшего, так как он не рассматривал Экстернштайн как единый комплекс.

Но в любом случае это был шаг вперед. Тем не менее по итогам осуществленных раскопок не предпринимались попытки осознать культовое предназначение многих сооружений. В этом исследовании наличествовали методологические неточности и ошибки. Руководители раскопок 1934–1935 годов не пытались постичь идею, лежавшую в основе Экстернштайна, выявить истинное предназначение этих скал, где каждый объект, каждое сооружение были частью чего-то целого. Действительно, на протяжении десятилетий большинство авторов, писавших об Экстернштайне, уделяли внимание мельчайшим подробностям, но не пытались увидеть картину в целом. Так сказать, за деревьями не видели

леса. Интерпретациям и объяснению подвергались отдельные сооружения и объекты, но отнюдь не весь мегалитический комплекс.

Барельеф «Снятие с Креста»

Не менее сомнительным является способ делать умозаключения, которые противоречат давним преданиям. Впрочем, дословное цитирование данных преданий и легенд тоже не может передать сути Экстернштайна. В данном случае необходимо прибегать к методу «чистых предположений», которые строятся на самых ключевых моментах. Интерпретация данных «исторических ключей» не может быть сугубо логическим процессом, а лишь вольным полетом фантазии, которая при всем прочем опирается на исторические факты.

Система гrotтов в первой скале Экстернштайна

Именно к подобному методу прибегали некоторые исследователи, которые действительно пытались проникнуть в суть скал Экстернштайна. Так родилась версия, что скалы, служившие некогда для отправления древних языческих культов, со временем стали имитацией Храма Гроба Господня в Иерусалиме. На это указывают многие общие черты. Однако версия о том, что Экстернштайн является мегалитической копией Иерусалима, логически исходит из того, что прежние сооружения были переделаны в монашеские кельи на ближневосточный манер. Обратим еще раз на слово **переделаны**. То есть монахи использовали для собственных целей уже имевшиеся культовые сооружения. Создание в сердце Северной Германии уменьшенной копии иерусалимских святынь может объясняться только культовым предназначением скал, причем с дохристианских времен. На протяжении всего Средневековья эта «копия» значилась в документах и хрониках как «капелла в Эгестерштайне». Но от внимательного наблюдателя не могло укрыться, что во всех этих множественных наименованиях не было упоминания самого главного культового сооружения Иерусалима — Храма Гроба Господня. Но ведь это является

едва ли не самым обязательным элементом в трактовке Экстернштайна как германского Иерусалима. Это имеет принципиальное значение, так как наше исследование должно реконструировать историческую действительность, а не заниматься конструированием на пустом месте.

Сделанное замечание станет значимым, когда мы обратимся к теории, что сооружения Экстернштайна возникли в языческое время и лишь затем были трансформированы для христианского церковного употребления.

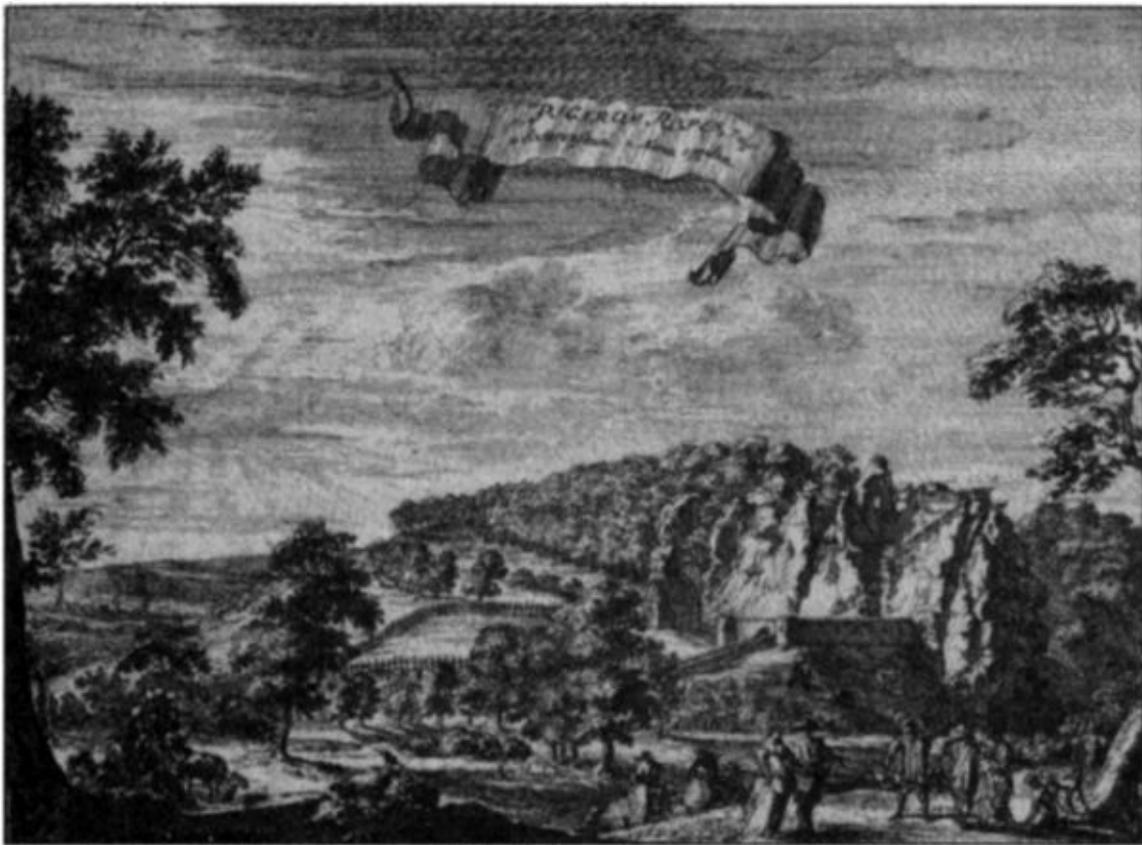
Раскопки 1934 года

В Западной Европе это предположение пытались неоднократно опровергнуть, навязывая читателям самые нелепые версии.

Более того, в 50—60-е годы «германская языческая теория» была провозглашена «учеными мужами» «профанической», «превозносимой нацистами». В итоге все заявления о языческом и дохристианском происхождении Экстернштайна объявлялись «грубыми заблуждениями», «наивной глупостью», которую, собственно, и опровергать-то не стоило. Подобный подход удобен с политической точки зрения, но совершенно несостоятелен с научной. Избегание споров и дискуссий в послевоенной Германии по вопросу Экстернштайна отнюдь не способствовало постижению истины. Хамский максимализм, который позволяли себе

некоторые европейские исследователи, едва ли мог помочь постигнуть истинное положение вещей и создать достоверную историческую картину. Как известно, в споре рождается истина.

Сразу же надо оговориться, что именно «германский подход» значительно расширил знания ученых об Экстернштайне. Без него мы до сих пор не знали бы, что вторая скала была в значительной мере разрушена. Именно «германский языческий подход» надо благодарить за то, что были найдены множественные наскальные знаки и были открыты ранее неизвестные культовые сооружения. Именно эта теория дала мощный импульс к исследованию не только христианского барельефа, но и других объектов Экстернштайна. Если противники «дохристианского подхода» считают, что его сторонники идут слишком запутанным путем, находя чересчур мудреные интерпретации, тем самым переосмысливая суть этих скал, то можно задать ответные вопросы: неужели каменные ступени, датированные очень древним периодом, были созданы случайно? Неужели остатки огромных пепелищ, найденные во время раскопок, являются всего лишь результатом случайно сгоревшего дерева, в которое попала молния? Видимо, ниши в скалах возникли под воздействием природных стихий?

Гравюра Иоганна Георга Рудольфи, на которой виден Экстерштайн и возведенный близ него «охотничий замок» (1672 год)

Глядя на заявления рьяных поборников «средневековой теории», можно лишь улыбнуться. Подобные доводы являются настолько наивными с исторической точки зрения, что их даже сложно опровергнуть. Увы, всегда существуют люди, ощущающие потребность в формально-логическом подходе к древности и при этом отвергающие все прочие теории.

Приведенные выше «наивные» интерпретации возникли по большей части из принципиального неприятия того факта, что нынешнее состояние Экстерштайна надо рассматривать как итог длительного исторического процесса, который уходит своими корнями в дохристианскую древность. Складывается впечатление, что проблема Экстерштайна в Германии вышла за сугубо научные рамки. Слишком уж эмоционально высказываются доводы «за» и «против», больше напоминая личные симпатии и антипатии. Только недалекий человек может назвать «дохристианскую теорию» «невежественной, надменной, антихристианской и враждебной католической церкви». В этом обвинении примечательным является словарный набор и его последовательность. Все начинается с общих обвинений, продолжается христианством и заканчивается католичеством, то есть конкретной конфессией. Итак, налицо некое падение до уровня обсуждения частных проблем, а не наоборот, как того требует научно выдержанный подход. Становится очевидным, что спор об Экстерштайне вышел за сугубо исторические рамки, приобретя мировоззренческий и даже политический характер. Только этим можно объяснить ряд бездоказательных, голословных утверждений. В некоторых случаях им даже не пытались придать убедительный вид, хоть как-то обосновать.

Подобный политизированный подход не должен являться уделом ученых. Но тем не менее ему уже более 150 лет от роду. В 1851 году Вильгельм Энгельбрехт Гиферс начал активно критиковать предположение о том, что Экстерштайн являлся «германской святыней». Движимый подобными установками, он счел возможным показать историю «этих странных скал доступным для каждого человека образом». Что же это предполагало? Он попытался изобразить Экстерштайн как «памятник древнего христианского искусства и объяснить его с католической точки зрения». В своих построениях Гиферс зашел так далеко, что и вовсе утратил связь с реальностью. Пожалуй, в рамках данной книги нет никакой

необходимости повторять все его путанные доводы.

Сейчас можно нередко услышать утверждение о том, что «дохристианская гипотеза» возникновения сооружений в Экстернштайне была выдумкой либо нацистов, либо эсэсовцев, которые намеревались фальсифицировать историю. Подобные заявления не только нелепы, но и абсурдны. Еще в начале XX века Вильгельм Тойдт опубликовал несколько журнальных статей, посвященных его изысканиям в Экстернштайне. Позже результаты его исследований были объединены в одну книгу, которая называлась «Германские святыни». Она увидела свет в 1929 году. Приблизительно в то же самое время возникло «Объединение друзей германской праистории», которое поставило своей целью популяризовать идеи Вильгельма Тойдта. Эта организация издавала альманах «Германия», который в 1932 году превратился в ежемесячный журнал. Раскопки, предпринятые в 1934–1935 годах, были во многом продиктованы идеями, которые высказывал Вильгельм Тойдт еще в 1925 году. Впрочем, их начало было predetermined причинами самими, что ни на есть банальными и прозаичными. Вблизи от Экстернштайна было решено проложить участок шоссе длиной в полтора километра. При этом не стоило забывать, что на археологических раскопках настаивали не только Тойдт и его сторонники, но и его противники.

Если говорить об упоминаемых нередко в связи с критикой «дохристианской теории» происхождения Экстернштайна национал-социалистах, то надо сразу же оговориться, что поначалу они не проявляли никакого интереса к этим скалам. Лишь со временем Вильгельм Тойдт вошел в состав исследовательского общества «Наследие предков» («Аненэробэ»), где его исследования сначала были засекречены, а затем и вовсе свернуты. Приблизительно в то же самое время с обложки журнала «Германия» исчез подзаголовок «Учрежден профессором Вильгельмом Тойдтом». В последнее время бытует версия о том, что Вильгельм Тойдт потерял контроль над журналом «Германия», так как испытывал на себе сильнейшее давление со стороны эсэсовского руководства и со стороны «Наследия предков». Дескать, те считали это издание ненаучным, а потому «неприемлемым». На данном сюжете надо остановиться более подробно.

Сам Вильгельм Тойдт на протяжении многих лет высказывал и активно отстаивал мысль, что необходимо было создать специальное учреждение, которое бы занималось изучением германских древностей. В нем должны были работать представители самых различных профессий, которых бы объединяла только целевая установка — изучение духовного мира древних германцев. На самом деле этим грандиозным научным

планам не было суждено сбыться. В «Аненэробэ» Вильгельм Тойдт возглавлял лишь небольшой отдел. Прежде чем оказаться в «Наследии предков», Тойдт встречался в одном из детмольдских отелей с шефом СС, Генрихом Гиммлером. Рейхсфюрер СС за несколько дней до этого прислал немолодому исследователю телеграмму, в которой предлагал обсудить ряд вопросов. Именно во время указанной встречи Тойдту было предложено возглавить одно из подразделений «Аненэробэ». Исследователь тут же принял это предложение.

Причина этого крылась в том, что академические исследователи всегда скептически и даже презрительно относились к изысканиям Вильгельма Тойдта. Кроме этого не стоит забывать, что 30 января 1933 года к власти пришло правительство Гитлера. В этих условиях осенью 1934 года протее Альфреда Розенберга Ганс Рейнерт, возглавлявший «Имперский союз древней немецкой истории», во время посещения Детмольда однозначно заявил, что намерен «положить конец изысканиям Тойдта». Это заявление было напрямую связано с намерением провести в Экстернштайне археологические раскопки. Академические ученые даже на пушечный выстрел не хотели подпускать к этим раскопкам «дилетанта» Вильгельма Тойдта. Впрочем, все сторонники Тойдта употребляли слово «дилетант» весьма осторожно, тем более в вопросах, касавшихся древней истории. Они указывали на то, что «дилетантом» был и Генрих Шлиман, который, несмотря на все ошибки и заблуждения, все-таки открыл научному миру легендарную Троицу. Или приводился другой пример. «Дилетантом» был дон Марселино де Саутуола, открывший в Альтамире (Испания) красочные настенные изображения мадленской культуры позднего палеолита. Неандерталец был обнаружен вообще благодаря случайности — во время свайных работ. Сторонники Тойдта утверждали, что этот список можно было продолжать еще очень долго.

По их мнению, любая наука шла вперед по весьма извилистому пути, который был вымощен случайностями, ошибками и заблуждениями. По этой причине они предлагали воздерживаться от навешивания на кого-либо ярлыка «дилетант». Тойдт сам говорил, что «там, где употреблялось это слово, правили бал маститые ученые, увенчанные лавровыми венками общественного признания». При этом исследователь, не намереваясь оправдываться, говорил, что не надлежало забывать изначального значения слова «дилетант», придавая ему уничижительное звучание. В одной из статей он писал, что слово происходило от итальянского «dilettere» — «увлечение». То есть он понимал под «дилетантом» человека, который был увлечен своим делом, влюблен в предмет своего исследования. «Дилетант

изучает не ради денег, не по долгу службы, а лишь ведомый своим страстным желанием». Именно эту мысль выразил Артур Шопенгауэр, когда писал следующие строки: «Дилетанты — так пренебрежительно называют тех, кто занимается какой-либо наукой или искусством из любви, per il loro diletto и испытывает от этого радость... Так их называют те, кто превратил эти занятия в средства для заработка. Это предубеждение основывается на присущем им низком, гнусном убеждении, что ни один человек никогда серьезно не возьмется за то или иное дело, если к этому его не побуждает голод, нужда или еще что-то в этом роде. Публика воспитана в том же самом духе и поэтому придерживается такого же мнения. Она обычно с почтением относится к „специалистам“ и с недоверием — к „дилетантам“. В действительности же все наоборот. Для дилетанта его дело — это цель, а для специалиста — всего лишь средство».

Все сторонники Вильгельма Тойдта признавали, что для осознания истинной сущности Экстернштайна требовались знания из самых различных научных сфер: истории, искусства, источниковедения, древней и первобытной истории, теологии, лингвистики, геологии и астрономии. Едва ли какой-то из «специалистов» мог похвастаться такими широкими познаниями. Один из учеников Вильгельма Тойдта, Фреек Хамкенес, вспоминал: «Я узнал о проблеме Экстернштайна летом 1929 года. Тогда мне в руки попала книга Тойдта. Я прочел ее, иногда покачивая головой. Она мне показалась слишком противоречивой, но и в итоге я пришел к выводу, что автор все-таки был прав. Я написал ему письмо, так как его работа увлекла меня. Некоторое время спустя пришел ответ. В нем Тойдт спрашивал, не было ли у меня желания упорядочить весь его исследовательский архив. Я согласился. В итоге всю осень 1929 года я возился с его материалами. Когда я завершил это дело, то убедился в правильности своих выводов. Я мог свободно высказаться, что несколько по-иному, нежели Тойдт воспринимал некоторые вещи. Некоторые детали я трактовал на иной лад. Именно тогда я понял, что Тойдт очень ценил мое мнение. Мне показалось очень важным, что в последний день пребывания у него, мы очень долго обсуждали „Германские святыни“. В течение последующих лет я слышал о скалах только мельком. Приблизительно в конце 1933 года из Детмольда мне пришло новое письмо. В нем Тойдт сообщал, что его архив вырос настолько, что его надо было разбирать заново. Он просил помощи. Кроме этого он сообщал, что у скал должны были проводиться раскопки. В этой связи он интересовался, не было ли у меня желания побыть его ассистентом. На этот раз меня ожидала совершенно иная работа, нежели четыре года назад. Она зависела не только

от Тойда, но и от „Объединения друзей“. После начала раскопок моя работа свелась к метанию между письменным столом и собственно раскопом, где в конце рабочего дня мы обсуждали находки с профессором Андреем.

Одновременно с этим дискуссии велись на страницах газет и журналов. Их отслеживание требовало немало времени, так как нередко эти заочные споры длились неделями. Так, например, было с серией публикаций профессора Фухса в „Липпской земельной газете“. Или собственный корреспондент „Берлинер цайтунг“ сообщал, что в окрестностях Флото было найдено местоположение Ирминсула и что представители науки были готовы это засвидетельствовать. Несмотря на ошибки, неточности в датах и названиях населенных пунктов, эти заметки тут же перепечатывались другими газетами. После окончания раскопок 6–7 октября в Детмольде состоялся научный диспут, который продолжился 4 декабря в Берлине, а 6 апреля 1935 года по предложению „Имперского союза древней истории“ вновь в Детмольде.

Весной 1934 года Тойдт попросил меня переработать новое издание книги „Экстернштайн: германская святыня“. Во время этой работы обнаружилось, что мы по-разному понимаем некоторые моменты. Но на самой работе это никак не отражалось. Книга была написана Тойдтом, а потому должна была излагать только его точку зрения. Но сам Тойдт в многочисленных беседах настаивал на том, чтобы я опубликовал свою точку зрения. Впоследствии, когда я приходил к нему с ежедневным докладом, он все чаще и чаще соглашался с моими доводами.

Для нас очень интересным является дальнейшее развитие событий. В 1935 году один детмольдский издатель предложил Хамкенсу написать путеводитель «Германские святыни и Тевтобургский лес». Планировалось, что это будет небольшая 32-страничная брошюра, в которой будет размещено 20 фотографий Экстернштайна и его сооружений. Но как только работа над ней была завершена, поступил запрет на публикацию путеводителя. Это вызвало немалое возмущение Вильгельма Тойдта, о чем он не преминул заявить в Берлине.

После скандала, устроенного Тойдтом, все-таки было получено разрешение отпечатать указанный путеводитель небольшим тиражом — одна тысяча экземпляров. По сути, это был единственный случай, когда национал-социалистические власти сняли запрет, наложенный на публикацию материалов об Экстернштайне. До сих пор остается непонятным, почему этот путеводитель вызвал опасения у властей Третьего рейха. Казалось бы, Хамкенс был в «Наследии предков» на хорошем счету (именно «Аненэрбэ» в те дни пыталось курировать Экстернштайн).

Остается предположить, что дело было в содержании этой брошюры. Действительно, Хамкенс не разделял общепринятую в СС точку зрения, что религия древних германцев строилась на основе солярных культов. Он никогда не находил убедительных доказательств их существования. Хамкенс вообще отказывался признавать, что у древних германцев было солнечное божество — в женском ли, в мужском ли облики. Но при этом идея о солнцепоклонстве древних германцев вполне устраивала руководство СС. В итоге запрет стал тем обстоятельством, с которым Хамкенс был вынужден считаться. Он не только перестал ассистировать Вильгельму Тойдту, но и приостановил работу над своей книгой об Экстернштайне.

Организационный руководитель «Наследия предков» Вольфрам Зиверт

Лишь осенью 1935 года ему удалось напечатать несколько страниц из этой книги. Они касались дискуссии Хамкенса с Алоизом Фухсом относительно восприятия Экстернштайна как модели Храма Гроба Господня в Иерусалиме. Этот отрывок привлек внимание «Объединения друзей германской праистории», которое решило напечатать его отдельной брошюрой. В итоге эта одна из глав книги была выпущена под названием «Ирминсул и христианский крест в Экстернштайне». Хамкенс возражал

против данной публикации, но все было безрезультатным. В конце концов, попав под запрет, он мог печатать свои изыскания только таким способом. При этом «Объединение друзей» приобрело у исследователя все наброски его незаконченной книги. Этот текст был в значительной мере переделан — и по содержанию, и по стилистике. Правкам подвергалась фактически каждая страница. Как результат, книга, увидевшая свет, мало походила на рукопись Хамкенса.

Но на этом злоключения исследователя не закончились. Сам он описывал их следующим образом. «В последние дни 1937 года я договорился с одним издательством о выпуске книги об Экстернштайне. В начале 1938 года со мной связался имперский организационный руководитель „Наследия предков“ Вольфрам Зиверс, который передал мне просьбу Генриха Гиммлера отложить выпуск моей работы, так как рейхсфюрер СС планировал выпустить объемный том, посвященный этим скалам. Отказаться от подобной просьбы, означало наклепать на себя беду. За первой просьбой сразу же последовала вторая. Зиверс показал мне стопку фотографий и попросил сказать, кем они были сделаны. С немалым удивлением я увидел собственные фотографии, которые я снимал во время раскопок. Они были сделаны по просьбе профессора Андрее, а затем переданы Вильгельму Тойдту при условии сохранения моих авторских интересов. Я был очень неприятно изумлен, что они попали в „Аненэрбэ“. На мои вопросы Зиверс предпочел не отвечать. Впрочем, он не оспаривал моих авторских прав, но при этом выразил желание, чтобы я передал ему негативы. Я отдал их, так как в данной ситуации они были для меня совершенно бесполезными. Кроме этого я передал ценные диапозитивы и мои архивы. 31 декабря 1940 года я получил письмо, в котором мне настойчиво рекомендовалось отказаться от всех прав на мои материалы». Как видим, «Наследие предков» проявляло более чем повышенный интерес к скалам Экстернштайна.

Часть I Прогулка по Экстернштайну

Глава 1. Преданна и сказания

Одной из самых важных проблем в истории Экстернштайна является название этих скал. Ибо их наименования является первейшим свидетельством и документом, которые относятся к данному делу. В целом название этих скал прослеживается до глубокой древности. Оно постоянно менялось, сохраняя лишь общую форму, которая в несколько искаженном виде дошла и до наших дней. Пойдем вниз по древу истории, чтобы более наглядно увидеть трансформацию слова «Экстернштайн»

Эгстерштайн 1846.

Эггестрештайн 1824.

Эгистерштайн 1693.

Экстерештайн 1672.

Экстернштайн 1659.

Эггестерштайн 1655.

Эгерстерштайн 1654.

Эйхстерштайн 1627.

Эггерштайн 1620.

Эггеренштайн 1611.

Эггерштайн 1610.

Эггестеренштайн 1601.

Эггеренштайн 1600.

Эггстеренштайн 1599.

Эггерштайн 1598.

Эггестернштайн 1592.

Эгестеренштайн 1560.

Эгестеренштайн 1469.

Эггестеренштайн 1414.

Эгерштайн 1389.

Эгестерштайн 1385.

Эгестеренштайн 1369.

Эгестеренстен 1366.

Эгестеренштайн 1140.

Агистерштайн 1093.

Отличительной чертой всех этих названий является употребление их в единственном числе. Дело в том, что нынешнее наименование скал — Externsteine — употребляется во множественном числе, то есть должно

было бы переводиться на русский как «Экстернштайны». Однако очевидно, что с древнейших времен эти скалы воспринимались как единый комплекс, и лишь в XX веке были трансформированы в разнородные скалы, что и нашло свое отражение во множественном числе их названия. В дальнейшем, следуя традиции, будем употреблять единственное число, что полностью соответствует общей концепции, заложенной в основу данной книги, повествующей об Экстернштайне как едином комплексе.

До сих пор не удавалось установить точную этимологию слова «Экстернштайн». Ни одна из предложенных версий не выглядела убедительной. Якоб Гримм подразумевал, что название произошло от немецкого слова *ehgestern*, означавшего «прошлое».

Старый дуб близ Экстернштайна

Клостермайер трактовал их как «скалы на мели» (Stein an der Egge), тем более что неподалеку от утесов располагались Большая и Малая Мель (горы Эгге). Однако Гиферс указал, что топонимические названия «Мель» (Egge) были гораздо младше названия «Эггестернштайн». Версия о том, что эти скалы были связаны с человеческим именем Экстер, кажется и

вовсе неубедительной. Примечательно, что в 1627 году клерк императорской канцелярии назвал эти скалы «Эйхстерштайн». В этом названии явно читалось немецкое слово «дуб» (Eiche). При этом наименование «Эггестерштайн» явно имеет непосредственную связь с этим канцелярским наименованием, так как на древнегерманском языке слово *ek-hester* означало молодую поросль дубов. Если учесть, что Карл Великий (или, как его предпочитают назвать в Германии, Карл Франкский) близ Экстернштайна уничтожил не только священный столб саксов Ирминсул, но и вырубил священную дубовую рощу, эта версия кажется вполне правдоподобной. Ради справедливости упомянем о версиях, которые выводили название Экстернштайн от голландского слова «тяжелая работа» и латинского «внешний». Но они не выдерживают никакой критики.

Другую не менее интересную версию мы можем встретить у Хамельмана, который несколько латинизировал название скал. У него они называются *gures ricasum*, то есть «сорочья гора». Корни подобного словосочетания уходят во времена эпохи Возрождения. При этом сама этимология названия скал производилась от немецкого диалектного слова *ekster* (сорока). Сейчас очень сложно говорить, почему данный исследователь решил вести речь о «сорочьей горе», но его предположение было развито лингвистом Эдуардом Шредером. Этот вывод очень сильно критиковался Кластермайером, который утверждал, что «сороки ищут для своих гнезд высокие деревья, но отнюдь не скалы и не утесы». И далее Кластермайер продолжал: «Так скорее поступают галки, которые имеют обыкновение селиться в башнях. В настоящее время вообще неизвестно, чтобы сороки селились в окрестностях Эггестерштайна и высиживали там птенцов. Их в целом можно очень редко встретить в Липпских землях». Как видим, выводы Кластермайера опирались исключительно на природные наблюдения. В целом их нельзя откидывать. Но... Действительно, сороки, не выют своих гнезд ни в лесах, ни в горах. Они предпочитают небольшие полевые рощи или сады, где селятся на верхушках высоких отдельно стоящих деревьев. В данном случае никак нельзя проводить параллель с такими известными немецкими объектами, как Рабенштайн (вороний камень), Хабихтсвальд (ястребиный лес) и т. д. В данном случае можно лишь говорить о мифологическом контексте, так как в европейской мифологии сорока является потусторонней птицей. В сороку обращаются души умерших колдуний. В данном случае поклонение сороке могло являться некой разновидностью культа мертвых. Но до сих пор эта мысль так и не получила своего развития в немецкой науке. Если с лингвистической точки зрения «сорочья скала» прекрасно вписывается в

общую концепцию, то с естественно-научной она лишена какого-либо смысла. Однако, несмотря на это, Эдуард Шредер не отказался от своей идеи: «Упомянутый тезис может еще найти свое подтверждение».

В XX веке Фласкамп высказал идею относительно того, что название скал могло происходить из вестфальского диалекта, а именно от словосочетания *chstere stain*, что означало «последние скалы». Подобный подход кажется весьма странным, так как он оставляет без внимания тот факт, что с древности название имело второй безударный слог. При этом никак не объяснялось, как между вторым и третьим слогом появилась буква *s*.

Отдельное мнение по данному вопросу высказывал создатель «Аненэробэ» Герман Вирт. Он считал, что название Экстернштайн возникло в Саксонии в III веке. Первоначально оно должно было звучать как эккенштан (*eccestan*), то есть «материнский камень». Он полагал, что первая часть названия «экке» являлась производной от «акка» — древнего индоевропейского слова, означающего «мать». Впрочем, некоторые исследователи полагали, что этот корень не принадлежал к индоевропейской языковой группе. Хотя справедливости ради заметим, что его можно было найти в римской латыни, в греческом языке, в индийских и малоазиатских наречиях. Кроме этого, в этрусской религии существовала Акка Ларентия, которая являлась богиней плодородия, матерью земель. Схожие персонажи можно встретить в мифологии лопарей (Маддер-акка), а также у финнов — Акка-мантерн.

Если говорить о версии Германа Вирта, то кажется маловероятным, что в III веке название скал начиналось с буквы Э. Самое древнее из дошедших до нас письменных свидетельств говорит о скалах как об Агистерштайне. И только несколько десятилетий спустя, в 1140 году, документы уже упоминают Эгестернштайн. Именно с этого момента название скал неизменно начинается с буквы Э. То есть трансформация произошла где-то на временном промежутке между 1093 и 1140 годами. В этом временном отрезке наиболее значимой является дата 1100 год. Кроме этого надо отметить, что в 1093 году название скал состояло из четырех слогов, а во всех последующих наименованиях — из пяти. Подобное построение сохранилось до наших дней. По этой причине выводить слово «Экстернштайн» от древнего *eccenstan*, которое старше упоминания Агистерштайна как минимум на 800 лет, кажется неверным.

В самом «Наследии предков» на этот вопрос не было единого мнения. Один из ведущих сотрудников «Аненэробэ», Йозеф Плассман, выводил Экстернштайн совершенно от иного корня. «Оно происходит от древней

лексической формы, которая позволяет трактовать Агистерштайн как „скалы с пещерой дракона“. Агистерштайн можно встретить в норвежской саге о Тидреке, которая весьма напоминает бернскую сагу о Дитрихе и вестфальскую сагу о Нибелунгах. В замке Дракенфелис (Драхефельс — скала дракона), который лежит на восточном склоне Оснинга, живет великан Эке (Агио), повелитель драконов, позже поверженный Дитрихом. Имя указывает не только на древнее название драконов, отголоски чего мы можем найти в слове Агистерштайн, но и на мифологическую связь, почти родство с единокласным северным Эгиром. В этой связи можно найти полное соответствие данной местности с описанием, приведенным в прочих драконоборческих сагах. В частности, это касается саги о Дитрихе, в которой место обитания дракона весьма напоминает Экстернштайн. Скала дракона изображается как отдельно стоящая высокая каменная стена, в нижней части которой имеется пещера. Кроме этого, на ее вершине имеется башня — элемент, присутствующий почти во всех драконоборческих сагах. Мы можем встретить его в саге о короле Ортините (наиболее часто в поздних версиях), а также в ранних версиях песни о Зигфриде. Детальные исследования указывают на то, что в христианское время украшения и детали интерьера испытывали на себе сильнейшее германское влияние, что в свою очередь указывает на них как на живое предание, запечатленное в камне».

К великому сожалению, исследования, предпринятые Йозефом Пласманом, так и не стали достоянием общественности во всей полноте. Однако можно отметить, что уже Вильгельм Гримм в своей работе «Немецкие героические сказания» отмечал, что почти во всех сагах битва с драконом происходила у какой-либо каменной стены либо в пещере. Интерпретация Экстернштайна как «скалы дракона» может также опираться на раскопки в Вормберге, горы в окрестностях Браун лаге. Там было найдено культовое сооружение, датируемое 500 годом до нашей эры. В данном случае Вормберг может трактоваться как «скала дракона», так как слово *wurm* (червь) является древнейшей греко-латинской характеристикой драконов. В то же самое время нет никаких убедительных доводов, чтобы однозначно говорить о Агистер/ Экстернштайне как о «скале дракона».

Следующий пласт источников образуют различные сказания, которые могут нам помочь в постижении сути Экстернштайна.

Сказочные деревья у скал Экстернштайна

Сказания, саги и легенды живут по большому счету собственной жизнью. Древние писатели не сомневались в их подлинности и понимали их исключительно как сообщения о событиях, которые происходили в действительности. Во многом именно из сказаний в древности складывалась историческая картина прошлого. В наше время сказания, напротив, считаются какими-то выдумками. В контексте исторической трактовки Экстернштайна «академические» исследователи не придавали им никакого значения. Сказания и саги вообще не считались долгое время историческим источником по данному вопросу. Именно по этой причине они очень редко встречаются в «серьезной» научной литературе и исследовательских работах. Но мы не можем обойти их стороной, так как для комплексного исследования они являются таким же историческим документом, как археологические находки и письменные свидетельства. Сказания не только передают иным способом исторические сведения, но и говорят о вещах, которые обходят стороной летописи и письменные источники.

Несколько сказаний посвящено возникновению Экстернштайна.

Приведем самое распространенное из них.

«Когда в нашей области господствовало беспросветное язычество, император Карл озаботился тем, чтобы силой обратить местных жителей в христианство. После нескольких ожесточенных сражений ему удалось навязать саксонской знати новое вероучение. Только герцог Виттекинд со своими приближенными продолжал придерживаться веры отцов. Но он понимал, что ему не устоять против мощи Карла. Однажды ночью к герцогу явился черт и предложил ему свою помощь. Он обещал, что сможет возвести такой мощный языческий храм, что герцог и его свита смогут укрыться в нем. Это должно было быть настолько надежное убежище, что даже Карлу будет не под силу взять его. Черт говорил, что новая вера еще не пустила корней в сердцах людей. Черт так старался, чтобы Виттекинд и его свита решили сохранить верность отцовской вере. Герцог принял его предложение. Черт обещался закончить строительство к следующему полнолунию. На следующий день Виттекинд повел свою дружину против Карла. Все могло закончиться бы очень плохо, если бы Виттекинд не заподозрил обман и не нашел в своем сердце место для новой религии. Он срочно направился к Карлу и просил его крестить. Черт тем временем продолжал усердно работать. Подвалы и замки поднимались ввысь, рискуя превратиться с неприступный гигантский храм. Когда зло увидело, что сделал Виттекинд, то оно в бессильной ярости набросилось на строящееся здание. Оно рушило и разбрасывало в разные стороны колонны, фронтоны, стены. Их остатки до сих пор можно увидеть в Тевтобургском лесу. Их зовут Экстернштайн. На вершине одной из скал находится алтарь для жертвоприношений, который черт забыл разрушить».

Ядро этого сказания составляет широко распространенный в мифологии и фольклоре «строительный сюжет». Великан (или черт) на определенных условиях обязуется в четко установленный срок (в большинстве случаев за ночь) построить некое сооружение. Но в какой-то момент заказчик отказывается платить оговоренную цену. В данной истории отсутствует уловка, при помощи которой нарушается заключенный между сторонами договор. В приведенном выше сказании место хитрости занимает факт крещения Виттекинда. Судя по всему, это сказание неоднократно переделывалось. В нем чувствуются поздние формы рассказа, в рамках которого представлены исторические личности.

Нередко сказания сводились просто к тому, что черт хотел разрушить Экстернштайн. Приведем некоторые из них.

А. Липпский летописец Пидерит сообщал: «Черт страдал, когда в мире становилось больше добра. И он хотел его уничтожить, погребя под

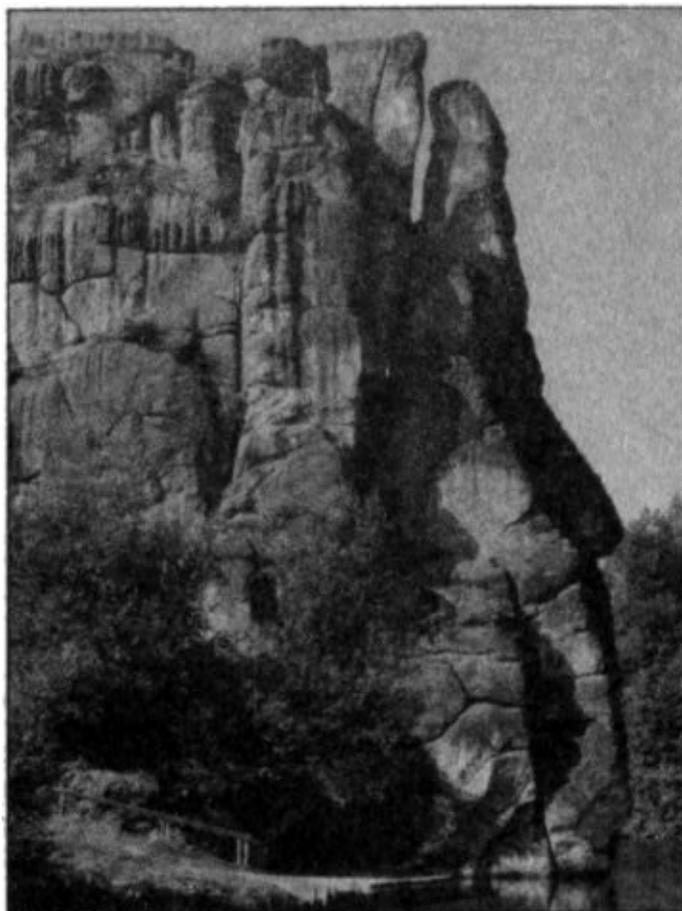
камнями. Ему хватило сил поднять скалы, но не хватило сил кинуть их. Он так сильно прижался к скалам задом, что на них остался ожог. Однако теперь его не видно, так как закрыт землей и кустарником».

Алтарь на вершине второй скалы Экстернштайна

Б. Другая версия связывает эту историю с известными рассказами о невыполненных заданиях. «Несколько крестьян в пьяном состоянии проспорили свои души черту. Они были бы обречены, если бы не последнее желание, после выполнения которого души должны были перейти к нечистому. Крестьяне пожелали, чтобы черт разрушил Экстернштайн. Это было не в силах нечистого, и крестьяне оказались свободны».

Данная история производит впечатление излишне литературной. Она не звучит по-настоящему. Впрочем, все эти истории косвенно оказались связанными с раскопками 1934 года. Когда перед началом раскопок был спущен пруд, находившийся у подножия Экстернштайна, и было запланировано строительство новой водоподъемной плотины, то археологи обнаружили большое углубление, в котором на каменном диске лежала запечатанная бутылка.

Вид на первую скалу со стороны пруда

В сосуде находился листок бумаги с некоторыми сведениями о создании пруда в 1836 году. В конце записки говорилось: «До сих пор углубление, в которое помещен этот документ в народных сказаниях именовалось „чертовой дырой“».

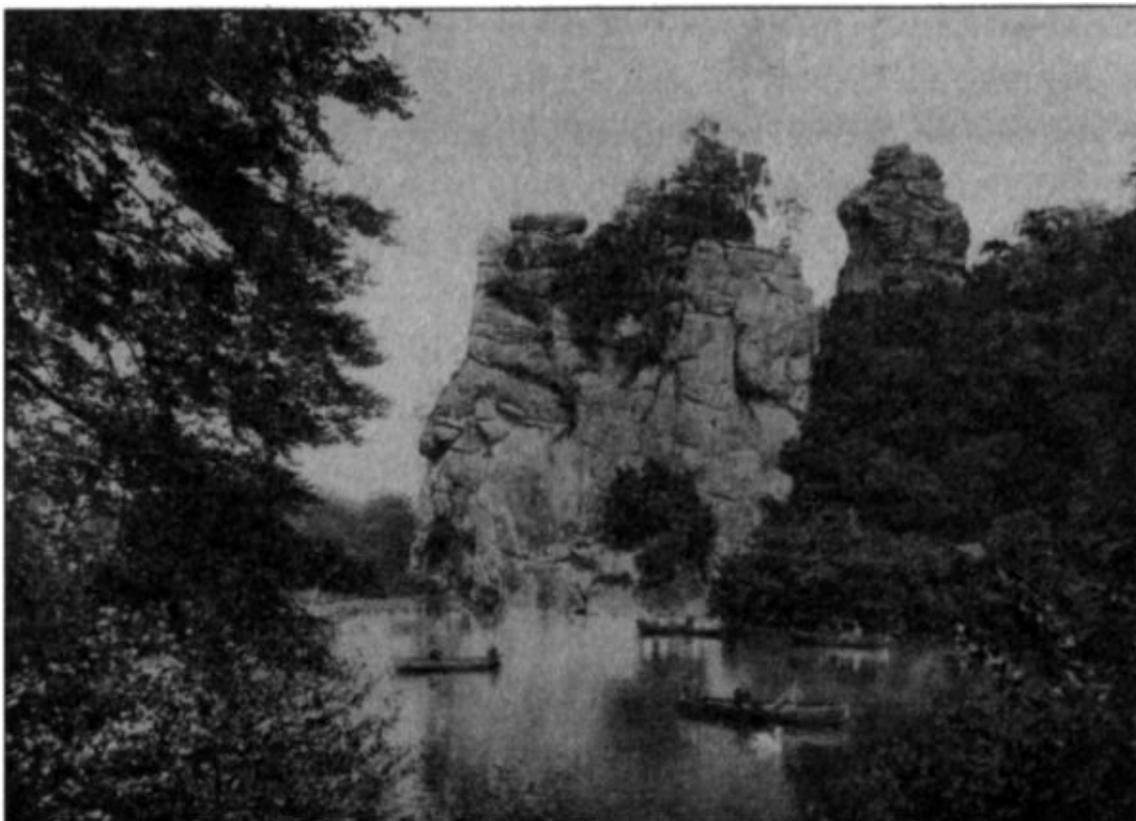
К сказаниям о разрушении Экстернштайна примыкают те, в которых повествовалось о том, что черт кидался этими скалами.

А. «Когда христианство стали проповедовать и у нас, то черт рассердился, что потерял эту местность, равно как и другие. Он долгое время не был в Экстернштайне и надеялся, что крест не воссиял над скалами. Так как он был вынужден убежать отовсюду, то надеялся, что сможет спрятаться в Экстернштайне. Он прибыл туда и увидел множество людей, которые падали ниц перед крестом, выдолбленным в скале. Многие совершали паломничество к часовне на вершине самой высокой скалы и к гробнице у подножия самой высокой скалы. Это раздражало черта. Видя, как от часовни следует священник с крестом, черт схватил огромный обломок скалы и метнул в него. Но сила креста направила обломок в

другом направлении, и он оказался на верхушке одной из скал. Священник начал читать молитву, и черта как ветром сдуло. Пробегая мимо выдолбленного креста, он очутился у гробницы. Он вцепился в нее когтями, но не смог разрушить. Царапины от этих когтей видны до сих пор».

Б. Это сказание напоминает предыдущие, но представлено в несколько ином виде. «Зло затаилось у северной стены первой скалы, поджидая христианского священника, идущего из Хольцхаузена. Оно задумало убить священника заранее приготовленным осколком скалы. Но осторожный священник вовремя заметил зло и обошел скалы с другой стороны. Когда служитель Христа приближался к третьей скале, то зло заметило его и бросило обломок ему в голову. Но Господь спас своего слугу, а потому глыба не задела его и осталась лежать на четвертой скале. Она находится там до сих пор, и никакая сила не может ее сдвинуть с места. Священник быстро освятил капеллу и направился на вершину первого утеса, откуда облил беса святой водой. Тот в ужасе бежал. Пробегая мимо сухого дуба, он задел его и тот сторел до самых корней».

В. Третья, самая подробная, версия этой истории звучит следующим образом. «На вершине первой скалы находится открытая часовня, которую после завершения строительства должен был освятить монах. Тогда предполагалось отслужить первую мессу. В назначенный день с ритуальной утварью в руках он прибыл из Хольцхаузена. Приблизившись к первой скале, монах оробел, так как в пятидесяти шагах от себя увидел дьявола, вышедшего из чащи леса.

Открытка начала XX века с изображением Экстерштайна

У него был длинный огненный язык, из глаз били молнии, из вершешек рогов сыпался сноп искр. Зло приблизилось к утесам, чтобы перехватить клирика у лестницы, ведущей навверх к открытой часовне. Монах, заметивший это намерение, повернул налево и пробрался по кустарникам к подъему к капелле. Он уже почти добрался до нее, когда нечестивый разгадал эту хитрость. Издавая невероятный шум, он схватил лежавший перед ним камень и швырнул им в монаха. Но монах оказался прикрыт скалами. Поэтому брошенный валун задел только край четвертой скалы, за вершину которой он зацепился, где и лежит до сих пор.

Усердный монах благополучно и безмятежно закончил торжественную службу. Он проявил необычное мужество и решил выступить против нечестивого, дабы укрепить веру людей. Сказано — сделано. Мгновенно в каменной стене, ведущей к алтарю, возникли четыре ступени. Еще более воодушевленный этим чудом, он поднялся на них, не думая об опасности. Он, освещенный первыми лучами солнца, оказался на выступе небольшого храма. Отсюда он вылил на князя тьмы, извергающего проклятия, святую воду. Тот не мог устоять у первой скалы и скрылся в старом дубу, который моментально зарос. Он исчез в этом дереве, дабы более никогда не

появляться в этой ставшей ему ненавистной местности. В тот же день в дуб ударила сильная молния, которая спалила его, не оставив ни следа от этого проклятого дерева».

Это сказание во всех его вариациях содержит в себе часто встречающийся в фольклоре мотив: черт (великан или колдун) хочет разрушить здание, бросив в него огромной глыбой. Однако этот валун не попадает в цель и остается лежать где-то неподалеку. Все подобные сказания совпадают как минимум в одном моменте — они стремятся объяснить наличие камня необычно больших размеров. Четвертая скала Экстернштайна не стала исключением. Немецкий исследователь Вольф не раз говорил о «странном наблюдении, что подобное метание глыб происходит преимущественно в церквях во имя апостола Петра». В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание, что «Петр» означает «камень». В данном случае «камень христианский» пытаются разрушить при помощи «камня демонического». Если принять во внимание доводы Вольфа и согласиться с ними, то сказания об Экстернштайне, очевидно, указывают на собственника этих мест — монастырь Святого Петра в Абдингхофе. Не исключено, что этому апостолу могло быть посвящено скульптурное изваяние близ бокового прохода в пещеру первой скалы Экстернштайна.

Между тем надо сразу же отметить, что сказания об Экстернштайне существенно отличаются от традиционных историй о «броске глыбой». Они рассказывают о метании куска скалы, на чем, собственно, история и заканчивается. Однако в сказаниях об Экстернштайне мы видим иное построение сюжета.

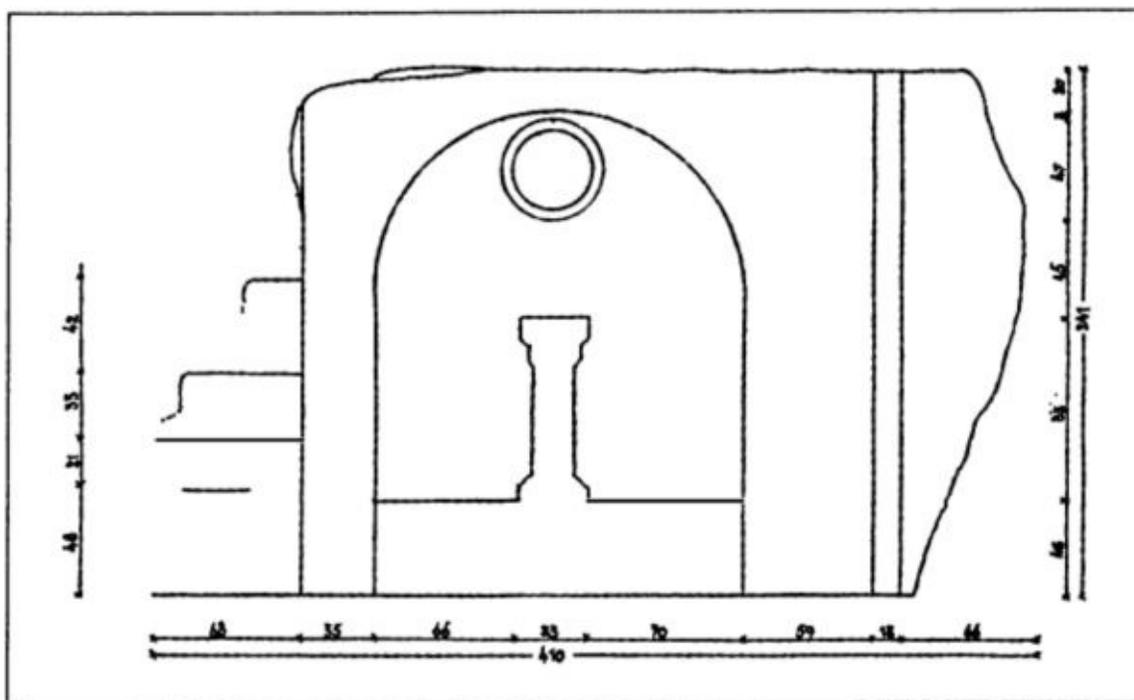
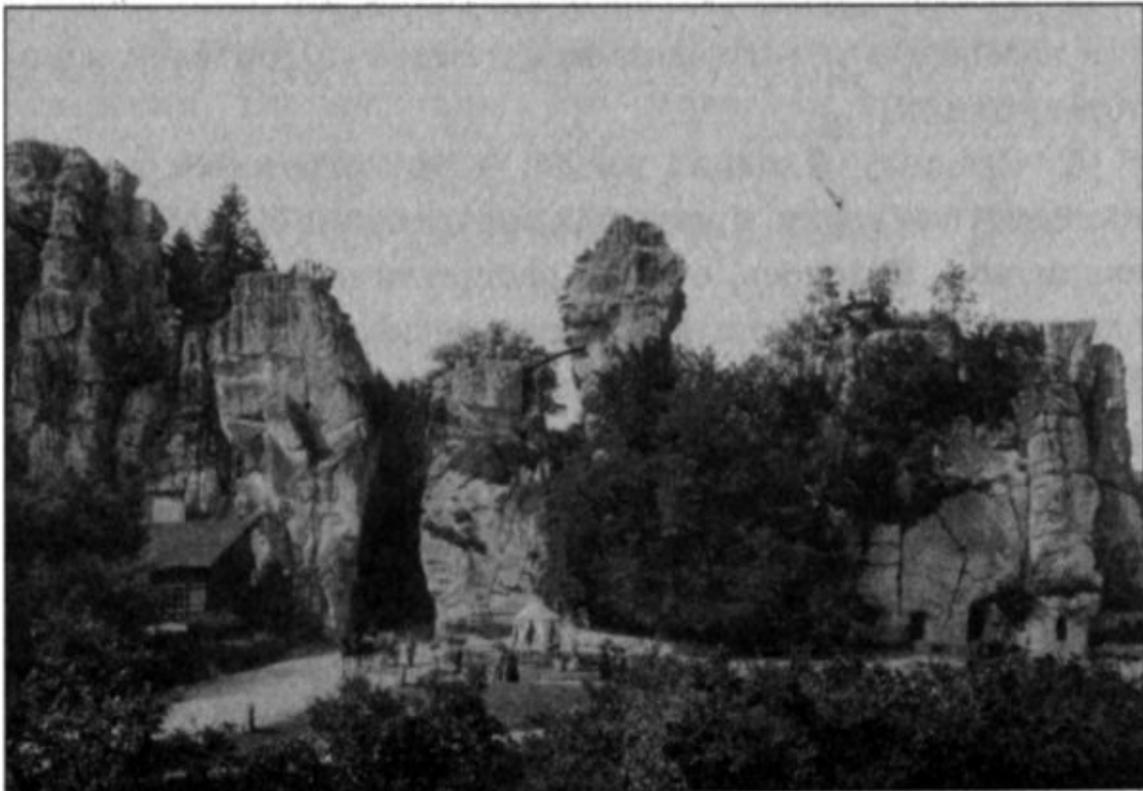

Схема ниши с алтарем

В них противостояние продолжается даже после неудачного броска валуном. Причем в некоторых случаях священник сам выступает против злого духа. В одном из вариантов дьявол скрывается в дубе, который засыхает до самых коней, а затем полностью уничтожается молнией. Кроме этого в одной из вариаций появляется дополнительный мистический сюжет — чудесное возникновение четырех ступеней из второй скалы. Во втором варианте священник поднимается на первую скалу и именно оттуда обливает нечестивого святой водой. В любом случае в этих сказаниях он атакует черта (дьявола) сверху. Следовательно, эти истории не могут считаться мифологическим объяснением возникновению сооружения Экстернштайна. Причем во всех этих историях местность описывается совершенно по-разному. Сказания совпадают лишь в самых принципиальных моментах: бегство зла, укрытие в дереве, молния, которая уничтожает дуб.

Также эти истории несколько нарушают стиль народных сказаний. Само подробное описание, как монах издалека видит зло и скрывается от брошенного валуна между скалами, придает им некую литературность. Сказания в целом не обращались к рассудительности и пренебрегали логичным объяснением происходивших событий. С другой стороны, от слушателя не требовалось объяснять, почему черт терпеливо ждал, когда священник (монах) закончит мессу или освятит капеллу. В этом месте мы

обнаруживаем «шов», который соединяет воедино два разных сказания. Судя по всему, вторая часть этих историй некогда была самостоятельным сказанием. При этом даже вывод о том, что эти скалы находились в собственности монастыря, является небесспорным (именно на этом настаивал Вильгельм Тойдт). Тойдт опирался лишь на то, что по сюжету сказания монах должен был совершить в Экстернштайне мессу. Но подобные суждения противоречат сохранившимся письменным документам. Другие исследователи полагали, что монах появился лишь по причине соседства Экстернштайна с монастырем.

Открытка начала XX века с изображением Экстерштайна

Вид на скалу с «шатающимся камнем» с юго-запада

Но подобная трактовка в корне противоречит законам народных сказаний.

Отдельная группа сказаний про Экстернштайн связана с так называемым «шатающимся камнем». Приведем некоторые из них.

А. Хронист Пидерит писал: «Этот огромный камень находится наверху, производя впечатление будто бы хочет свалиться. Казалось, он был расшатан ветрами, которые сдвинули его с места. Но на самом деле он неподвижен. Как он держится — неведомо. Это известно лишь одному Богу». В предыдущих сказаниях мы слышали версии о том, что его туда забросил черт.

Б. В нескольких сказаниях предвещалось, что этот камень все-таки должен рано или поздно упасть и придавить насмерть последнего из рода липпских князей.

В. В других сказаниях он должен был упасть на некую графиню или княгиню. В отдельных случаях даже называлось ее имя — Паулина. Согласно народным поверьям, именно по этой причине липпские княгини никогда не решались проходить между третьей и четвертой скалами Экстернштайна.

Г. «Однажды местные жители, вооружившись жердями, ломami и

молотами, решили скинуть со скалы этот опасный камень. К скалам подъехало около сотни телег. Когда они приблизились к четвертой скале, поднялся жутчайший ветер. Люди пришли в себя, когда уже лежали ничком на земле. Они словно пробудились ото сна, в который погрузились на какое-то время. Однако крестьяне, стоявшие у других скал, ничего подобного не испытали. Когда люди все-таки решили забраться на четвертый утес, то услышали страшный голос, который на древнем диалекте произнес: „Если кто-то прикоснется к моему камню, я его покараю“. С тех пор ни за какие блага мира крестьяне решались прикоснуться к этому камню. Поэтому он и сейчас лежит наверху».

Несколько сказаний было связано с «рукой в гробнице».

А. «В нише у святой могилы мы можем заметить три отверстия. По преданию, это отпечатки трех пальцев. Когда Христос восстал из гроба, то скала стала мягкой и прогнулась, когда он коснулся ее, чтобы подняться из могилы».

Б. «В нише святой могилы есть три углубления. Это следы когтей дьявола, который вцепился в нее, чтобы разрушить в бессильной злобе».

В первом случае мы видим достаточно уникальный случай. Легенда, очевидно, указывает на Экстернштайн как германский Иерусалим. Более того, из нее следует, что Христос был погребен именно в Экстернштайне, а затем именно там и воскрес. Вторая история отсылает нас к сказаниям о броске валуном, но и в ней есть мотив «святой могилы», что увязывает эти сказания воедино.

Вид на «каменную гробницу» сбоку

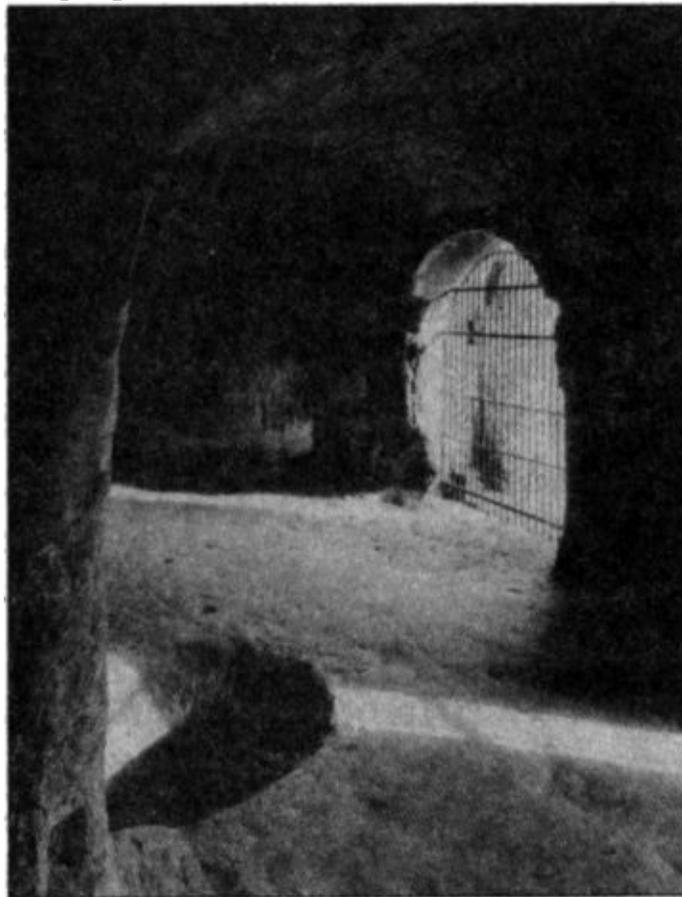
Народная молва постоянно связывала прошлое Экстернштайна с языческими жертвоприношениями, что нашло отражение в нескольких сказаниях.

А. «В нижней части первой скалы можно увидеть дыру, которая уходит вглубь утеса. В народе она зовется „кровавой“. Углубления есть и в полу больших пещер. Они называются „кровавыми котлами“, что говорит о жертвах, которые приносились здесь в языческое время».

Б. «В третьей скале, как раз напротив второй, находятся несколько сооружений, которые называются жертвенниками». Хронисты отмечали, что, «наверное», через «кровавую дыру» кровь жертв попадала в «кровавые котлы». Эта версия кажется фантастической, более подобающей для сценаристов фильмов ужасов. Впрочем, народная молва всегда наделяла языческие капища и могильники недоброй славой, вне зависимости от того, где бы они ни находились. Чтобы опознать в сооружениях Экстернштайна языческие жертвенники, нужны более убедительные доказательства, нежели народные сказания. Между тем бросается в глаза, что во многих сагах имеются общие черты. Языческий алтарь, так и не разрушенный

чертом в сказании о возникновении Экстернштайна, соответствует не только сказаниям о жертвенниках, но и воплотил в себе черты «шатающегося камня». Кроме этого невероятное количество сказаний «о зле в Экстернштайне» явно указывает на дохристианское происхождение этого культового комплекса.

Отдельные сказания связаны с некоторыми сооружениями Экстернштайна. Непосредственно перед второй скалой стоит каменный блок с шестью тонкими ступенями, который в народе назывался «трибуной» или «кафедрой».

Один из гротов в скалах Экстернштайна

Иллюстрация из книги XIX века с изображением Арминия

Это сооружение по своим размерам больше человеческого роста.

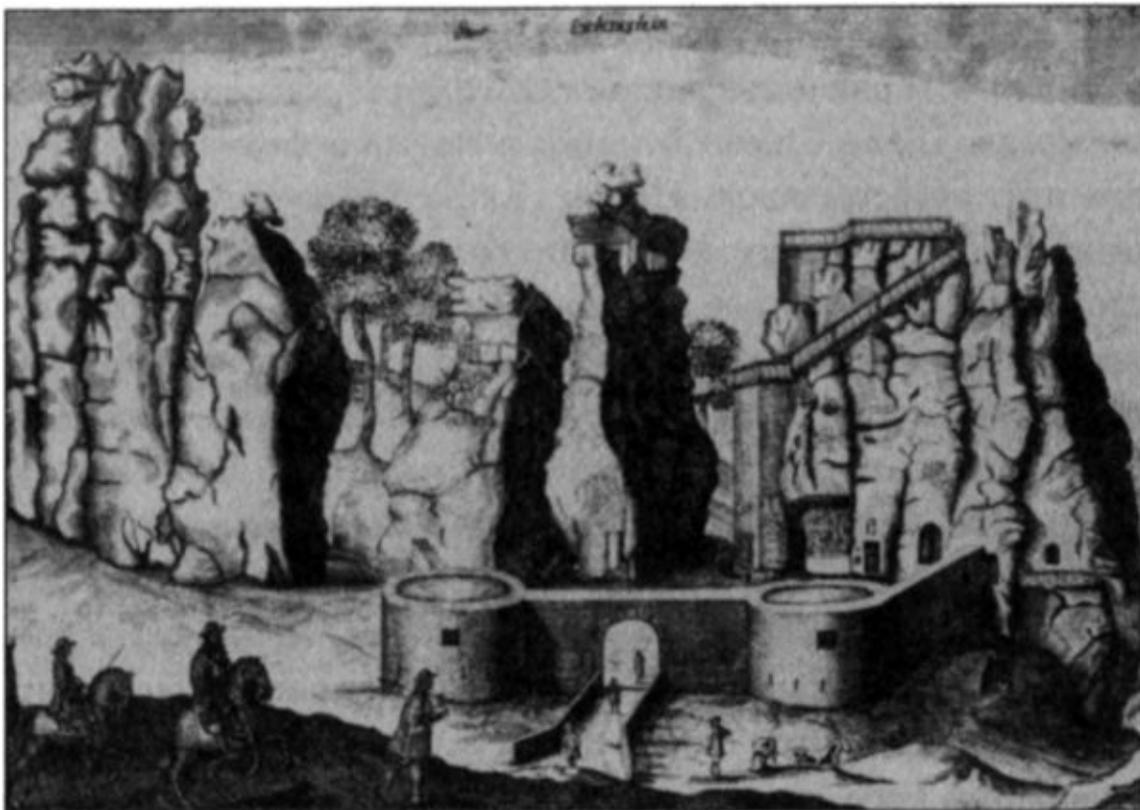
В народных сказаниях утверждалось, что именно с этой «трибуны» произносил свою речь Арминий, который воодушевлял германцев на битву с римлянами. Подобные истории всегда вызывали у исследователей подозрения относительно их достоверности. Не исключено, что они являлись поздней литературной конструкцией, которая была вызвана к жизни модой на исторический романтизм. В любом случае настоящее древнее народное сказание почти никогда не сообщало о конкретном месте, где произносилась та или иная речь. Что, впрочем, не может опровергнуть сказания о «трибуне».

Вдоль всей третьей скалы пролегают два выступа, которые как бы образуют скамью. В народе она именовалась «заседательной скамьей». Древние хронисты сообщали, что здесь в языческие времена проводились судебные разбирательства. То есть в Древней Саксонии Экстернштайн являлся не только культовым, но и административным центром. На той же самой третьей скале, над центром лестничного прохода, грубо высечено лицо, которое людская молва прозвала «головой Марии».

Отдельного внимания заслуживают ироничные сказания, часть из которых посвящена «продаже Экстернштайна». «Граф Симон Филипп во времена своего пребывания в Италии при дворе Медичи проиграл все деньги и имущество. Когда у него ничего не больше осталось, Медичи

стали убеждать его заложить украшения и драгоценные камни. На это граф ответил: „Да, у меня есть огромный камень Экстернштайн с восхитительными украшениями“. Медици выдали ему под залог камня большую сумму и заранее радовались. Когда они позже послали своих посланников к графу фон Липпе, чтобы забрать камень, то Симон Филипп нашел, что сумки были слишком малы для сокровищ подобного рода». Ироничность данной истории, возможно, является отражением конфессиональных противоречий того времени: Медици — католики, липпские графы — протестанты.

Выше уже рассказывалось о том, что отдельные части саги о Тидерике могли относиться к Экстернштайну. В частности, речь шла о борьбе с великаном Экке, который был обручен с королевой, имевшей девять дочерей. Он жил в замке Дракенфелис (скала дракона). Показательно, что Тидерик встретил великана в лесу Оснинг, а именно так называется горный кряж в Вестфалии, в окрестностях Экстернштайна. Замок располагался на другом конце чащи. В данном случае в качестве чащи мог выступать не столько кряж Оснинг, сколько расположенный рядом с ним Тевтобургский лес. Именно на его краю был расположен Экстернштайн. Это совпадение было замечено Йозефом Плассманом, начальником одного из отделов «Наследия предков». Более того, в легендарном лесу имелись Большая и Малая Мель (Эгге), и именно места с такими названиями находились в окрестностях Экстернштайна. Подобные аналогии могут привести к далеко идущим выводам. Если принять за рабочую версию то, что Экстернштайн являлся Дракенфелисом, то напрашиваются новые и новые параллели.

Гравюра Элиаса фон Леннепа с изображением Экстернштайна (1663 год)

Например, «скала дракона» существовала в некоторых вариантах саги о Зигфриде. Обладавшая отвесными стенами она одновременно служила жильем для великана. Скала имела в себе дверь, которую по заданию дракона и охранял великан.

Между историей и народными сказаниями находится такой исторический источник, как жития святых, которые в отдельной части сохраняют в себе черты легенд, но при этом считаются исторической правдой. Из всего материала непосредственно с Экстернштайном оказалось связано только одно житие. Приведем его.

«Хаймерад, происходивший из Швабии, был фанатичным пилигримом. В начале XI века он вернулся в Херсфельд из паломничества в Иерусалим. Вначале он оказался в местном монастыре, однако из-за странностей и разногласий с братией был вынужден покинуть его. Едва он оказался в Кирхберге, что близ Гуденсберга, он был по ошибке обвинен в ограблении человека. Он был вынужден покинуть и эти места. После этого он оказался в Кирхдитмольде, где даже некоторое время справлял церковные службы. Но и здесь он не прижился. Местные жители

возненавидели его. Он был изгнан и даже травился собаками. После того как Хаймерад несколько лет пребывал в графстве Варбург, он решил уединиться в Экстернштайне. Оттуда он вновь вернулся в Варбург. Он был любезно встречен графом Додико и представлен падерборнскому епископу Майнверку. Его поддержали, и он поселился во франкской части Гессена, где в 1011 году на вершине горы Бургхаузен при помощи местных жителей построил уютную хижину. Здесь он жил своим трудом и подаяниями жителей, которых лечил. Все больные выздоравливали. Это обстоятельство и религиозная одержимость сделали его местночтимым святым. Так Хаймерад жил 8 лет и покинул мир в 1019 году». В этой истории на себя обращает внимание один момент — паломник, вернувшийся из Иерусалима, предпочитает на некоторое время уединиться в Экстернштайне. Причем он сделал это задолго до того, как, согласно «средневековой версии», скалы стали культовым для христиан местом.

Прежде чем продолжить изыскания о мифологической и мистической сути Экстернштайна, надо совершить прогулку по этим удивительным местам и поближе познакомиться с ними.

Вид на Экстернштайн со стороны Кникенхагена

Глава 2. Променад между скалами

В настоящее время большая часть немцев и гостей Германии предпочитают попадать к Экстернштайну через лес. Здесь, в этом царстве спокойствия, есть свои «властелины», одним из которых является могучий старый дуб.

Для древних германцев дуб был особым деревом, а лес особой стихией. Тацит описывал обряд инициации, когда германских юношей, которых должны были принять в племя, посылали в лес, чтобы испытать их храбрость. По большому счету дуб значился на особом счету не только у германцев, но и у кельтов. Из католической житийной литературы до нас дошло описание того, как святой Бонифаций во время своих миссионерских путешествий срубил святыню германцев, расположенную на севере Гессена, близ города Гайсмар, так называемый «Дуб Донара». Эта история имела две трактовки. С одной стороны, она говорила о бесстрашии, которым обладали миссионеры раннего Средневековья. С другой стороны, она свидетельствовала о бесцеремонности католических монахов, занимавшихся обращением германцев в христианство.

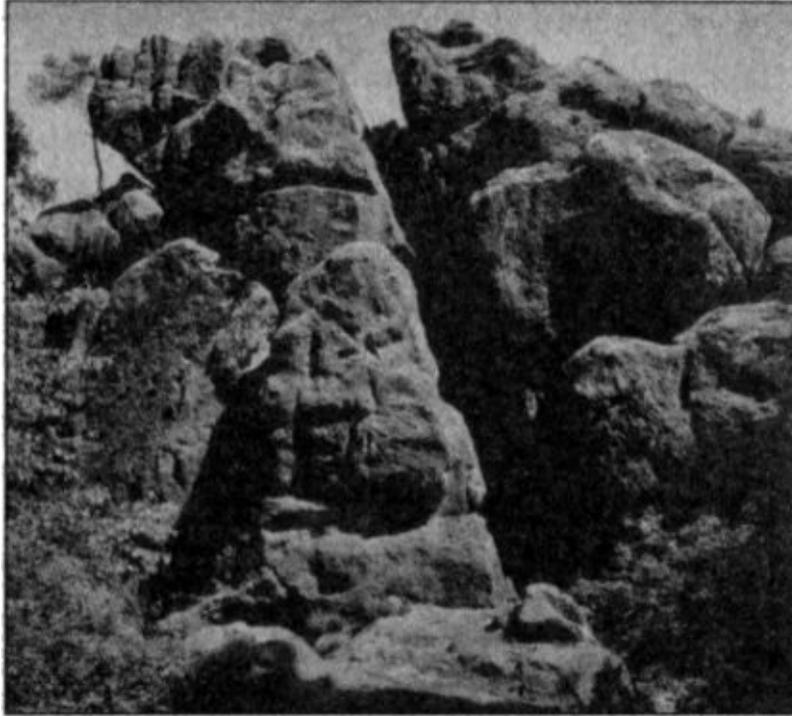
Надо отметить, что некоторые из исследователей выводили слово «друид» от греческого «*drys*», что означало именно «дуб». Вывод отнюдь не бесспорный, однако эпоха друидов закончилась именно тогда, когда в Европе стали вырубаться дубовые рощи.

С нескольких сторон скалы Экстернштайна плотно охватывают склоны Тевтобургского леса. У каждого из этих мест есть свое название. На северо-западе к Экстернштайну подходит склон Беренштайн («медвежий камень»), а на юго-востоке — Кникенхаген («сломанная изгородь»). Между склонами этого лесного массива проходит долина Вимбеке, по которой течет небольшая речка, превращающаяся благодаря запруде близ Экстернштайна в небольшое озерцо. Вплоть до самой низины склоны возвышенностей укутаны в леса. Чтобы попасть к скалам, волей-неволей приходится прогуляться по этим чащам. Лишь небольшое пространство, расположенное к северо-востоку от Экстернштайна, занимают луга. Впрочем, еще несколько веков назад склон Кникенхаген выглядел совершенно иначе. На рисунках XVIII века можно заметить, что возвышенность за утесами Экстернштайна фактически была покрыта лишь небольшими деревьями. На гравюрах, сделанных за столетие до этого, вокруг Экстернштайна вообще не изображено никаких деревьев — они

виднеются лишь на самой вершине Кникенхагена. Судя по всему, в позднее Средневековье Экстернштайн был открыт почти со всех сторон. Более ранних изображений Экстернштайна до нас не дошло, а потому ориентироваться можно только на письменные источники. В документе 1093 года говорилось о том, что скалы были расположены «in vicino nemore», то есть «по соседству с лесом», «рядом с рощей». Кроме этого, из более древних источников известно, что когда римские армии достигли Варуса в начале нашей эры, то окрестности Тевтобургского леса представляли собой непролазные чащи. Хотя из тех времен не сохранилось никаких указаний относительно самого Экстернштайна.

Посреди леса, на гребне Кникенхагена, расположена скала Фалькенштайн («соколиная скала»), которая возвышается над всеми окрестностями. С нее открывается прекрасный вид на Экстернштайн, позволяющий увидеть этот комплекс издали. На Фалькенштайн можно подняться по идущей от самого подножия скалы расселине. В самом низу расселина слишком тесная, но человеку, имеющему хоть какой-то опыт скалолаза, не составит проблем вскарабкаться по ней наверх. Впрочем, этого не стоит делать вечером и тем более ночью. В расселине даже в солнечный день царит полумрак. На вершине Фалькенштайна находится несколько «оборудованных» обзорных пунктов. Это углубленные со временем ниши, которые достаточно глубоки, чтобы в них можно было сесть, как в некоторое подобие «каменных кресел». Эти сидища были изучены в апреле 1998 года. Искусствовед Ульрих Нидхорн после их изучения пришел к выводу, что речь идет о естественной эрозии скал. Однако в давние времена эти удобные для наблюдения сооружения были обработаны каменными инструментами. Показательно, что при исследовании «каменных кресел» не было найдено никаких следов обработки металлическими приспособлениями. Это позволило говорить о том, что сооружения на вершине Фалькенштайна датировались эпохой неолита, то есть возникли по меньшей мере за тысячу лет до нашей эры. Ульрих Нидхорн при помощи современных технологий сделал латексные отпечатки «каменных кресел», которые были детально изучены в лаборатории. Именно так были обнаружены следы воздействия каменными зубилами.

Об искусственном происхождении этих наблюдательных пунктов говорит также тот факт, что они находятся фактически на одном уровне. Профессор Вольфхардт Шлоссер, астроном из университета Бохума, после подсчетов и изысканий пришел к выводу, что подобных «наблюдательных пунктов» должно быть по меньшей мере четыре штуки.

Фалькенштайн с «креслами» на вершине

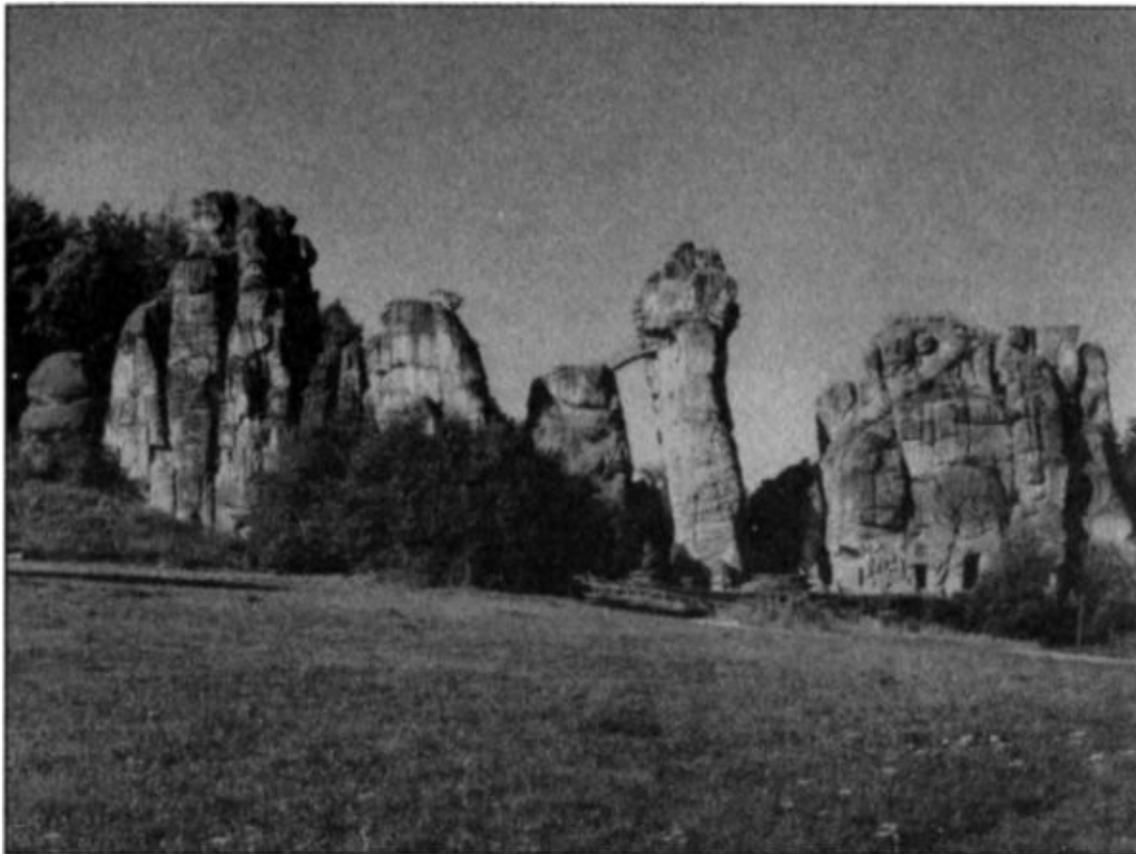
Они должны были быть ориентированы на места захода и восхода солнца во время зимнего солнцестояния. То, что каждый из этих наблюдательных пунктов был парным и пара «кресел» располагалась всего лишь в нескольких метрах друг от друга, позволило Ульриху Нидхорну предположить, что одно «кресло» предназначалось для учителя, другое — для ученика. Во времена, когда европейцы не знали календарного летоисчисления, наблюдение за астрономическими объектами было очень важным для определения времени года и момента наступления нового года. Существование «астрономических культов» позволяло жителям Древней Европы определять циклы хозяйственной жизни, например время начала посева или вязки домашних животных, чтобы детеныши не появлялись на свет во время зимних холодов.

В той части, где склон Кникенхагена резко идет вниз и начинается долина Вимбеке, буквально из земли возникает песчаник. Поначалу этот камень не очень сильно виднеется над травой, однако внезапно он устремляется ввысь пятью могучими скалами, которые и известны всему миру под именем Экстернштайн. Если смотреть на них с востока, то эти скалы не кажутся чем-то единым, скорее они напоминают зубцы гор, которые когда-то были сокрушены природой или человеком. Но на самом деле Экстернштайн — это могущественная скальная порода, которая

вздыбилась в самом центре Тевтобургского леса. Горные зубцы тянутся один за другим в юго-восточном направлении. Фалькенштайн не относится к Экстернштайну. «Соколиная скала» принадлежит к другой группе скал, которая показалась из земли всего лишь на несколько метров. Поскольку в настоящий момент все склоны Кникенхагена покрытым лесом, то эти небольшие камни (если не брать в расчет сам Фалькенштайн) фактически не видны.

В бытность геологическая активность в этих краях была очень бурной. Это привело к тому, что на небольшой территории возникли три гряды гор: Рейнская, которая идет параллельно долине Рейна; Герцинийская, которая тянется вдоль северной граница Гарца; и Эггийская, поднимающаяся с севера на юг, параллельно горам Эгге. Тевтобургский лес раскинулся в направлении Герцинийской гряды скал. Экстернштайн расположен в юго-восточной части этого некогда дремучего леса. Если пройти несколько километров от Экстернштайна на юго-восток, то можно увидеть горы Эгге, которые северным окончанием примыкают к Тевтобургскому лесу.

Общие черты ландшафту Тевтобургского леса придают три параллельно идущие друг другу гряды гор. Каждая из них имеет свою «геологическую историю». Расположенные на северо-востоке горы преимущественно состоят из ракушечника. Еще одна цепь идет по южному краю лесного массива. К центральной гряде относятся Экстернштайн, Кникенхаген, Беренштайн.

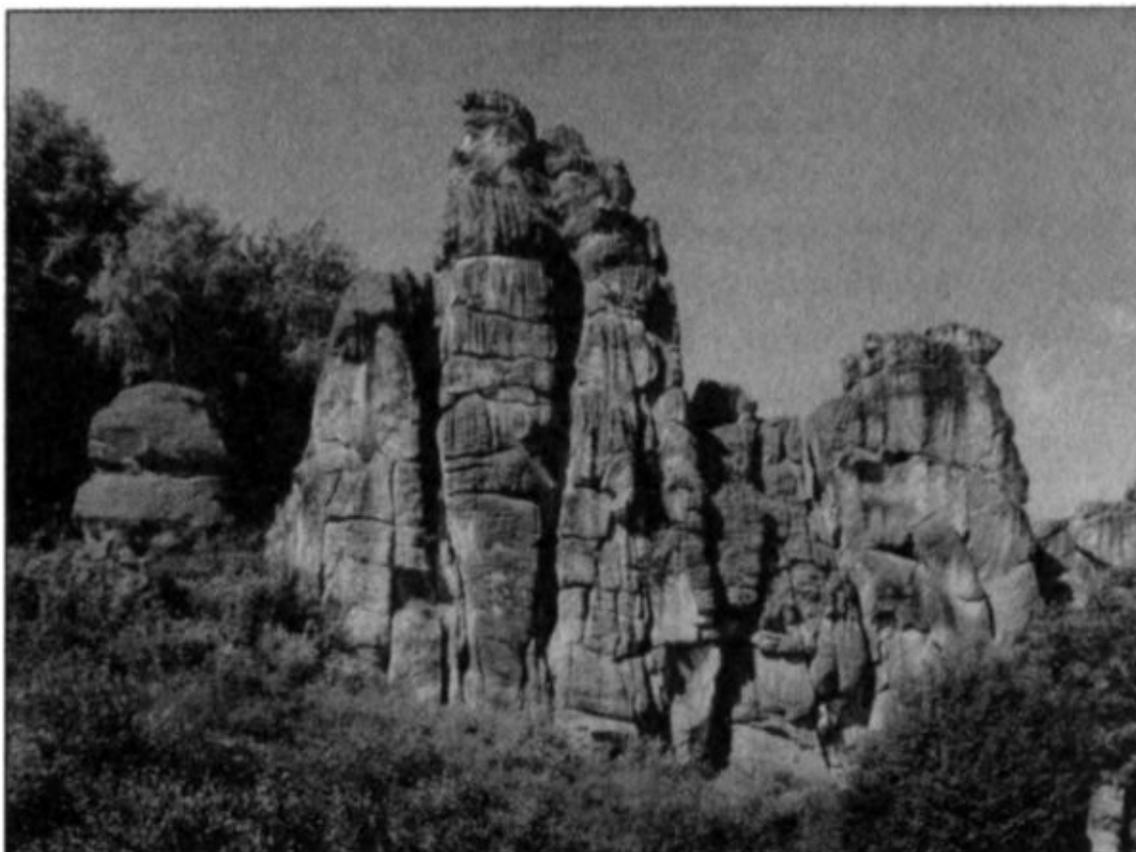

Вид на скалы Экстернштайна с северо-востока

Это не самые высокие горы, однако именно Экстернштайн вздымается над землей фактически без плавных переходов. Все эти объекты в основном состоят из песчаника, одного из самых распространенных материалов на кряже Оснинг.

Если смотреть на скалы Экстернштайна с северо-востока, то обнаружится, что взор был устремлен на самом деле на их центральную часть. Дело в том, что сразу же за скалами следует резкий спуск, который длится почти 20 метров. То, что с северо-востока казалось подножием скалы, при взгляде с юго-запада окажется ее серединой. Внезапно вырвавшиеся из почвы эти скалы во многих местах выветрены, тем более что песчаник не слишком устойчив к воздействию погоды и ее перепадов.

Обычно скалы Экстернштайна принято нумеровать от озера в направлении склонов Кникенхагена, то есть справа налево.

Вид на пятую и четвертую скалу Экстернштайна

Свой рассказ мы начнем со скалы, которая в данной нумерации является пятой. По сути, она является самой высокой из всех скал Экстернштайна. Она более известна под названием «скала с мужской головой». Справа к ней примыкает утес с так называемым «шатающимся камнем» на вершине. Он четвертый по счету.

В первой половине дня свет падает на эти скалы с юго-восточной стороны, что позволяет отчетливо разглядеть вертикальные трещины и борозды, которые покрывают пятую скалу Экстернштайна с низа до самого верха. Это «свидетели» геологического времени, когда здесь плескалось море, которое на протяжении тысячелетий гнало свои волны на эти камни. К полудню тени вертикальных расселин становятся настолько четкими, что кажется, будто бы четвертая скала состоит из нескольких частей. Игра света и тени издавна позволяет заметить в скалах Экстернштайна причудливые изображения людей и животных. В большинстве случаев — это только фантазии. Но поскольку именно это обстоятельство привлекает множество туристов в Экстернштайн, то остановимся на нем поподробнее. В средней части пятой скалы можно увидеть мужское лицо. Тело

«мужчины» почти соответствует человеческим пропорциям, так как к подножию сужается. В данном случае голова находится на самой вершине. Взор «мужчины» направлен налево, голова повернута в профиль. Отчетливо видны его глазные впадины и ноздри. Над не очень высоким лбом нависает участок скалы, напоминающий причудливую шапку с двумя отростками-выступами.

Голова «мужчины» обращена на юго-восток и смотрит вдаль, будто бы это был стражник, который охраняет древнюю святыню. В его профиле читается строгость, и даже некоторая напряженность.

«Мужская голова»

Рот «мужчины» слегка приоткрыт — по данной причине некоторые из исследователей Экстернштайна называют эту фигуру «зовущим», что придает ей некоторое осмысленное значение. От подбородка до макушки голова имеет в размере приблизительно 6,5 метра. Вертикальные складки, которые за тысячелетия в камне проделала текущая вода, обнаруживаются как ниже подбородка, так и на головном уборе, но отнюдь не на «мужском лице». Они прерываются столь резко, что невольно возникает мысль об его искусственном возникновении. Версия о том, что уровень воды в некогда существовавшем доисторическом море резко упал, отнюдь не объясняет, почему лицо выглядит пористым, а нижние камни в некоторых местах в

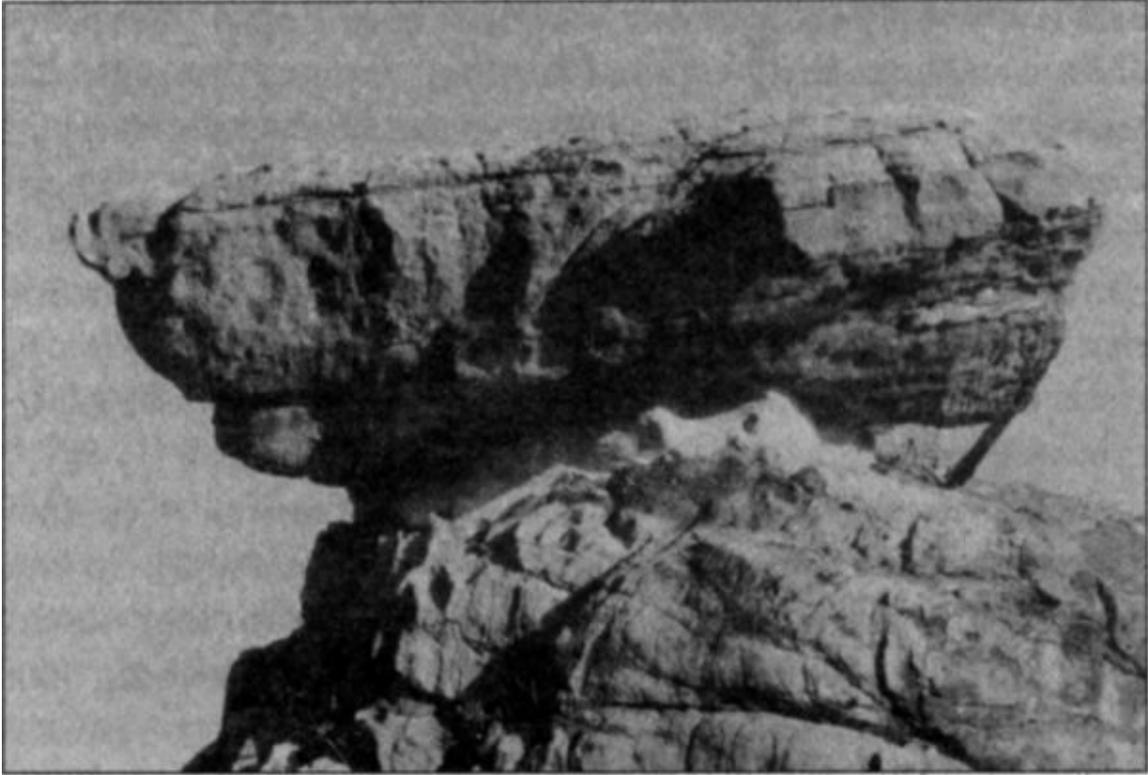
буквальном смысле слова отполированы. В 1988 году упоминавшийся нами выше искусствовед Ульрих Нидхорн смог при помощи пожарных лестниц подняться на достаточную высоту, чтобы вблизи разглядеть «мужское лицо». Его вердикт был следующим: песчаник обрабатывали подобием примитивных щипцов.

В правой части пятой скалы можно найти еще одно человеческое «изваяние». Оно поменьше ростом, чем «мужчина», и занимает приблизительно половину этой части утеса. Некоторые из посетителей с хорошей фантазией угадывают в этой фигуре «женщину». Она облачена в юбку, а длинные волосы ниспадают с ее головы. «Женщина», подобно «мужчине», повернута к зрителям профилем и также смотрит в левую сторону. На уровне «бедра» четко выступает «рука», облаченная в широкий рукав. По большому счету никто бы не воспринимал пятую скалу как фигуры «мужчины» и «женщины», если бы в скалах не читались их лица. Можно было бы посчитать, что в данной ситуации в качестве скульптора выступила сама природа. Однако последние исследования указывают на то, что природе, возможно, «помогли». Изучая увеличенные изображения «мужского» и «женского» лица, немецкая исследовательница Элизабет Нойман-Гудрун пришла к выводу, что в этих частях скал имелись следы человеческой деятельности. Однако одежду и вихры «молодой жрицы» (именно так исследовательница именуется фигуру «женщины») являлись результатом воздействия природных сил. В данном случае делалось предположение, что в далекой древности люди, заметив в трещинах и расщелинах скал человеческие фигуры, придали им еще большее сходство с собой. Сразу же отметим, что эта версия не является бесспорной.

Если говорить о скале с «качающимся камнем» (в предыдущей главе приведено несколько легенд о ней), то она является природным феноменом. Конечно же, люди изначально предполагали, что странный камень был кем-то занесен или закинут на верхушку четвертой скалы Экстернштайна.

Четвертая скала с «качающимся камнем» на вершине

«Качающийся камень»

Однако появление «шатающегося камня», скорее всего, является результатом многовекового выветривания мягкого песчаника.

Противники данной версии утверждают, что четвертая скала была фактически со всех сторон закрыта от ветров, а сам «качающийся камень» располагался не настолько высоко, чтобы подвергнуться столь сильному воздействию выветривания. В данном случае можно предположить, что скалы Экстернштайна не были однородным песчаником. «Качающийся камень» был более твердым по своей породе и соединялся с основной скалой более мягким природным материалом, который и стал «жертвой» ветров.

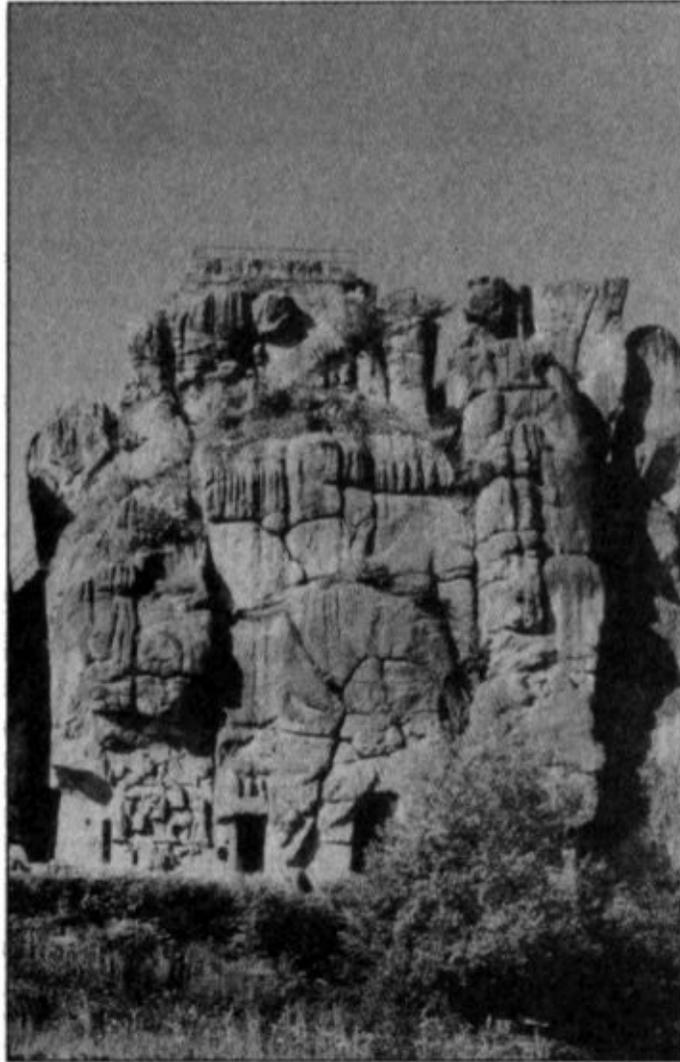
Для меня лично до сих пор остается загадкой, почему скалы Экстернштайна, которые как отдельные объекты можно разобрать только, если смотреть на них с северо-востока, нумеруются справа налево. В любом случае этой традиции уже около 200 лет. Каждая из пяти отдельно стоящих скал имеет свое собственное имя. Эти пять скал, которые с правой стороны ограничены озером, возникшим в запруженной долине Вимбеке, а с левой стороны склонами Кникенхагена, и именуются Экстернштайном. Попытка некоторых исследователей назвать комплекс во множественном числе — Экстернштайны — в корне не верна хотя бы потому, что каждый

из утесов отнюдь не «безымянный», а название Экстернштайн применяется к ним только вкуче как к природно-историческому комплексу.

Для того чтобы облегчить нашу дальнейшую «прогулку» у Экстернштайна, охарактеризуем каждую из скал. На первой скале находится барельеф «Снятие с Креста», а также в ней расположена пещера с тремя помещениями. На вершине этой скалы находится выровненная смотровая площадка. С обратной стороны скалы находится еще несколько помещений-гrotтов. С данной стороны скала не менее причудлива, чем скалы с «мужчиной» и «женщиной». Чтобы попасть на смотровую площадку, гостю Экстернштайна придется долгое время подниматься по узкой лестнице, которая на манер «серпантинной дороги» опоясала первую скалу с нескольких сторон. У ее подножия находится так называемый «каменный гроб» (или «каменная гробница»). Обычно первый утес Экстернштайна называется «скалой гrotтов».

Вторая скала приобрела название «скала-башня». На ее вершине находится несколько искусственных углублений. Несколькими метрами ниже, но все-таки выше центральной части скалы находится разрушенное помещение, которое, как предполагается, в языческие времена служило для «астрономических культов», а затем было приспособлено для христианских обрядов. Данное помещение известно как «высотная камера». У подножия «скалы-башни» находится упоминавшаяся нами ранее так называемая кафедра или «трибуна».

Третья скала Экстернштайна называется «лестничной скалой», так как только отсюда по мостику можно дойти до «высотной» «скалы-башни».

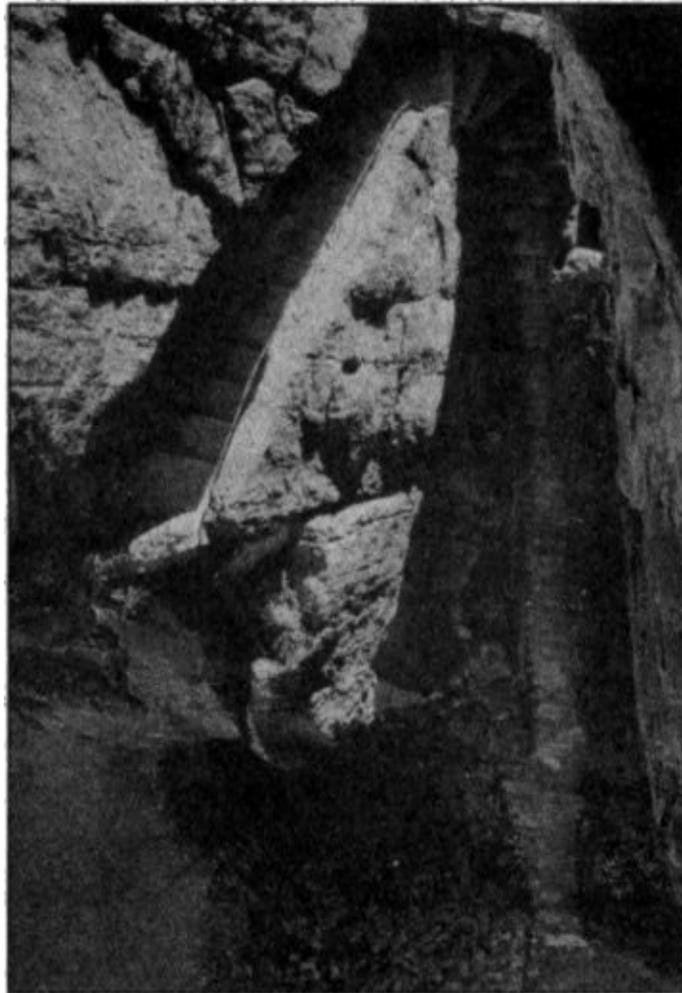
«Скала гротов». Вид с северо-востока

На мостик можно попасть лишь через лестницу, построенную на «фронте» скалы. В «лестничной скале» сохранились остатки разрушенного помещения, о предназначении которого в прошлом до сих пор ведутся горячие споры. У подножия третьего утеса Экстернштайна располагается «заседательная скамья», выдолбленная прямо в горной породе. Между третьей и четвертой скалой находится дорожка, по которой можно попасть на другую сторону Экстернштайна.

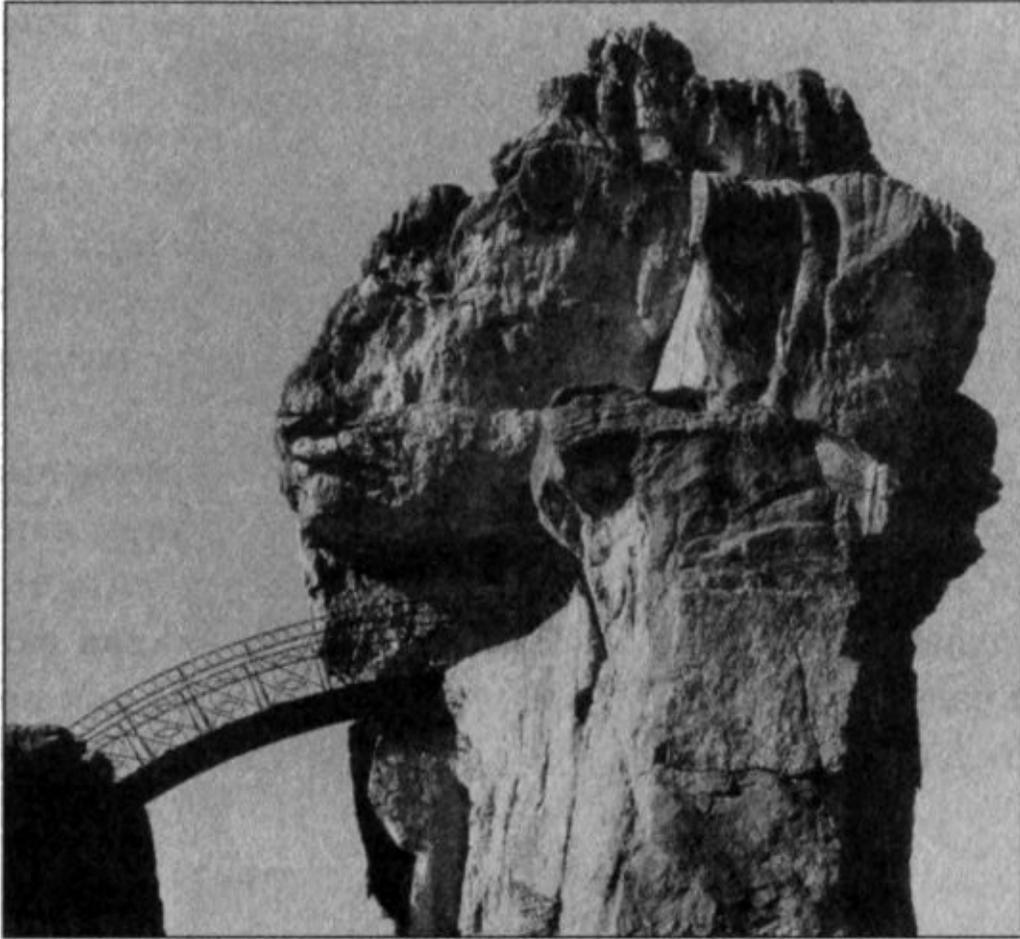
Четвертая скала примечательна сразу же несколькими объектами. Во-первых, на ее северо-восточной стороне можно увидеть некое подобие фигуры распятого человека. На другой стороне скалы можно увидеть еще несколько фигур. Однако свое название этот утес получил за покачивающийся валун, находящийся на его вершине, — «качающийся

камень». В итоге громада известна как «скала качающегося камня». Пятую скалу мы уже описали. В силу того, что в ней читаются изображения мужчины и женщины, а ее верхушка напоминает лицо мужчины, то ее обычно называют «скалой с мужской головой» или просто «скалой с головой».

Пять скал Экстернштайна не являются единственными возвышенностями в этих краях, в юго-восточном направлении тянутся еще несколько «номерных» холмов и утесов, однако только Фалькенштайн — «соколиная скала» (одиннадцатая по счету) представляет интерес для исследователей.

Вид сверху на лестницу третьей скалы

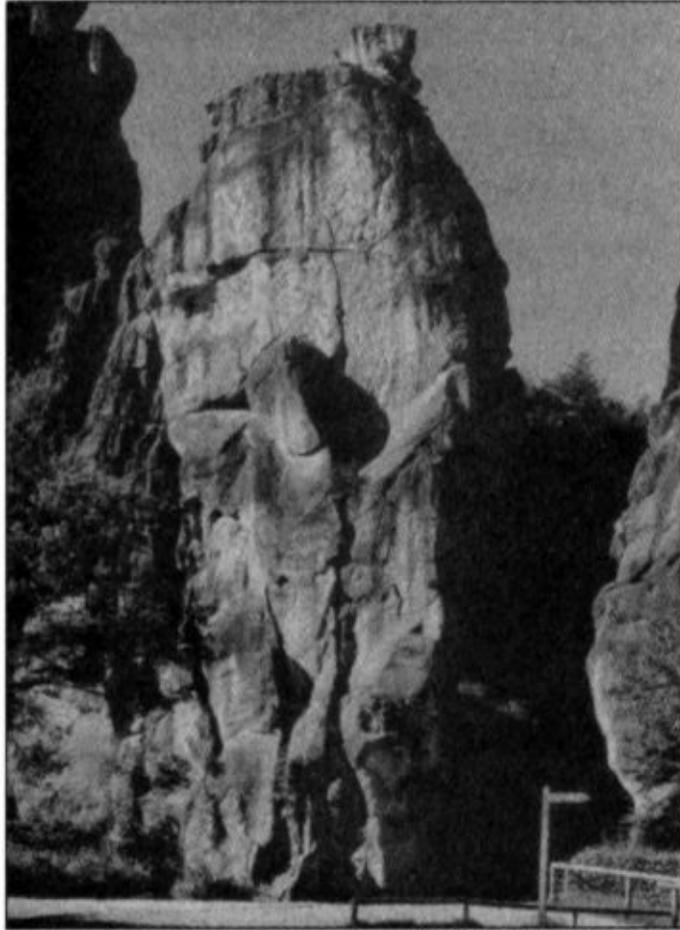
Мостик, ведущий к «высотной камере»

В первую очередь она обязана этим вниманием своим «каменным креслам», хотя и остальные пять (с шестой по десятую) небольших каменных возвышенностей хранят на себе следы деятельности человека.

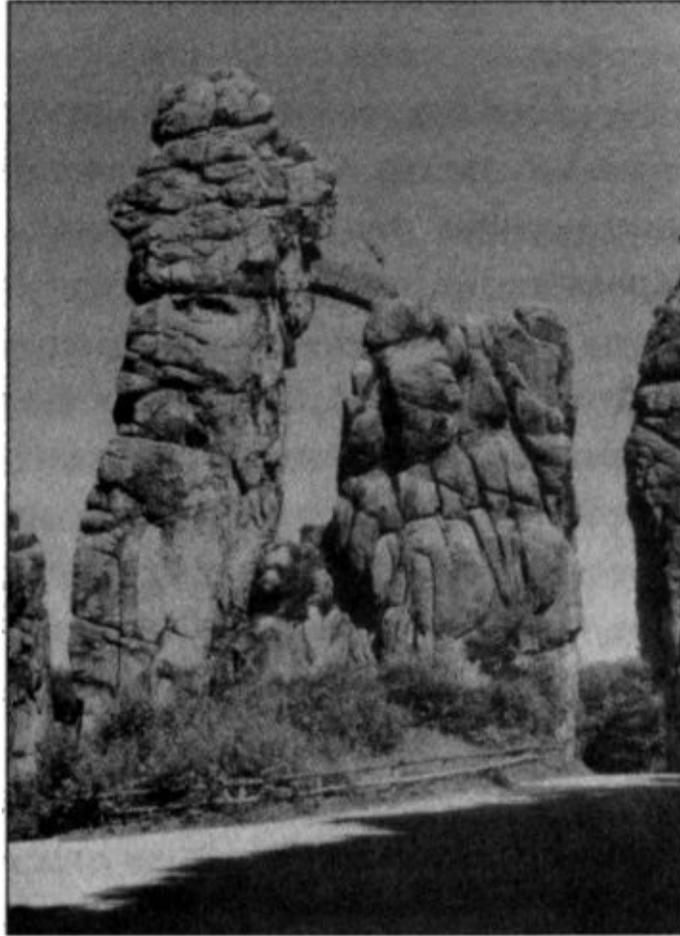
Они еще ждут своего исследователя. В рамках данной книги нас в первую очередь интересуют «классические» пять скал Экстернштайна, на которых мы и остановим свое внимание.

Вторая скала Экстернштайна действительно очень напоминает башню. Причем башню, чей верх очень сильно пострадал от взрыва. О том, что вершина второй скалы некогда была разрушена, говорит тот факт, что на ней отсутствуют характерные для всей скалы борозды и трещины. Когда тени падают на нее, то это становится очевидным. Сейчас очень сложно предполагать, как она выглядела изначально.

Правая сторона «скалы-башни», обращенная на северо-запад, почти постоянно погружена в тень.

«Распятие» на четвертой скале Экстернштайна

Вид на вторую и третью скалы Экстернштайна с юго-запада

Эту тень разрывает лишь свет, который идет из «высотной камеры». При этом само устройство палаты, которое идет несколько наискосок, указывает, что некогда здесь находился ведущий вниз ход, вероятно, оборудованный лестницей. У основания «скалы-башни» стоит «кафедра», которая представляет собой площадку, возвышающуюся над уровнем земли приблизительно на два метра. К ней ведут несколько узких ступеней. Местоположение «кафедры» невольно наводит на мысль о том, что сама скала была предназначена исключительно для того, чтобы от ее подножия произносили речи. Впрочем, до сих пор остается загадкой, произносили ли когда-нибудь с этой «трибуны» воззвания в действительности. Нас больше должна интересовать все-таки «высотная камера». Между двумя скалами (второй и третьей) проложен изогнутый деревянный мостик. Его форма была predetermined тем, что вход в «высотную камеру» находится приблизительно метром выше, чем верхушка «лестничной скалы». Проходя по мосту, можно обнаружить, что некогда «высотная камера» (в результате

разрушения) потеряла часть стен и потолка. Сама лестница, ведущая на вершину третьей скалы, была заложена достаточно давно. Первые письменные упоминания о ней датируются 1627 годом. Кроме этого, на половине подъема на скалу можно обнаружить надпись, которая гласит: «В 1600 году в этом месте завтракал граф Арнольд фон Бентхайм». Между тем гравюры того времени не содержат в себе никаких намеков на то, что между скалами был перекинут изогнутый мост. То есть сам собой напрашивается вывод о том, что разрушение «высотной камеры» произошло во времена Средневековья, причем после этого мост, ведущий к ней, был также разрушен.

Если говорить о названиях двух скал («скала-башня» и «лестничная башня»), то они как нельзя лучше подходят для этих утесов. Третья скала выглядит приземистой и крепкой, опутанной лестницей, в то время как вторая подобно сказочной башне стремится вверх и будто бы пытается оторваться от земли.

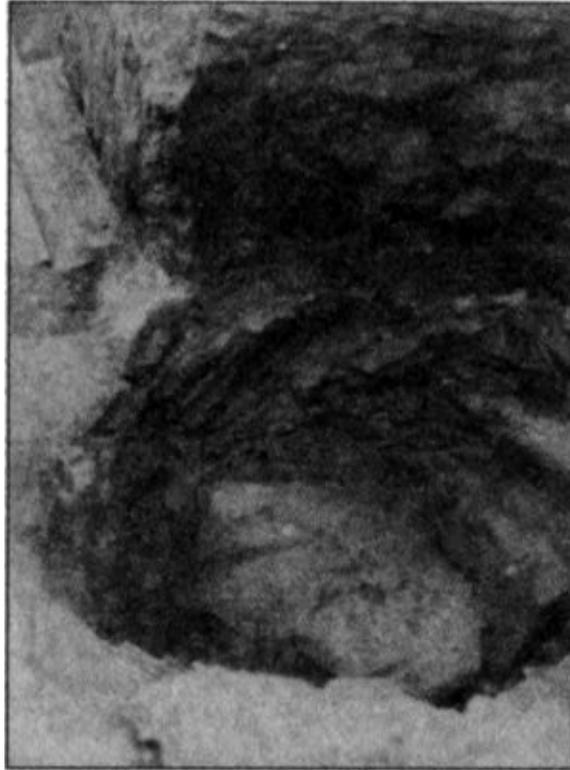

Вид на «скалу гротов» из «высотной камеры»

Если задачей «лестничной башни» было обеспечить проход на соседнюю скалу, то «башня» была явно предназначена, чтобы созерцать небо, устремлять свой взор вдаль.

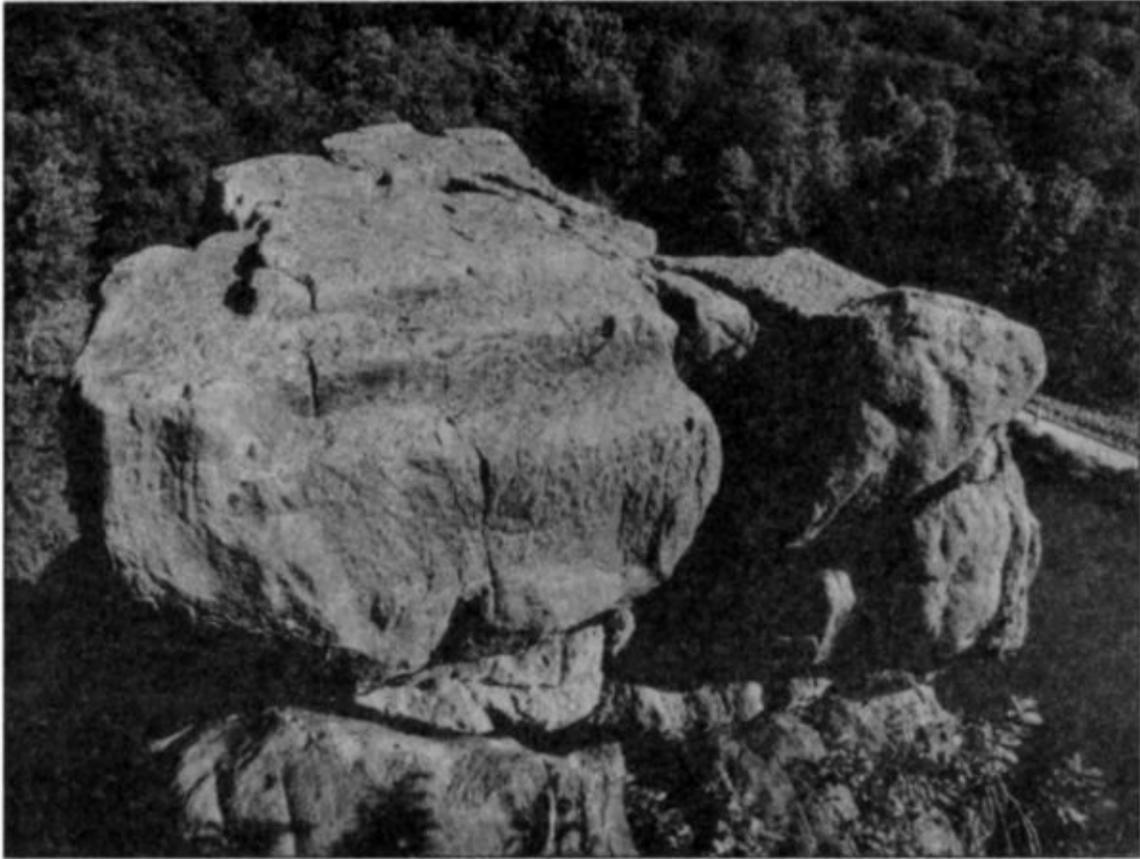
Уровень земли у этих башен (впрочем, как и у всего Экстернштайна) находился значительно выше. Он понизился после того, как здесь в 1930-е годы была осуществлена целая серия раскопок. Впрочем, рассчитывать на какие-то уникальные находки в данном случае было бы ошибочным. Дело в том, что территория, прилегающая к Экстернштайну, на протяжении веков не раз перекапывалась. В XVII веке здесь велись активные строительные работы, которые являлись частью «романтических преобразований», начатых в здешних краях по инициативе княгини Паулины. В частности, перед Экстернштайном должна была возникнуть гостиница, построенная в псевдоготическом стиле. Кроме этого, строительные работы проводились в XIX веке, когда местные власти укрепляли проходившую близ скал дорогу. Уже в силу этого можно было предполагать, что культурные слои были перемешаны, а часть потенциально ценных находок уже находилась либо в чьих-то коллекциях, либо (что более вероятно) была выброшена вместе со строительным мусором.

Впрочем, итоги археологических раскопок оказались не настолько безнадежными, как предполагалось вначале, и даже в чем-то впечатляющими. После того как немецкие археологи сняли пять перемешанных между собой пластов, они вышли на культурный слой, который относился к каролингскому времени, то есть эпохе христианизации Германии. Здесь были найдены обломки керамики. Когда раскопки продолжились, то перед «скалой-башней» была обнаружена насыпь из светлого песка, в котором были найдены остатки нескольких кострищ и очагов. При этом к самой скале вело некое подобие засыпанной шахты, где попеременно следовали странные слои. Юлиус Андрее предположил, что в бытность здесь проводились похоронные обряды. Тела покойных сжигались, а пепел засыпался в найденную им шахту. Кроме этого было обнаружено, что если провести прямую из окна «высотной камеры» на точку захода солнца в момент летнего солнцестояния, то она как раз указывала бы на местоположение найденной шахты. Собственно, эта находка претендовала на серьезное открытие, однако раскопки так и не были завершены (более подробно об этом сюжете во второй части книги). Кроме этого в 1948 году происходит в высшей мере подозрительное событие — раскоп, который уже сам по себе являлся археологическим памятником, фактически уничтожается. То, что от него остается, не менее срочно заваливается привезенной землей.

«Шахта», в которой могли погребаться останки умерших

Первый утес, «скала гротов», представляет собой куб из песчаника. Однако при ближайшем рассмотрении можно обнаружить, что куб на самом деле расколот несколькими мощными расселинами. Традиционные для Экстернштайна борозды и трещины покрывают «скалу гротов» не самым равномерным образом. Здесь как нигде видно невооруженным глазом вмешательство человека в творение природы. Обзорная площадка, огороженная перилами, на верхушке первой скалы относится по времени своего создания к XVII веку, когда графы Липпские вели активные строительные работы в окрестностях. Львиная доля изменений в «скале гротов» приписывается графу Адольфу, в чьем владении находились скалы с 1653 по 1666 год. Уже в конце XVIII века Экстернштайн был местом для загородных прогулок, куда в основном прибывали отдыхающие в Бад-Пирмонте. Нередко на скалы даже поднимались женщины, что для тех времен отнюдь не было само собой разумеющимся явлением.

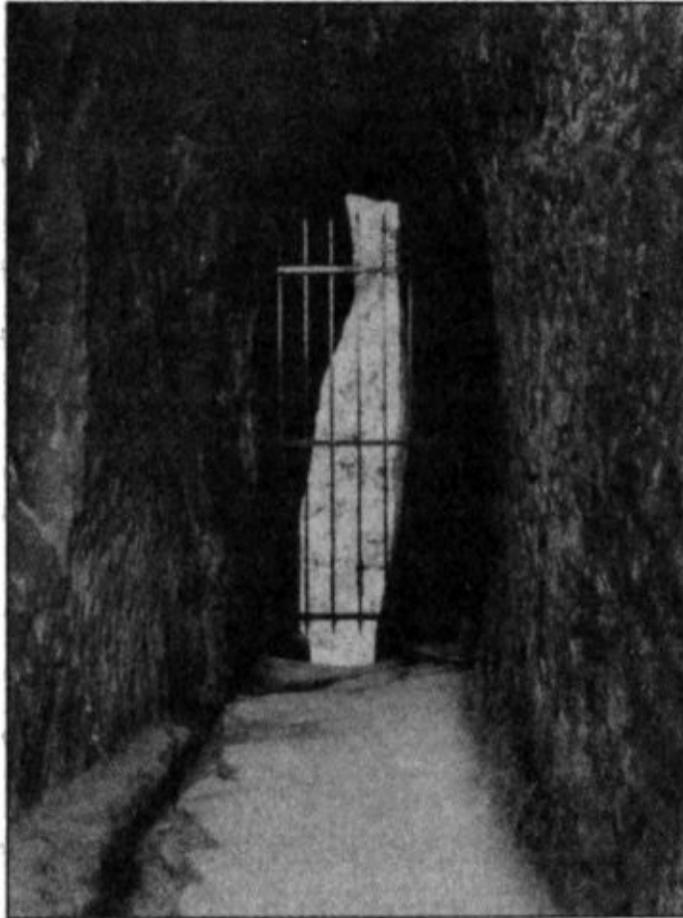

Вид со смотровой площадки на вторую часть «скалы гротов»

Судя по тому, что расколота скала имеет на своей вершине несколько ровных площадок, которые отстоят друг от друга на расстоянии вытянутой руки, можно предположить, что она активно использовалась людьми с древних времен. Но наиболее активно человек вторгся в нижнюю часть утеса. Именно здесь находится барельеф «Снятие с Креста». Можно допустить, что для его создания пришлось подсыпать землю к подножию скалы. Непосредственно за барельефом находится целая система гротов. Вход в них находится в левой стороны от «Снятия с Креста». Это небольшой проход в пещеры, который со временем был обработан человеком. Но при этом большую часть гротов создала сама природа. Совершенно иную картину мы видим в помещении, вход в которое расположен справа от барельефа. Оно является собой абсолютно правильную комнатку с прямыми углами — явное творение человека. Это помещение находится не за барельефом, а тянется к краю скалы, который обычно скрыт в тени. При этом вторая пещера значительно больше первой. Обе они между собой связаны проходом.

Если в случае с пятой скалой вмешательство человека было почти

незаметным, то на первой скале оно сразу же бросается в глаза. Барельеф «Снятие с Креста» буквально вбит вглубь скалы. Видно, что для его создания от скалы пришлось отбить огромный кусок. Впрочем, скульпторам, чьи имена так и остались неизвестными, удалось создать великолепный рельеф в романском стиле. Чем больше изучаешь это произведение искусства, тем больше восхищаешься им.

Проход в «скале гротов»

Проход во внутренние гrotы со стороны пруда

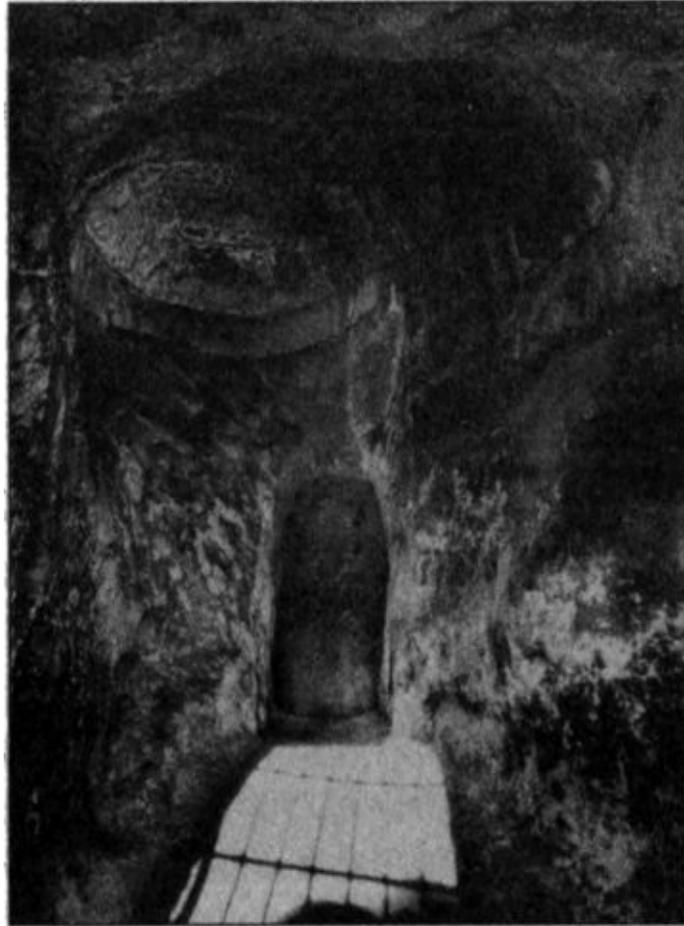
Впрочем, вырванный из скалы кусок внешне напоминает незаживающую рану, что несколько портит ощущение от средневекового творения.

В этом заключается главное различие между «фигурами» Экстернштайна и барельефом «Снятие с Креста».

Когда отроги Кникенхагена спускаются в долину Вимбеке, здесь возникает искусственное озеро, которое раскинулось по северо-западному краю «скалы гrotов». Под водой от взгляда скрывается не только сама долина, но подножие первой скалы Экстернштайна. Здесь первая скала почти вертикально возносится ввысь. Квадрат «скалы гrotов» отражается в неподвижной воде. Если приглядеться повнимательнее к кромке воды, то можно заметить вход в небольшую пещеру. Вокруг нее камень специфического красного цвета, такой цвет он принимает после сильных пожаров. Следы огня мы можем найти и в так называемом «купольном гrotе», который размещается в северо-западной части первой скалы Экстернштайна. Наверное, в данной скале это — самое маленькое внутреннее помещение. Все стены вплоть до потолка хранят на себе

отпечатки огня. Два соседних грота явно были когда-то обработаны металлическими инструментами, а потому на них следы пожарища заметить много сложнее. Если учесть, что при температуре свыше 230 °С минерал гётит, который является продуктом выветривания песчаника, превращается в кроваво-красный гематит, то цвет обожженных камней не должен никого удивлять. При помощи последних методов исследования можно установить, в какое время произошла данная реакция, то есть узнать приблизительную дату большого пожара. Пробы, взятые профессором Вольфхардтом Шлоссером, показали, что огонь в купольном гроте и соседних помещениях бушевал приблизительно в первом тысячелетии до нашей эры. По большому счету уже один этот факт является подтверждением того, что Экстернштайн был заселен в самые древние времена. После повторной проверки, осуществленной специалистами из института Макса Планка (Гейдельберг), было однозначно установлено, что огонь горел именно в пещерах. Обращает на себя внимание одно обстоятельство, что «купольный грот», после того как в нем горел часто сильный огонь, фактически не подвергался обработке инструментом. А это значило, что его оставили в том виде, в каком он был еще до наступления железного века. Не исключено, что в какой-то момент люди оставили Экстернштайн, найдя для себя новое убежище.

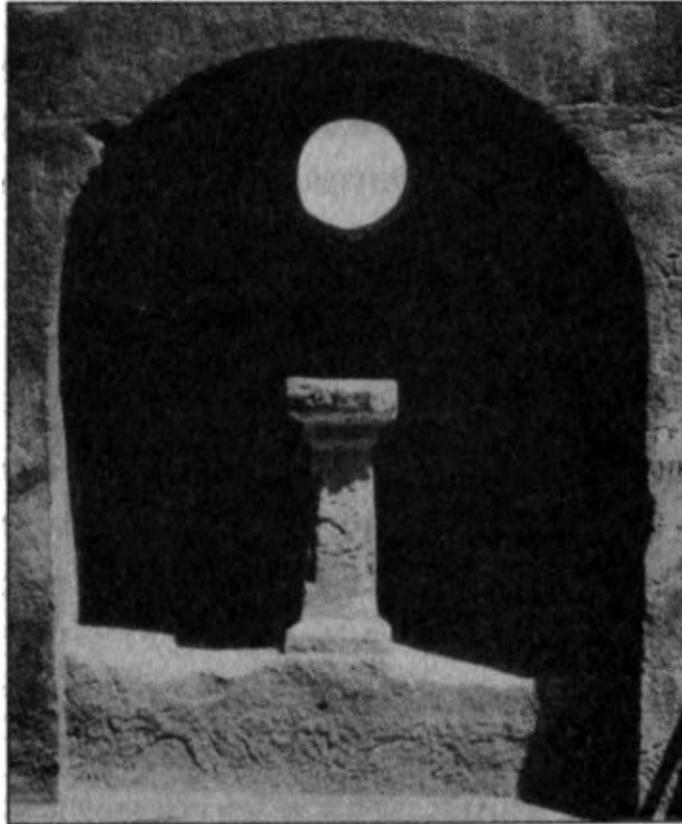
Прогулка по Экстернштайну была бы немислима без посещения «высотной камеры», которая находится в «скале-башне». Первое, что бросается в глаза при посещении этого объекта, — сводчатая ниша, расположенная приблизительно посередине северо-восточной стены «палаты». Сохранившаяся часть утеса, в которую вделана эта ниша, нередко называется «головой скалы» (не путать со «скалой с мужской головой»).

Купола гротов Экстернштайна

Полукруглая арка, в форме которой сделана ниша, сразу же наводит на мысль о церковном убранстве, а именно аспидах в романском стиле. По этой причине предполагается, что ниша с расположенным в ней небольшим алтарем является по своему предназначению небольшой капеллой, которая была создана приблизительно во времена Крестовых походов. Действительно, средневековые источники упоминают «верхний алтарь» в Экстернштайне. На первый взгляд алтарь кажется установленным в нишу. На самом деле он является ее частью. Этот тонкое, напоминающее колонну сооружение представляет собой единое монолитное творение, которое связано не только с нишей, но и со всей «скалой-башней». При этом алтарь действительно кажется слишком утонченным, слишком маленьким. Хотя можно предположить, что во времена Средневековья на него водружалась каменная плита, которая могла полностью заполнить собой центральную часть ниши. История сохранила для нас упоминания именно об алтарях подобного стиля. Так, например, в Корбирском псалтыре, который

датируется 800–810 годами нашей эры, есть иллюстрация, которая изображает двух склонившихся над алтарем святых. Над ними простирает свои крылья ангел. По своему стилю алтарь, изображенный в псалтыре, если и не является точной копией алтаря в Экстернштайне, то весьма его напоминает. Этим сходства не ограничиваются. Если в Экстернштайне мы имеем полукруглую арочную нишу, то на иллюстрации в роли арки выступают крылья ангела, переходящие в спины склонившихся святых.

Алтарь на вершине второй скалы

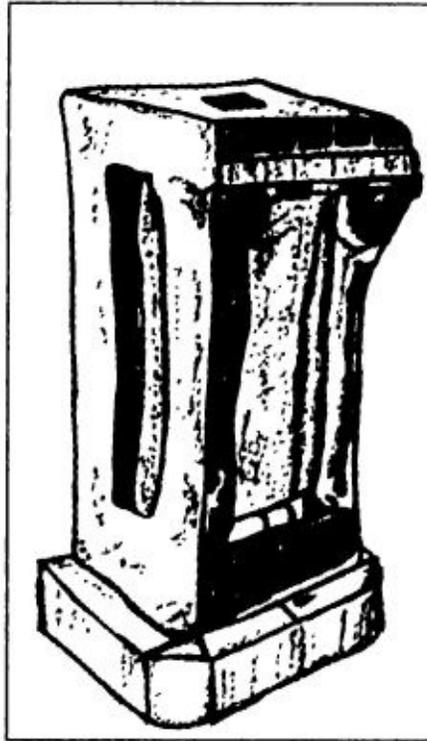
Заглавная литера «М» с изображением алтаря

Более того, при соотнесении пропорций иллюстрации из древнего псалтыря и ниши из Экстернштайна можно обнаружить, что светящийся лик ангела совпадает с круглым отверстием, пробитым в задней стене ниши.

Кроме этого можно провести параллели между алтарем в Экстернштайне и алтарями каролингской эпохи, которые также не являлись сложносоставными сооружениями. В V–IX веках (эпоха правления Меровингов и Каролингов) алтари создавались весьма утонченной формы. Обычно они выдалбливались из цельного куска камня, при этом алтарь как бы опирался на четыре колонны. Подобный алтарь до сих пор можно увидеть в крипте церкви Сен-Мартен в Тарасконе. Поэтому нельзя исключать вероятности того, что алтарь был высечен уже во время христианизации Германии. Герман Хамельман писал в 1564 году, что «Карл Великий сделал из языческого идола в Эльстерштайне посвященный Господу алтарь, который был украшен изображениями апостолов». Это подтверждается сказаниями, которые говорят о создании капеллы уже во времена раннего Средневековья.

Если внимательно изучить «высотную камеру», то можно обнаружить, что она отнюдь не ориентирована на стороны света — она простирается с

юго-запада на северо-восток. Уже одно это обстоятельство должно было бы насторожить, так как христианская капелла должна была создаваться со строгой ориентацией на Восток. При создании схемы «высотной камеры» обнаруживается, что это помещение не имеет ни одной параллельной стены.

Изображение алтаря эпохи Меровингов

Даже боковые стенки арочной ниши не параллельны друг другу, а ее задняя стена расположена по отношению к ним отнюдь не перпендикулярно. На некоторых фото отчетливо видно, что боковые стены как бы сходятся в перспективе в некой точке.

В настоящий момент даже с некой долей условности нельзя предположить, как выглядела «высотная камера» изначально. Рассматривая нишу, можно обнаружить, что на ее правой стороне имеется характерный выступ, будто бы здесь некогда существовала боковая стена. На левой стороне ниши виднеется еще более тонкий выступ, который мог быть частью арки входа в это помещение.

Если смотреть на вершину «скалы-башни» снаружи, то можно обнаружить, что ниже и выше «высотной камеры» находятся огромные зияющие пустоты. Если учесть фактуру песчаника в этих местах, то становится очевидным, что эти разрушения датируются уже историческим временем. Но более точная датировка в настоящий момент невозможна.

Однако можно выдвинуть гипотезу о том, что появление выбоин в скале и исчезновение правой стены «высотной камеры» произошло в одно и то же время.

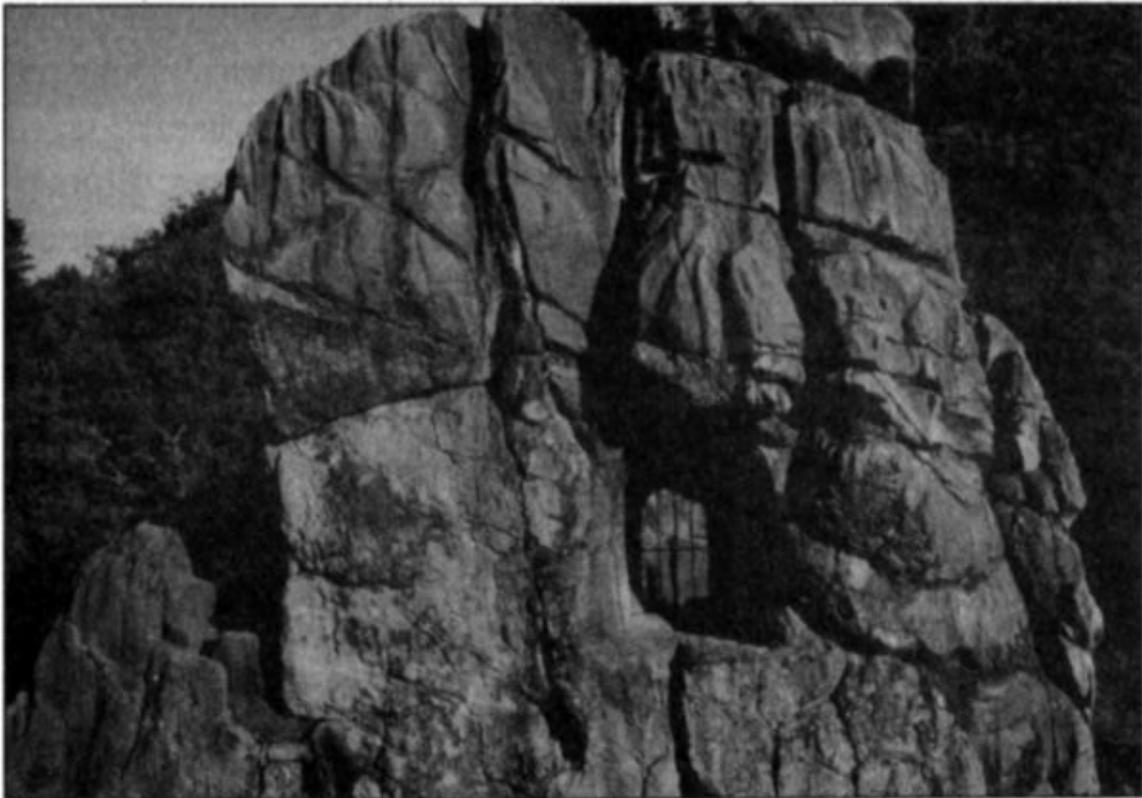
Стены «высотной камеры»

Кроме этого на самой вершине четвертой скалы Экстернштайна видны следы человеческого вмешательства. Вероятно, во времена Средневековья (или раньше) здесь была деревянная крыша, которая держалась на поперечной балке (в стенах отчетливо видны дыры для столбов). То есть изначально «высотная камера» не являлась полуоткрытым помещением, а имела вокруг себя изрядную массу песчаника. Версию о том, что разрушение «высотной камеры» и вершины «скалы-башни» произошло естественным путем, надо сразу же отбросить. Ни одни из скал никогда не разрушались подобным образом силами природы, тем более в тектонически спокойной Северо-Западной Европе.

К слову сказать, почти повсеместно в Экстернштайне можно найти отметины от клиньев, которые, судя по всему, вбивали в скалы, чтобы разрушить некоторые из объектов. В левой части этой башни даже видны

три ступени, которые, согласно сказаниям, приведенным ранее, возникли в скалах «чудесным образом». При изучении этих ступеней ученые пришли к выводу, что они были созданы уже во времена Средневековья, то есть приблизительно в то время, когда «высотная камера» превратилась в христианскую капеллу.

На создание «высотной камеры» в дохристианское время указывает не только сама ориентация помещения на северо-восток (точка восхождения солнца в момент летнего солнцестояния), но и направление круглого «окна», которое было пробито в задней стене ниши. Как уже говорилось выше, боковые стены ниши не являются параллельными друг другу — они сходятся в некой точке.

Разрушенная «высотная камера»

Алтарь Экстернштайна во время летнего солнцестояния

То же самое можно сказать об отверстии, расположенном непосредственно над алтарем. Оно являет собой часть конуса, который расширяется внутрь помещения, то есть внешний диаметр отверстия меньше внутреннего.

Опять же данный конус должен был замкнуться где-то в районе горизонта. В данной ситуации у ученых была возможность провести мысленную ось этого конуса, то есть узнать место, куда точно должно было указывать круглое отверстие. Вольфхардт Шлоссер провел все необходимые для этого замеры и установил, что окно указывает в точку, где должно было всходить солнце в момент летнего солнцестояния: 48° от точки севера к востоку.

Поскольку со временем возникают некоторые изменения в точке восхождения солнца, то можно на основании астрономических данных установить, когда стали совершаться астрономические замеры в Экстернштайне. Однако остается вопрос, в какой момент делались замеры: когда первые лучи солнца только пробивались сквозь отверстие и падали на противоположную стену «высотной камеры», либо когда на стене отражался полный круг, либо лучи восходящего солнца исчезали из отверстия в нише. Так, например, в ирландской «коридорной гробнице»

Нью-Грейндж, которая датируется 5-м тысячелетием до нашей эры, при восходе солнца в момент зимнего солнцестояния лучи света только некоторое время пробираются по изогнутому ходу, чтобы лишь на короткий миг появиться в сердце доисторического святилища^[2]. Поскольку диаметры отверстия в задней стене ниши являются не идеально круглыми, то необходимо делать поправку приблизительно на 0,3. В данном случае ситуация выглядит следующим образом. В приведенной ниже таблице отображены данные по моменту появления первых лучей солнца через отверстие в нише, появление полного круга (среднее значение), а также исчезновения лучей.

Год	Появление первых лучей	Среднее значение	Исчезновение лучей
—2000	47,50°	47,95°	48,40°
—1800	47,55°	48°	48,45°
—1600	47,60°	48,05°	48,50°
—1200	47,70°	48,10°	48,60°
—800	47,80°	48,15°	48,70°
—400	47,90°	48,20°	48,80°
0	48°	48,25°	48,90°
400	48,10°	48,30°	49°
800	48,20°	48,35°	49,10°
1200	48,30°	48,40°	49,20°

Из этой таблицы следует, что астрономические измерения в Экстернштайне начались проводиться либо с 1800 года до нашей эры (самая ранняя дата), либо в самом начале нашей эры (самая поздняя дата). В любом случае отверстие в нише было проделано задолго до того момента, когда началась христианизация Германии.

Солнечные лучи, которые, проходя через отверстие в нише, попадают на противоположную стену, привлекали внимание не только древних германцев, наблюдавших за календарными циклами, но и современников.

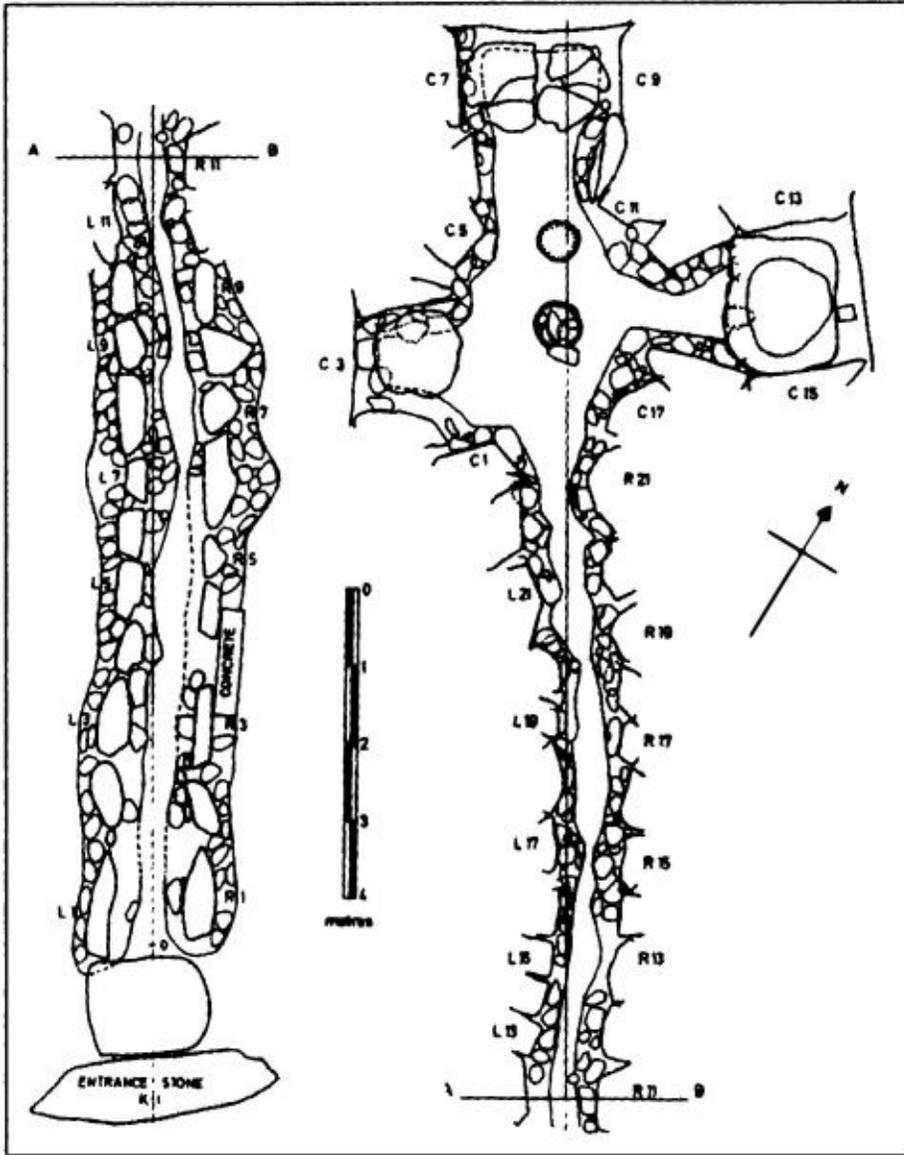

Схема Нью-Грейнджа

Надписи, оставленные за долгие годы на стенах «высотной камеры»

Сейчас в «высотной камере» по пути следования этого луча света можно обнаружить огромное количество надписей, оставленных посетителями Экстернштайна в самые различные времена.

Вот каракулями написано, что в 1996 году скалы посещали некие Памела и Анжела. Из граффити можно узнать, что 3 мая 1995 года здесь находился какой-то Дирк Хусбер. А вот надпись, сделанная Донатой. Она предпочитала черный фломастер. Некие надписи и вовсе безымянные: «Я был здесь 21.10.96». Рано или поздно граффити посетителей конца XX — начала XXI века исчезнут, чего нельзя сказать про автографы людей века XIX. Те подходили к делу более обстоятельно. В дело, как правило, пускался молоток, долото или резец. Люди прошлого не стеснялись оставлять своё полное имя. Не исключено, что эту во многом варварскую традицию заложил в 1600 году граф Бентхайм, который непременно хотел оставить в истории сведения о том, что он принимал завтрак в Экстернштайне.

В 1964 году местный священник Карл Хублов не один раз наблюдал за перемещением светового диска по стене. Он решил запечатлеть на

множестве фотографий процесс, когда свет проходил по «высотной камере». На некоторых отпечатках сохранилось изображение «мужского лица». Наверное, это самое убедительное из всех природных изваяний Экстернштайна. Оно находится на северо-западной стене «высотной камеры». Как и во многих других случаях, изначально в качестве «скульптора» в Экстернштайне выступила сама природа. В восточной части стены располагается подобие колонны, где, собственно, и было высечено лицо. Оно весьма выразительное. Лоб изборозден морщинами, брови сурово сдвинуты, переходя в мощный мясистый нос. Из глубоких глазниц на посетителей устремлен недовольный взгляд. Ноздри раздуты. Широкий рот приоткрыт в безгласном окрике. По щекам проходят глубокие складки, что придает облику каменного человека некую глубокую осмысленность. Кажется, он гневно кричит на неразумных туристов, оставляющих надписи на стенах культовых скал.

Лицо, высеченное в «высотной камере»

Исследование лица каменного человека показало, что оно подвергалось воздействию несколько раз в различные времена. Так, например, одна сторона лица обработана более тщательно, нежели другая.

Один искусствовед писал о нем как об «Атланте, чьи изваяния были характерны для эпохи Возрождения». Действительно, аналогия кажется уместной, так как если предположить, что колонна должна была символизировать человеческую фигуру, то она получается подпирющей своды «высотной камеры». Высказывалось несколько версий относительно времени возникновения этого выразительного рельефа. Одни исследователи указывали на эпоху барокко, другие — на время пребывания кельтов в окрестностях Тевтобургского леса. В самом деле, в древней кельтской культуре была широко распространена традиция изготовления масок. Но почти на всех их лица были утонченными. Кельтские маски характеризовались легкостью, почти музыкальностью линий, что не имеет ничего общего с грубоватыми чертами лица каменного человека. Оно кажется самой сутью камня: массивное, тяжелое. Герхардт Тиггелькамп пытался провести аналогии с римскими украшениями сточных желобов. В нашей ситуации нет никакого смысла украшать внутреннее пространство помещения, которое имело явно ритуальное предназначение. В пользу эпохи Возрождения говорят многие факты. И не только Атланты, использовавшиеся в роли «держателей» балконов и сводов. Во-первых, именно в это время лицу пытались придать некую элементарную^[3] выразительность, для чего использовались различные проявления природных стихий.

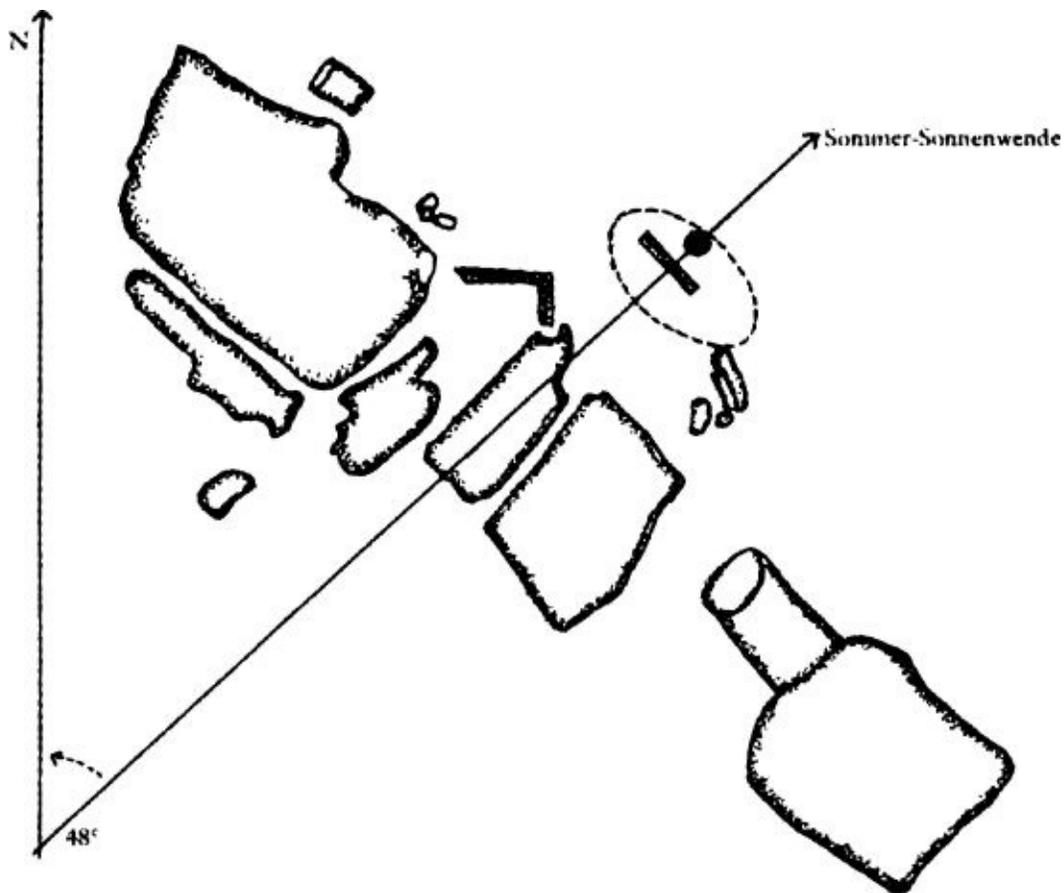

Схема ориентации скальных сооружений Экстернштайна на точку восхода солнца в момент летнего солнцестояния

Во-вторых, именно в это время изображению людей стали «приоткрывать» рот. В данном случае каменный человек, точнее, его лицо должно было стать украшением не слишком ровной колонны, в которой отсутствовало несколько крупных кусков.

В пользу этой версии говорит также то обстоятельство, что в кельтскую эпоху солнце восходило на половину и даже на целый градус севернее, а потому лицо было бы просто-напросто не освещено. Если бы его не было видно в тени, то не было никакого смысла его высекать. Ведь оно приобретает свою исключительную выразительность только тогда, когда на нем играют тени. Впрочем, предположение с возникновением каменного человека в эпоху Ренессанса и барокко не очень стыкуется с ранними изображениями Экстернштайна, на которых не изображено моста между второй и третьей скалами. Если не было моста, то возникает вопрос, как сюда попадал каменотес, а также те люди, ради которых украшалась не слишком ровная колонна. Однако это не исключает вероятности того, что к XVII–XVIII векам мост разрушился, а новый так и не был построен.

Глава 3. В тени Ирминсула

Если подойти поближе к четвертой скале Экстернштайна с северо-восточной стороны, то можно увидеть поначалу скрываемую от взгляда деревьями человеческую «фигуру». Она широко раскинула руки, а голова несколько свешена на бок. За это «фигура» получила название «распятия» (не путать с барельефом «Снятие с Креста»), которое по своей высоте занимает приблизительно две трети «скалы качающегося камня». Меж вертикально идущими расселинами возникает тонкий человеческий корпус. Могучая голова, лицо которой обозначено только сильным подбородком и кромкой волос, упала на левое плечо. В левой верхней части туловища зияет дыра. Как в случае со многими «фигурами» Экстернштайна, которые на первый взгляд казались порождением природы, «распятие» было создано не только естественными стихиями. Ульрих Нидхорн смог изучить эту «фигуру» с очень близкого расстояния. Каково же было его удивление, когда следы человеческого вмешательства были обнаружены на линии «лба» и на дыре в «грудной клетке». Многие из исследователей предпочитали «изваяние» на «скале качающегося камня» называть не «распятием», а «склоненной фигурой», хотя большинство посетителей Экстернштайна отмечали, что данное изображение отсылало их фантазию к образу распятого на кресте Христа. В дыре, которая находится в левой стороне «туловища», они видели рану, которую своим копьем Спасителю нанес сотник Лонгин. Но в данном случае сам стиль «изваяния» полностью противоречит всему, что было общепринятым в средневековом искусстве. Придавать естественным контурам форму людей или животных было отличительной чертой первобытного искусства. Кроме этого изучение следов воздействия человека на скалу однозначно указывает, что они относились к дохристианской эре. То есть если проводить параллели, то необходимо искать образ распятого божества языческой эпохи. В этой ситуации «склоненная фигура» почти идеально соответствует рассказам об Одине, который долгое время провисел на дереве. Именно это дохристианское божество было распято на Иггдрасиле, «мировом древе», чтобы иметь возможность постичь тайну рун. В древнегерманской поэме «Хавамал» («Речения Высокого») имелись такие строки:

Знаю, висел я
в ветвях на ветру

девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.

В этом песенном сказании, ведущемся от лица Одина, языческое божество повествует о своих страданиях и переживаниях, именуя себя не иначе как «склонившимся богом». Пребывание в распятом состоянии девять дней и ночей, равно как и нанесение раны копьем, весьма характерно для жертвенных ритуалов древних германцев. Некоторые параллели можно найти и в других северных героических сагах. Так, например, в историях с норвежским королем Фикарром или королем датским принцем Хаддингом главные герои приносятся в жертву, чем они посвящаются Одину. В первом случае речь идет о короле и морской команде, которые долгое время пребывали в безветрии, — жертва должна была снискать милость Одина. Брошенный жребий указывает, что в жертву надо было принести самого короля. Во втором случае Хаддинг совершает ритуальное самоубийство, поскольку по нему (по ошибке) справлялась тризна. Однако, в отличие от принесенных в жертву представителей королевских родов, сам Один после распятия на «мировом древе» остался живым. То есть речь шла о видимости смерти, что весьма характерно для многих ритуалов инициации. В «Речениях высокого» были даже указания относительно того, зачем Один принес себя самого в жертву:

Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стена я их поднял —
и с древа рухнул.
Девять песен узнал я
от сына Бёльторна,
Бестли отца,
меду отведал
великолепного,

что в Одрёрир налит.
Стал созревать я
и знанья множить,
расти, процветая;
слово от слова
слово рождало,
дело от дела
дело рождало.
Руны найдешь
и постигнешь знаки,
сильнейшие знаки,
крепчайшие знаки,
Хрофт их окрасил,
а создали боги
и Один их вырезал.

Обращает на себя внимание, то что Один был распят на дереве, которое в германском переводе звучит как «обдуваемое всеми ветрами». В одной из песен Эдды («Прорицание вельвы») мы находим упоминание о «дереве предела».

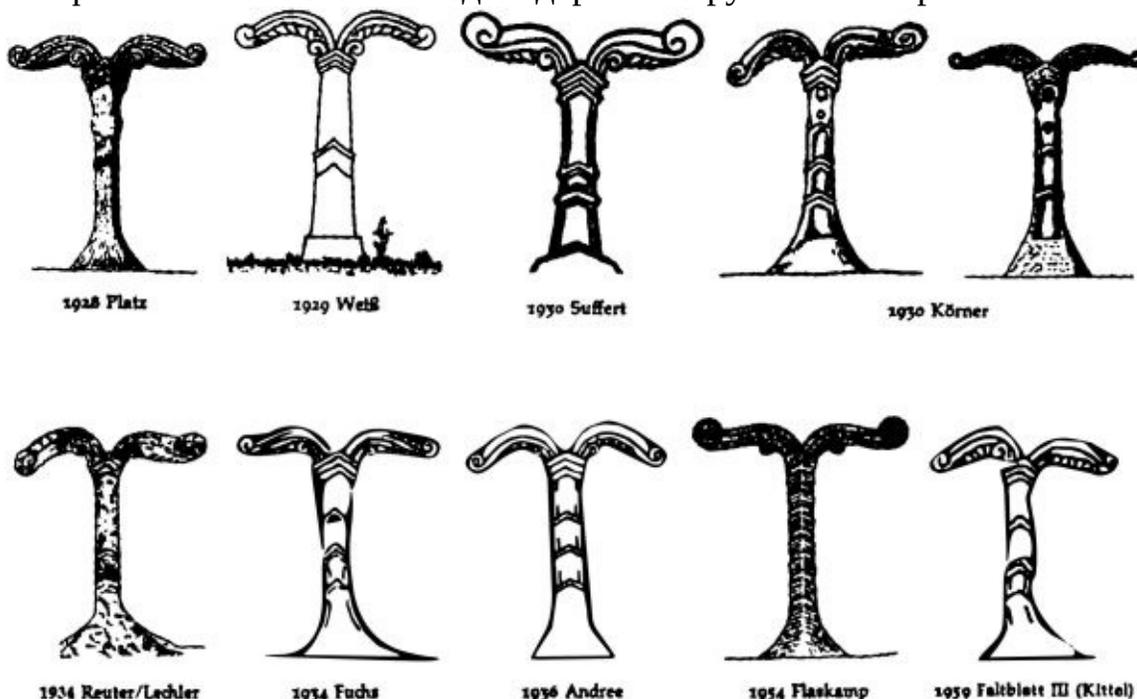
Помню девять миров
и девять корней
и древо предела,
еще не проросшее.

Принимая во внимание, что Один висел на этом дереве девять дней и ночей, у него девять корней, а также существует девять миров, то нет никакого сомнения, что речь велась о «мировом древе», ясене Иггдрасиле, чьи ветви раскинуты над всем миром и кладут ему предел в пространстве. Собственно, слово «Иггдрасиль» характерно для скандинавской мифологии, в мифах германских народов «мировое древо» называлось Ирминсулом.

Более-менее достоверное изображение Ирминсула сохранилось только на барельефе «Снятие с Креста». На этом произведении искусства надо остановиться отдельно.

На первый взгляд барельеф кажется типичным христианским

произведением. Он разделен горизонтальной чертой на две неравные части. Верхняя часть занимает фактически две трети общей площади барельефа. На ней изображен крест с прикрепленной к нему табличкой для надписи. В отличие от традиционных для раннего Средневековья изображений креста в Экстернштайне он имеет трапецевидные окончания. Иосиф Аримафейский и апостол Никодим держат на руках тело Христа.

Реконструкция Ирминсула, предпринятая в разные годы различными историками

В камне было запечатлено мгновение, когда тело Спасителя выскользнуло из рук Никодима и упало на плечи Иосифа Аримафейского. От тяжелой ноши ноги Иосифа подкосились, и он склонился. Он облачен в длинную набедренную повязку, напоминающую юбку. В ее широких складках ноги могли бы свободно передвигаться. На голове Иосифа надет шлем. Апостол Никодим одной рукой схватился за крест, а его ноги должны были стоять на чем-то внешне напоминающем пальму. На его голове также надет шлем, но другого типа — ребристый. Богоматерь своими хрупкими руками подхватывает голову Христа, чтобы не дать ей запрокинуться. На ней длинная одежда, чьи складки и рукава образуют прямой угол со скорбно склонившейся фигурой. У изваяния Богоматери нет головы, но достраивая композицию, можно увидеть, что она прижимается ко лбу Христа. На правом краю барельефа изображен апостол Иоанн.

Он пребывает в раздумье, о чем должна свидетельствовать его

склоненная набок голова. В левой руке он держит толстую книгу (можно предположить, что Евангелие), а правая рука в сочувственном движении следует за Никодимом. Подобно Богоматери апостол Иоанн закутан в длинные одежды, спадающие к земле параллельными складками.

Если посмотреть на пропорции фигур, изображенных на барельефе, то можно заметить, что тело Христа фактически вдвое длиннее тела апостола Иоанна, равно как и других. Несмотря на то что тело Спасителя должно касаться ногами земли, на самом деле оно повисает на плече Иосифа Аримафейского. Руки свисают, ниспадая вниз по спине Иосифа. Разделенные на пряди волосы, перекинуты через плечо Христа. Его лик повернут к земле, поэтому детали можно разобрать, только приблизившись вплотную к барельефу.

Барельеф «Снятие с Креста»

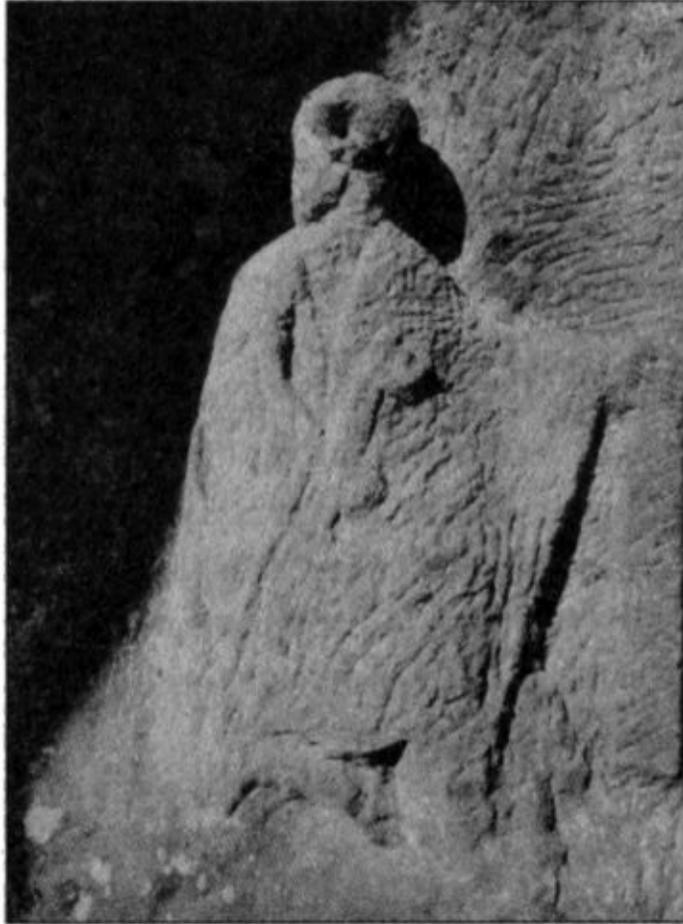
Над поперечной перекладиной креста начинается область, которая должна была символизировать собой небесную сферу. Об этом говорят изображения Солнца (левый верхний угол) и Луны (правый верхний угол). Близ изображения Солнца высечена фигура с крестообразным нимбом, которая воплощает в себе образ воскресшего Спасителя. Она облачена в

торжественные одежды. В правой руке воскресший Спаситель несет фигурку человека и нечто очень сильно напоминающее знамя на флагштоке. Это знамя возвышается над фигурой апостола Никодима и уходит в первый верхний угол, в направлении Луны. Само полотнище знамени разделено на три «хвоста». На верхушке древка знамени прикреплен равноконечный крест. Он благословляет с небес фигуры собравшихся на земле. Оба небесных тела: Солнце и Луна — держат в руках большие покрывала. Они отличаются друг от друга только тем, что у Луны ткань ниспадает вниз свободными складками, а у Солнца она завязана в узел.

В нижней части барельефа изображен монстр, который в кольцах сжимает фигурки мужчины и женщины. Женщину чудовище обвивает своим длинным хвостом, а мужчину схватило длинной шеей, которая больше напоминает змею. Оба несчастных устремляют свои взоры вверх, как бы умоляя о помощи или спасении. В связи с данной частью барельефа нельзя не вспомнить трактовки Экстернштайна как «замка драконов».

Барельеф, высеченный на первой скале Экстернштайна, является уникальным для средневекового искусства. Способны впечатлить хотя бы его размеры: 4,8х3,7 метра.

Монументальность этого творения контрастирует с крошечными гротами и помещениями, которые расположены внутри первой скалы. По своим размерам барельеф вполне подходил для украшения не самого маленького собора. Невольно возникает мысль, создавался ли он вообще для этих мест? По своей стилистике барельеф является разнородным. Если его верхняя часть достаточно хорошо проработана, то нижняя кажется несколько «сырой».

Полусохранившееся изваяние сбоку от барельефа «Снятие с Креста»

Фигуры мужчины и женщины, схваченные монстром, вообще высечены достаточно условно. Их пол можно определить только по одежде: у женщины едва различима юбка и косынка, повязанная на голове. В целом в Европе нет ни одного столь большого барельефа, который был бы высечен в скалах и располагался под открытым небом. Его можно сравнить только с персидскими изображениями тридцати сасанидских правителей. Данные наблюдения вызывают тем большее удивление, что Экстернштайн фактически лежал в стороне от больших поселений и оживленных торговых путей. Появление барельефа могло быть только попыткой посвящения старого культового места новой религии — христианству.

Изображение объекта, на котором стоит апостол Никодим на барельефе в Экстернштайне, не встречается ни на одном другом объекте средневекового искусства, в том числе иконах, изображавших снятия с Креста. На первый взгляд оно напоминает пальмовое дерево. Четырехгранный ствол, значительно тоньше, чем крест, достигает своей

наивысшей точки в месте, где он согнут в дугу. Отсюда в две стороны раскидываются ребристые листья. Это дерево согнуто приблизительно на половине своей высоты, но при этом нет никаких признаков того, что оно треснуло или сломалось. В месте изгиба виднеются три небольшие дуги, которые своими краями вогнуты в сторону земли. После этого трилистника ствол дерева расширяется вниз, превращаясь в изогнутую трапецию. Своими корнями «пальма» касается основания креста, с которого снимают Христа. Кажется, что они срослись воедино. По бокам ствола наличествуют небольшие отростки, которые напоминают шишки. На правой стороне ствола их четыре штуки, а на левой — пять, то есть в целом девять. На исключено, что на самом деле изображались не шишки, а обрубки веток.

Если принять во внимание широкие корни, небольшие обрубки, толщину ствола и раскинувшуюся листву, то это дерево можно было бы принять за финиковую пальму. Однако угловатый ствол «пальмы» должен был показать, что речь идет не о настоящем дереве, а художественно выполненной колонне, которая имеет резное навершие. Разветвленная колонна является неким символом. Действительно, на Древнем Востоке финиковая пальма считалась воплощением «дерева жизни» (в дословном переводе с немецкого «дерево жизни» — туя).

Разветвленные колонны были известны в Центральной и Северной Европе еще во времена неолита и бронзового века (приблизительно 2000 лет до нашей эры). Хотя в те времена они изображались менее искусно, были более примитивными. Кроме этого можно утверждать, что в Европе этот символ не был известен и широко распространен до «германской эпохи».

Согнутый Ирминсул

Ирминсул, который был святыней саксов, мог также быть разветвленной колонной. Позднее аналогичный символ можно было обнаружить у лопарей. У этого северного народа колонна должна была «подпирать небо в районе Северного полюса».

На самом деле разветвленная колонна имела функцию не столько разделять небо и землю, сколько их соединять. У лопарей, у восточных славян и сибирских народностей существует обряд, когда душа жреца (шамана) могла подняться на небо. С этой целью срубался ствол дерева с семью или девятью насечками. Именно по нему жрец (шаман) забирался на небеса. В исследовательской литературе описывался данный обряд: «Если шаман хотел попасть на небо, то он должен был прорасти вместе со всеми слоями. Это происходило, когда он во время ритуала постепенно поднимался вверх от насечки к насечке. Когда он ставил ногу на нижнюю зазубрину, то он попадал на нижнее небо, и так он поднимался до высшего, девятого неба». Иногда душа шамана возносилась ввысь не по одному

стволу, а по нескольким, которые должны были символизировать собой мировые столпы различной высоты. У якутов существует обряд, в котором кроме ствола с девятью насечками используются еще девять деревьев. «Вы берете десять деревьев, девять небольших лиственниц и березу; одна лиственница и береза устанавливаются рядом с юртой. На лиственнице делается девять зарубок, а все остальные деревья выстраиваются полукругом на южной стороне, после чего их связывают веревкой».

Есть версия о том, что количество насечек на «мировом древе» соответствует количеству планет. В данной ситуации сюжет о «мировом столпе» перекликается с семью деревьями, которые использовались в культе, посвященном Митре. На некоторых изображениях, где Митра убивает быка, имеется изображение семи деревьев. На других были нарисованы бюсты богов, символизирующих собой семь планет: Солнце, Сатурн, Венеру, Юпитер, Меркурий, Марс и Луну. Планеты соответствовали семи небесным сферам и могли находить свое воплощение в семи деревьях. Сам собой напрашивается вопрос: откуда же взялось число девять, если изначально в древности люди знали о существовании только семи планет? Есть версия о том, что кроме семи «светлых планет» (перечисленных выше) предполагалось наличие двух «темных» небесных объектов. Речь шла о фазах Луны, то есть лунных месяцах. Человеку древности могло казаться, что на орбите имелось две «темные» планеты, которые время от времени пытались «поглотить» Луну и Солнце. В европейской, в частности в ранней германской мифологии эти «темные» планеты изображались в качестве двух «волков мрака». А потому германцы и скандинавы в своих религиозных представлениях ориентировались на существование девяти небесных сфер. Преодоление этих небесных сфер должно было дать новые знания, то есть сделать человека посвященным в тайны мироздания. В этой связи можно вспомнить приведенный ранее сюжет о принесении самого себя в жертву Одину, который висел девять дней и девять ночей на дереве. В «Пророчестве вёльвы» упоминаются девять миров и «дерево предела» с девятью корнями.

Можно найти очевидное сходство между сюжетами о девятидневном распятии Одина на «мировом древе» и девяти ступенях подъема на небо, которое осуществляли сибирские шаманы.

Средневековая заглавная литера I (Irminsul), которая изображает человека, забирающегося на небо по стволу с девятью отростками

У персидского митраизма, германского язычества и германского шаманизма имеется общее представление о «мировом древе», «мировом столпе», который подпирает небосклон. Его символом считалась Полярная звезда, так как именно она не меняла своего положения, то есть была постоянной в своем местоположении в изменяющейся Вселенной. Именно в данном контексте надо рассматривать разветвленную колонну, которая на барельефе Экстернштайна была согнута в дугу под апостолом Никодимом. Принимая в расчет время и место возникновения барельефа, не может быть никаких сомнений относительно того, что речь шла об Ирминсуле саксов.

Показательно, что на барельефе в Экстернштайне Ирминсул был не повержен, не срублен (как было в действительности сделано по приказу Карла Великого), а согнут в дугу. Это должно было продемонстрировать силу христианства, которое было в состоянии преодолеть языческие верования. Не исключено, что ноги и фигуры апостола Никодима были отбиты именно сторонниками «старой веры», которые полагали, что барельеф, в частности согнутый Ирминсул, был для них оскорбителен.

Согласно историческим хроникам, вторгшись в 772 году в Саксонию, Карл Великий разрушил крепость Эресбург и низверг языческую святыню, находившуюся в Экстернштайне, Ирминсул. «Победа моя была бы неполная, если бы мне не удалось уничтожить этого идола!» — сказал Карл Великий во время разрушения языческой святыни. Некоторые называют саксонский Ирминсул — *universalis columna, quasi sustinens omnia* — «мировой столб, как бы поддерживающий все». Скандинавские лапландцы заимствовали это понятие от древних германцев: Полярную звезду они называли Столпом Неба или Мировым Столпом. Ирминсул сравнивали даже с колоннами Юпитера. Подобные идеи сохранились до сих пор в фольклоре Юго-Восточной Европы — например, *Coloana Ceriului* у румын.

Хотя у данного сюжета может быть и иная трактовка. Так, например, до наших дней сохранилась старая английская поэма, которая датировалась первой половиной VIII века. В ней рассказывалось о сне поэта, в котором он увидел чудесное дерево. В действительности оно оказалось тем самым деревом, из которого был изготовлен крест, уготованный для распятия Христа на Голгофе. Когда дерево пыталось согнуться, чтобы освободить Христа, то тот запрещал это. Подобные попытки предпринимались три раза, и все три раза Спаситель запрещал делать это. Удивительным является то, что, согласно этой поэме, дерево, превращенное в крест, отдало тело Христа в руки Иосифа Аримафейского и апостола Никодима! Древняя английская поэма не только перекликается с сюжетом барельефа в Экстернштайне, но и имеет общий символ — согнутое «чудесное дерево», «мировой столп».

В этом свете согнувшийся Ирминсул может иметь совершенно иную интерпретацию, нежели просто желание христиан показать торжество веры над «темным языческим прошлым». Во времена раннего Средневековья было широко распространено представление о том, что вся природа оплакивала распятие Христа, в частности даже деревья склонялись в почтении перед Крестом. То есть можно увидеть намек на то, что Ирминсул добровольно поставил себя на службу «новой религии». Никодим, который находится на вершине Ирминсула, в этой ситуации может трактоваться не

как попирающий его ногами апостол, а как человек, который смог подняться до самого верха «мирового древа». Однако эта сложная мистическая трактовка не исключает вероятности того, что ноги и фигура Никодима были отбиты все-таки саксами, которые не поняли столь сложных аллегорий.

В Евангелии от Иоанна апостол Никодим описывался следующим образом. «Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских». Именно Никодим говорил Спасителю: «Мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог». Обращает на себя внимание часть фразы, в которой Никодим говорит от имени неких людей («мы знаем»). В данном моменте речь не могла идти о фарисеях, так как те не признавали Христа. Можно предположить, что подразумевались люди, которые знали нечто большее, то есть были посвященными в тайные знания. На это намекает также то обстоятельство, что Никодим обращается к Христу, когда нуждается в совете, прежде всего в наставлении относительно дальнейшего духовного пути. «Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Никодим осведомляется: «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?». В ответ звучит: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше». Опять же показательным, что Никодим прибывает к Христу ночью, то есть в то время суток, когда по многим мистическим представлениям душа покидает тело. Постыжение рун распятым Одним также происходит в ночное время. Именно ритуал поднятия по «мировому столпу» приводил к тому, что совершивший его человек отделял душу от тела, имея тем самым возможность заглянуть на небеса.

Версия о возможности того, что Никодим благодаря ритуалу восхождения по «мировому древу» мог заглянуть на небеса, косвенно подтверждается верхней частью барельефа в Экстернштайне. По большому счету, сам барельеф разделен не на две, а на три горизонтальные части. В нижней находится изображение монстра, терзающего людей (нижний мир). В средней изображено собственно снятие тела Христа с Креста, эта часть символизирует земную жизнь (Землю). Верхняя часть располагается выше поперечной перекладины распятия — это небесная сфера, о чем говорят не только изображения светил, но и изображение воскресшего Христа. В этой

части барельефа лик Спасителя серьезен и даже скорбен. Его фигура в благословенном жесте несколько наклонена вперед, то есть воскресший Христос взирает на события на земле. Показательно, что лик Христа (худое лицо, длинные волосы, разделенная на две части борода) никак не соответствует распространенному в каролингскую эпоху изображению Спасителя.

Верхняя часть барельефа «Снятие с Креста»

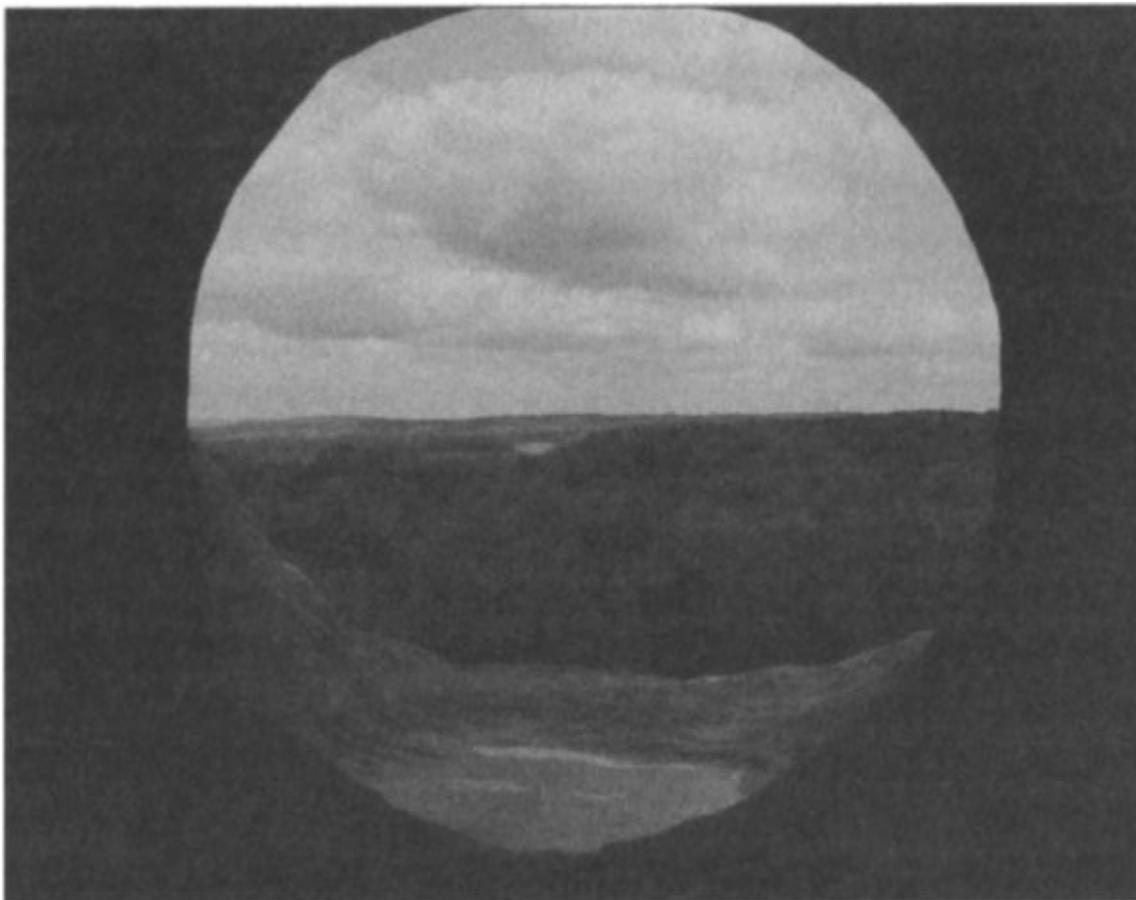
Типичными чертами в то время были — безбородое лицо с мягкими чертами.

Не меньше загадок на первый взгляд задает маленькая фигурка человека, которую вместе со знаменем в руках несет воскресший Христос. Фигурка человека, чья голова не сохранилась, богато одета, в чем-то одежда даже похожа на облачение Спасителя. Кто же это мог быть? Приблизительно в X веке в европейском религиозном искусстве начинает распространяться сюжет, когда Христос забирает душу умирающей Богоматери. Душа представлена в виде небольшой фигурки, которую Спаситель несет на небеса. Можно было бы посчитать, что и на барельефе в Экстернштайне был высечен именно этот сюжет. Однако Христос взирает с небес на полную скорби и печали еще живую Богоматерь. Единственным человеком из изображенных на барельефе, кто мог бы оказаться на небесах,

не будучи мертвым, был Никодим, который находится на вершине Ирминсула!

С Ирминсулом в Экстернштайне связан отнюдь не один объект. Можно предположить, что некогда эта святыня германских народов представляла единый комплекс с так называемой «кафедрой» или «трибуной». Непосредственно перед «скалой-башней» находится каменный блок, высота которого приблизительно равна человеческому росту. У этого сооружения почти правильные формы. Он напоминает куб, подняться на который можно по ступеням, выдолбленным в нем с нескольких сторон. Лестница, ведущая наверх «трибуны», начинается приблизительно с половины высоты куба. Она очень тонка и обвивает сооружение по двум граням. Нижняя ступень лестницы несколько узкая, что на нее с трудом можно поставить ногу. Однако по мере подъема наверх ступени становятся шире. На седьмом шаге можно подняться на небольшую площадку, с которой можно забраться на ровную поверхность обтесанной глыбы. Площадка не слишком велика, она позволяет только стоять на ней двумя ногами. Подобно «высотной камере» и отверстию в нише, она ориентирована на точку восхождения солнца в момент летнего солнцестояния (48°). Для того чтобы взобраться на «трибуну», требуется не только сноровка, но и определенная смелость. Любое неосторожное движение и с этого сооружения можно свалиться на камни. Впрочем, «трибуна» была не всегда такой.

Как показали исследования Ульриха Нидхорна, она была вновь обработана в XIV веке, то есть до того момента она была больше по своим размерам, а ступени лестницы были несколько шире. Также не исключено, что ступени когда-то служили опорой для деревянной конструкции, которая обеспечивала менее рискованный подъем наверх. Непосредственно сбоку от лестницы в скальной породе выдолблено прямоугольное углубление, которое могло также служить для крепежа деревянного сооружения.

Вид через отверстие над алтарем Экстернштайна

Название этого объекта Экстернштайна («трибуна») было выбрано совершенно неслучайно. Оно действительно является очень удобным местом для произнесения речей. Расположенная за «трибуной» резко уходящая вверх скала могла не только выгодно подчеркнуть фигуру выступающего, но и усилить его голос, отражая от камня.

В 1824 году впервые была высказана версия (она была основана на народных сказаниях) о том, что именно с этой «трибуны» произносил свою знаменитую речь Арминий, который призывал германское племя херусков подняться на вооруженную борьбу с римлянами. Это предположение до настоящего момента не было никак ни подтверждено, ни опровергнуто. Археологические раскопки едва ли могли дать ясный ответ. В любом случае надо принимать во внимание то обстоятельство, что трибуна находилась непосредственно под «высотной палатой», а также была ориентирована на место восхождения солнца. Не будет преувеличением считать, что она была непосредственно связана с «астрономическим культом» древних германцев.

Если вновь обратиться к Эдде, то в «Речениях Высокого» на себя обращает внимание, что сразу же после познания сути рун, Один дает поучения Лоддфафниру, которые начинаются одинаковой, почти заклинательной фразой: «Советы мои, Лоддфафнир, слушай, на пользу их примешь, коль ты их поймешь». Перед тем как начать учебу, Один произносит:

Пора мне с престола
тула поведать
у источника Урд;
смотрел я в молчанье,
смотрел я в раздумье,
слушал слова я;
говорили о рунах,
давали советы
у дома Высокого,
в доме Высокого
так толковали.

В этом месте перевод подразумевает «престол» как некое королевское кресло, однако из германского варианта этого произведения следует, что речь велась о чем-то вроде церковной кафедры, которые традиционно устанавливались в католических храмах для произнесения проповедей. Принимая во внимание, что поучения давались после того, как Один поднял руны («стена их поднял — и с древа рухнул»), то можно предположить, что «престол»-«кафедра» («трибуна») находилась в непосредственной близости от «мирового древа».

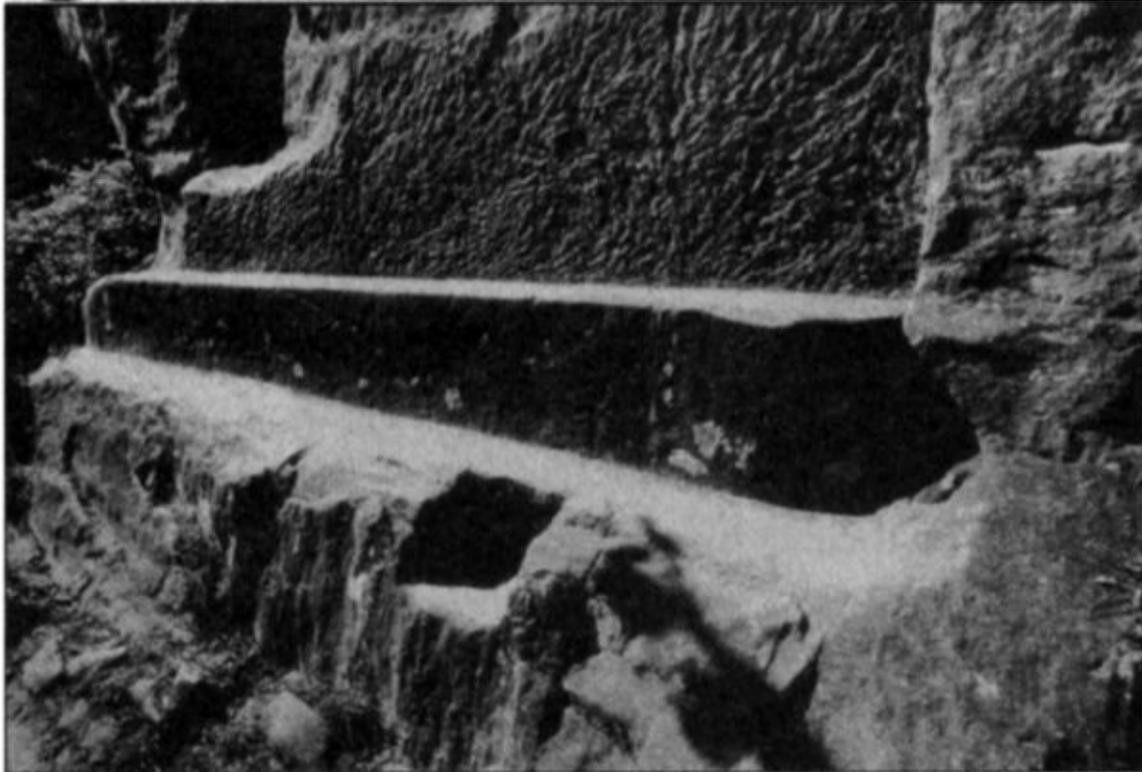
«Трибуна» у подножия второй скалы Экстернштайна

Если «трибуна» в Экстернштайне имела очевидное ритуальное предназначение (ориентация на точку восхождения солнца и т. д.), то вполне оправданной кажется версия о том, что где-то вблизи от нее был установлен и сам Ирминсул, как главная святыня саксов, что полностью отвечает логике совершения ритуалов и обстановки культовых действ. Если «трибуна» была создана у второй скалы Экстернштайна, а барельеф с изображением Ирминсула высечен на первой, то было бы логично, что в дохристианские времена эта святыня была установлена между «скалой-башней» и «скалой гротов».

В данном случае обретает свой смысл сооружение, которое было создано у третьей скалы Экстернштайна. Речь идет о выбитой в скале «заседательной скамье», которая имеет в длину приблизительно четыре метра. Ниже находится подобие большой ступени, поднявшись на которую можно было водрузиться на скамью. Точная дата появления «заседательной скамьи» неизвестна, однако после проведения ряда исследований Ульрих Нидхрон утверждал, что она была высечена в скале «приблизительно в начале нашего века». В любом случае сторонники трактовки Экстернштайна как дохристианской святыни утверждают, что на скамью во время проведения ритуалов садились специально выбранные люди. Это

позволяет некоторым исследователям назвать данный объект «княжеской скамьей».

Есть также версия о том, что именно с данной скамьи перед германцами оглашала свои пророчества германская прорицательница Веледа^[4]. Это предположение можно было бы посчитать выдумкой, если бы не бытовавшее с древности обозначение «скалы-башни» как «Velledae turris» (башня или дворец Веледы). Это название также бытует в литературе XVIII века, которая была посвящена Экстернштайну.

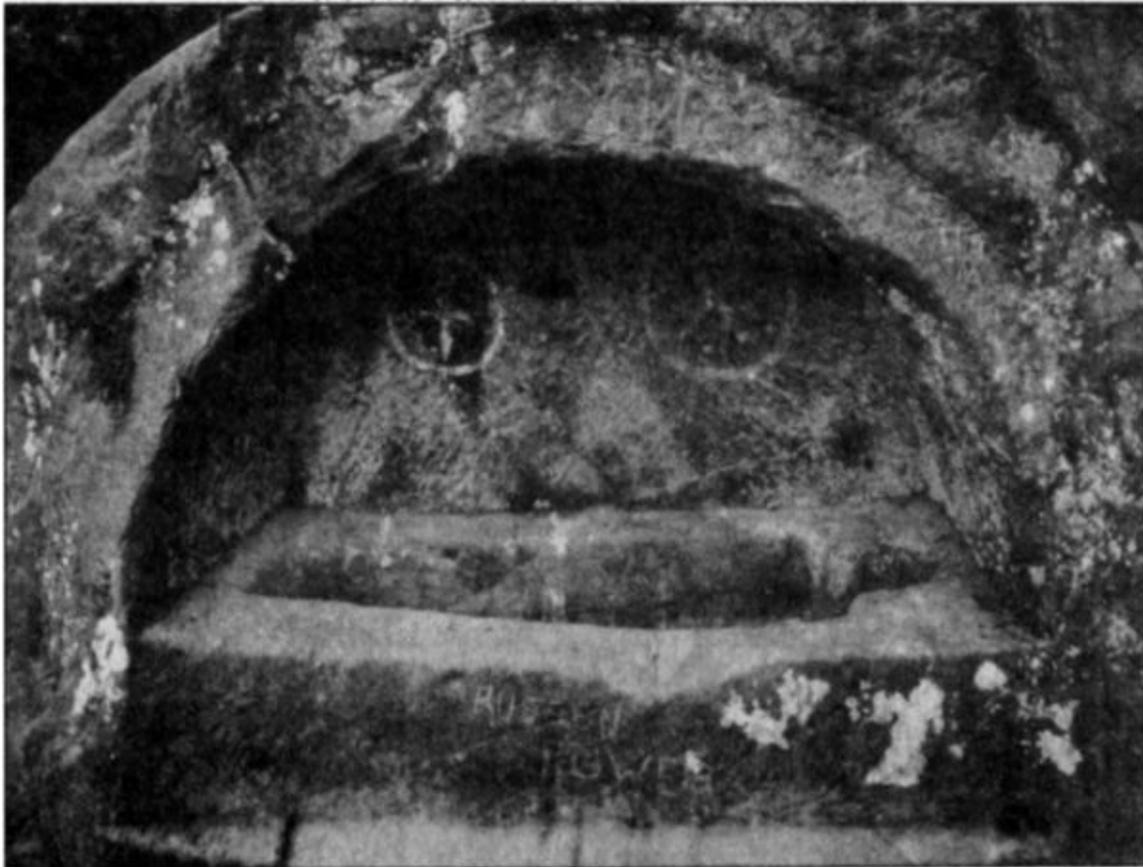

«Заседательская скамья»

Прогулку у Экстернштайна лучше всего завершить у самого его загадочного сооружения. Внизу, у самого подножия «скалы гротов», распластана огромная каменная глыба, которая уходит далеко вглубь земли. В этой скальной породе высечена полукруглая ниша, в которой оказалось углубление своими очертаниями весьма напоминающее человеческую фигуру. Это сооружение обычно называется «каменной гробницей». Если смотреть на эту часть скалы сверху от гротов или от барельефа «Снятие с Креста», то она весьма напоминает трапецию, которая своей широкой стороной обращена к берегу озера. Обращенная на северо-запад сторона «каменной гробницы», а также боковая грань были явно обработаны человеком, так как они образуют почти вертикальные стены. Изначально

между «каменной гробницей» и подножием «скалы гротов» имелась расселина, которая со временем была искусно расширена, превратившись в подобие дорожки-лестницы. В различных местах ступени имеют самую разную ширину и высоту. Они ведут наверх к гротам первой скалы Экстернштайна.

Несмотря на то что «каменная гробница» явно хранит на себе следы обработки, задняя часть ниши не является ровной. Если смотреть на объект со стороны, то становится очевидным, что она склоняется в направлении озера. Собственно, «каменная гробница» получила свое название за то, что в северо-западной части глыбы была высечена полукруглая ниша. Ее свод является аркой, в полу имеется подобие саркофага. Место, где должно было бы на первый взгляд размещаться тело, не является составным, оно также высечено прямо в скале. Выбитая выемка по своим очертаниям очень похожа на человеческую фигуру. Можно разобрать голову, плечи и ноги. Голова должна была быть ориентирована на юго-запад, а ноги соответственно — указывать на северо-восток.

«Каменная гробница»

Разрушенная лестница у каменной гробницы

Когда были проведены точные измерения, то оказалось, что центральная ось «фигуры» в саркофаге указывает на 48° от точки севера к востоку.

Едва ли есть необходимость повторять, что это указание на точку восхождения солнца в момент летнего солнцестояния, на которую ориентированы очень многие объекты в Экстернштайне.

Отдельно надо обсудить саркофаг, по своим очертаниям напоминающий человеческое тело. Выдолбленное в полу ниши углубление является округлым, но не везде одинаково глубоким. Пол ниши в «каменной гробнице» имеет размеры $2,2 \times 1,18$ метра, а его высота от уровня земли где-то 70 сантиметров. Само углубление-саркофаг в длину имеет 1,97 метра — достаточно высокий рост даже для современного человека. Однако в плечах фигура не слишком широка — всего лишь 50 сантиметров. В ступнях ширина «саркофага» и того меньше — 27 сантиметров. При

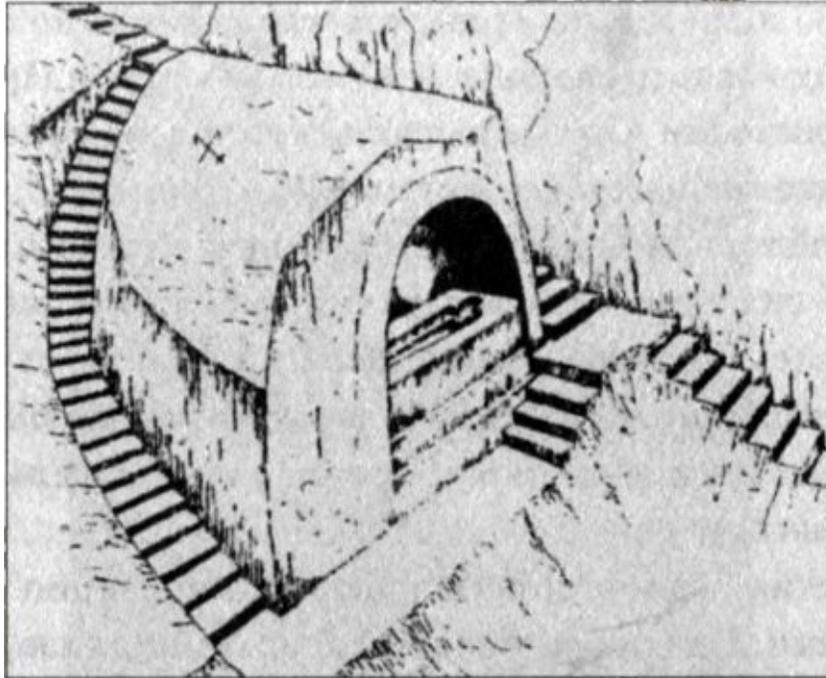
значительном росте эта фигура выглядит излишне худой, за что исследователи назвали ее «мумией».

В задней стенке ниши имеется три углубления, которым народные сказания приписывали самое различное происхождение (см. первую главу). Исследователь Ульрих Нидхорн отмечал, что нечто подобное можно было обнаружить в гробнице Гарвини, которая принадлежит к культуре бретонских мегалитов.

Подножие «каменной гробницы» достаточно просто в оформлении. Оно представляет собой два карниза, напоминающие длинные ступени или очень узкие скамьи. Первый карниз настолько узок, что на него нельзя ни облокотиться, ни опуститься на колени. Второй карниз идет фактически вдоль уровня земли. Однако проведенные раскопки показали, что в прошлые времена «каменная гробница» не была столь легкодоступна, как сейчас.

«Каменная гробница»

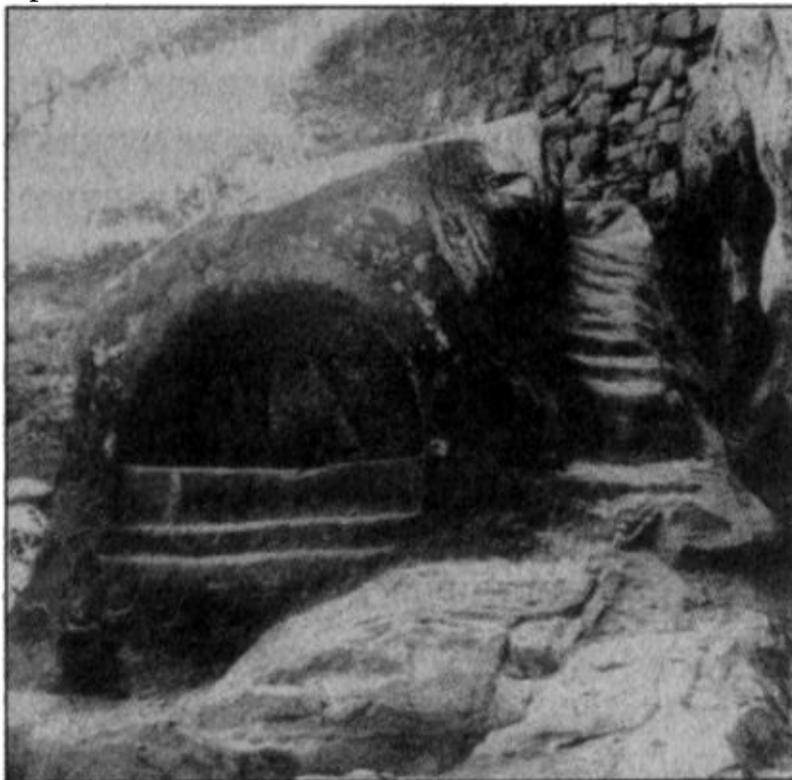
Реконструкция вида «каменной гробницы»

Некогда прямо под ней находился крутой склон скалы, спускавшийся прямо в долину Вимбеке, которая не была запружена. Земля, которая в настоящее время позволяет без проблем подняться к «гробнице», скорее всего отсутствовала. Таким образом, в далеком прошлом нельзя было непринужденно стоять у «саркофага». Когда в 1934–1935 годах проводились раскопки, то оказалось, что обработанные человеком каменные склоны уходили на несколько метров вниз. То есть в далеком прошлом «каменная гробница» должна была находиться приблизительно полутора метрами выше уровня земли. Возможно, гробница напоминала одноэтажное сооружение, выдолбленное непосредственно в скале, а сам «саркофаг» находился в лучшем случае на уровне головы.

Нередко высказывается предположение, что это сооружение было создано для проведения похоронных обрядов представителей германской знати или жрецов. Но ни один исследователь не смог привлечь письменные или документальные свидетельства. Кроме этого, уложить труп в «саркофаг» было весьма проблематично. А также он ничем не накрывался, так как глубина ниши была не слишком велика. Тело фактически оставалось на открытом воздухе, а потому было доступно для паразитов. Вдобавок в «каменной гробнице» не было весьма характерных для саркофагов «стоков». Скорее всего в данном случае надо было вести речь об открытой могиле, которую не предполагалось использовать в качестве

таковой.

В свете этого утверждения нередко выдвигалась версия о том, что «каменная гробница» Экстернштайна являлась имитацией Гроба Господня. Эта версия находила свое косвенное подтверждение в народных сказаниях. В данном случае Экстернштайн должен был в целом являться имитацией святых мест, к которым в XII веке совершали паломничество пилигримы. Это утверждение опирается на якобы готический характер «гробницы». В качестве примера могил и гробниц с полусводчатыми арками могли приводиться захоронения в катакомбах Зальцбурга и крытых галереях монастыря Эбербах.

Вид на «каменную гробницу» после раскопок

Аналогия действительно, кажется уместной. Особенно если принимать в расчет только лишь арку погребальной ниши. Однако если вдаваться в детали, то возникают оправданные сомнения относительно истинности данной версии. Во-первых, Ульрих Нидхорн как специалист по обработке камня, отмечал, что «каменная гробница» в Экстернштайне была сделана крайне грубо и очень неточно. Каменотесы же готической эпохи применяли методы, которые позволяли получать идеально гладкую поверхность. Причем стенки подобных сооружений были бы ровными, а не «заваливающимися» назад как в Экстернштайне.

Во время раскопок в 1934–1935 годах Юлиус Андрее обратил внимание на то, что со временем от скалы, в которой находилась «каменная гробница», было отколото два огромных куска, что фактически уничтожило лестницу, ведущую наверх к «скале гротов». При исследовании было выяснено, что изначально ступени создавались каменным резцом, но дальнейшая трансформация происходила уже при помощи орудия, которое должно было напоминать топор. Можно было предположить, что в какой-то момент в Средние века было решено, что «каменная гробница» утратила свое прежнее значение, а потому не нуждалась в лестнице. Эта версия удовлетворяет представлению о «каменной гробнице» как имитации Гроба Господня. Однако нельзя не заметить, что это не было истинным предназначением этого сооружения. Во-первых, «гробница» не была ориентирована по линии восток-запад. Во-вторых, направление центральной оси «саркофага» на 48° однозначно указывает, что сооружение использовалось для ритуальных целей в дохристианское время.

Часть II Политическая борьба за Ирминсул

Глава 1. «Безответственные мечтатели» против «серьезных исследователей»

Если говорить об исследователях Экстернштайна, то никак нельзя обойти стороной Вильгельма Тойдта. Как уже говорилось выше, Вильгельм Тойдт имел большое количество недоброжелателей в академической среде. Его самого и его последователей некоторые из научных кадров считали «безответственными мечтателями», «шарлатанами» и «прорицателями». Как бы то ни было, но именно Вильгельм Тойдт является центральной фигурой в деле изучения Экстернштайна, а потому на его жизнеописание надо остановиться отдельно.

На первый взгляд в его биографии не было ничего примечательного. Родился в 1860 году. В 1881–1885 годах изучал теологию в Берлине, Лейпциге, Тюбингене и Бонне. В 1885–1895 годах был священником в Пробстхагене и Штадтхагене. В 1895–1908 годах являлся руководителем Союза внутренней евангелической миссии. В 1908 году стал директором «Каплеровского союза». В 1920 году переселился в Детмольд, где занялся изучением германской древности.

Вильгельм Тойдт

В 1934–1935 годах — член правления Фонда «Экстернштайн». В 1935 году был не только провозглашен почетным гражданином Детмольда, но и получил ученое звание профессора. В 1936–1938 годах возглавлял отдел германоведения «Наследия предков» в Детмольде. В 1940 году награжден медалью Гёте. Скончался в 1942 году.

По большому счету именно Вильгельм Тойдт открыл Германии и миру Экстернштайн. Это утверждение справедливо не только потому, что этот исследователь предвосхитил большинство археологических раскопок у культовых скал, но и потому, что он формировал мир идей, связанных с этими скалами. Это не мешало целому ряду академических исследователей считать его «шарлатаном» и «прорицателем». Архивные документы однозначно показывают, что сам Тойдт выступал не столько как собственно исследователь, сколько как глашатай, который целеустремленно и с огромной энергией шел к поставленной цели.

Сам Вильгельм Тойдт был потомственным священником. Он посвятил себя церкви по примеру своего отца. За 20 лет своей церковной службы он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, занимаясь работой с

молодежью и религиозными делами общины. Именно усердие на данном поприще позволило ему стать руководителем Союза внутренней евангелической миссии. Однако в 1908 году Вильгельм Тойдт, которому исполнилось 48 лет, решительно меняет свою судьбу. Он оставляет лютеранскую церковь, слагает с себя сан и становится председателем достаточно сомнительного для церковных кругов «Каплеровского союза». Эта организация была создана годом ранее для того, чтобы «содействовать постижению мира на естественнонаучной основе», то есть Тойдт фактически отрекается от всех своих прошлых идеалов. На тот момент союз видел своей главной целью борьбу против идей профессора Эрнста Геккеля. Известный германский биолог и философ Эрнст Геккель, восторженный последователь Чарлза Дарвина, в 1866 году открыл так называемый «биоэнергетический закон», согласно которому индивидуальное развитие человека в упрощенной форме повторяет все стадии развития эволюции человечества. То есть человеческий зародыш в процессе развития проходит стадии рыбы, земноводного и т. д. В качестве доказательства Геккель представил соответствующие изображения эмбрионов. Подлог был обнаружен его коллегами, которые вынесли дело Геккеля на университетский суд. Однако после того, как Тойдт стал во главе «Каплеровского союза», он переориентировал его на борьбу с только начавшей формироваться молодой наукой — генетикой.

Со временем Тойдт стал переходить на ярые националистические позиции. В 1917 году Тойдт, который сам воевал на Западном фронте, написал статью «Немецкая объективность и мировая война». В ней он излагал свое видение картины мира. «В межнациональном движении наиболее ценятся человеческие отношения, которые попирают естественное право более сильных и более умелых... Ей (Германии. — *А.В.*) противостоит хор враждебных народов, чуждый мир, проникнутый презрением и страхом. Германия и только Германия в силу своего положения может дать миру высшие духовные ценности, которые могут способствовать подъему всего человечества». Собственно, Тойдт не был особо оригинален в своих построениях. Подобные идеи высказывались многими немецкими националистами того времени. По мнению Тойдта, идеалом государственности должна была служить кайзеровская империя с новым статусом мировой супердержавы, напоминающим тогдашнюю Англию. По большому счету на тот момент Тойдт в своих представлениях даже не приблизился к лагерю «фелькише». В его построениях еще отсутствуют антисемитские клише, а само немецкое господство должно было строиться на принципах патерналистского доминирования над

ненемецкими элементами. Но в идеях Вильгельма Тойдта уже отчетливо прослеживаются антилиберальные и антидемократические нотки, так как он выступал против ликвидации цензовой системы выборов, ибо полагал, что всеобщее голосование было весьма рискованным для Германии.

Политические воззрения Тойдта стали меняться в радикальную сторону после окончания мировой войны, когда Германии был навязан грабительский Версальский мирный договор. После демобилизации Тойдт на некоторое время возвращается в оккупированный французами Рейнланд. Вид малой родины, находящейся под пятой оккупантов, был ему невыносим, а потому в 1920 году он переезжает в Детмольд. До сих пор не очень понятно, почему Вильгельм Тойдт выбрал для нового места жительства этот вестфальский городок. В любом случае его выбор оказался судьбоносным. Достоверно известно, что в 1920 году Тойдт не проявлял ни малейшего интереса к Экстернштайну. Нет уверенности даже в том, что он вообще слышал про этот мегалитический памятник.

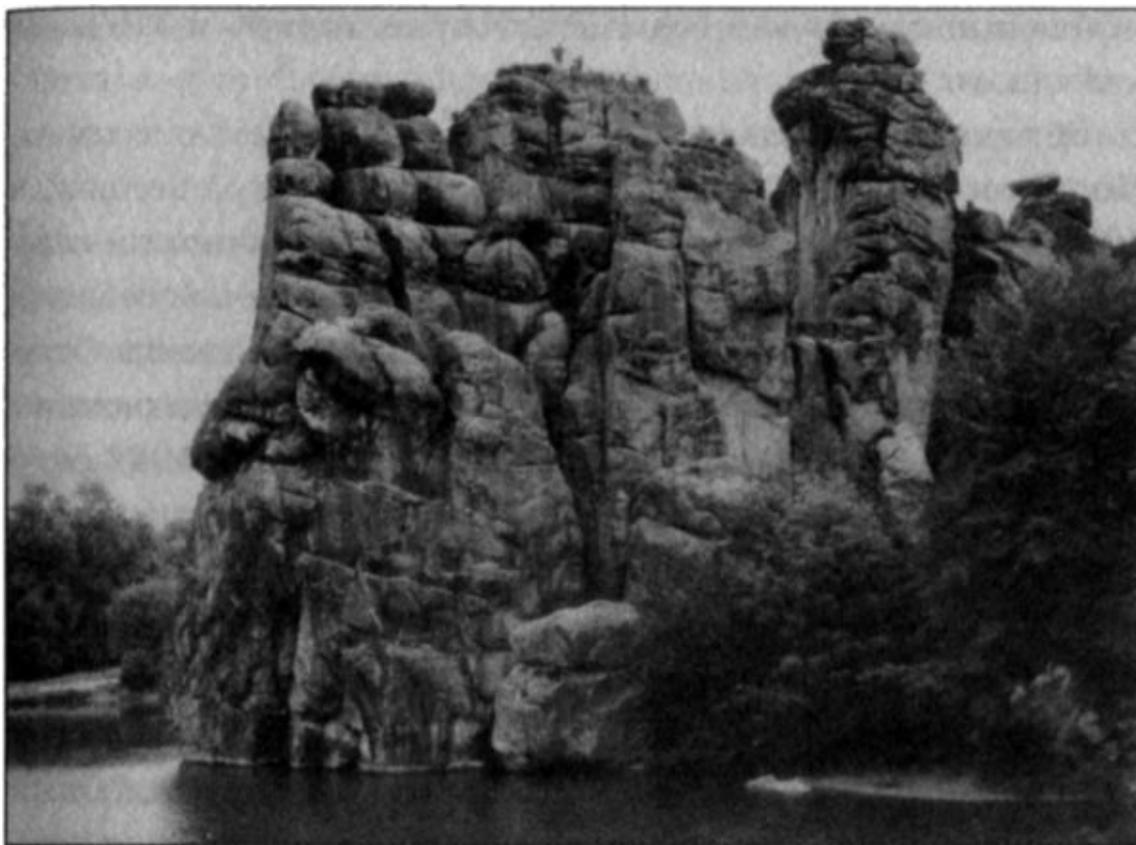
Оказавшись в Детмольде, Тойдт постепенно переходит с консервативно-национальных на радикально-националистические позиции. Впрочем, в первые годы существования Веймарской республики это было отличительной чертой многих фронтовиков. Подобно многим разочарованным и озлобленным немецким фронтовикам, Вильгельм Тойдт принимает активное участие в деятельности самых различных националистических организаций. В их рядах он смог сделать даже некоторую политическую карьеру. Так, например, он быстро стал гауляйтером липпского отделения «Стального шлема». Однако в 1925 году он добровольно оставил этот пост — Тойдту явно не хватало времени на общественно-политическую деятельность. Несмотря на приверженность радикальным националистическим теориям, в период с 1925 по 1933 год Вильгельм Тойдт ни разу не позволил себе антисемитских высказываний в своих «германоведческих статьях». Однако это не означает, что Тойдт не был антисемитом. Он должен был разделять антиеврейские установки, так как не только был активистом националистического лагеря, но постоянно сотрудничал с многочисленными расистскими кружками, а также был членом «Немецкого союза» — организации, которая отличалась радикальным антисемитизмом.

После того как в 1925 году Вильгельм Тойдт оставил пост гауляйтера «Стального шлема», он решил сконцентрироваться на «германских исследованиях». Благодаря этим изысканиям он смог собрать вокруг себя достаточное количество сторонников и приверженцев его теорий, из которых сложился некий кружок. Сам же Тойдт в то время воспринимал

себя исключительно как исследователь, который проявлял интерес ко многим научным дисциплинам, но прежде всего к археологии. Он предполагал, что эта наука должна была базироваться не на отдельных находках, а на новых принципах трактовки предназначения этих находок. Вне всякого сомнения, на Вильгельма Тойдта большое впечатление оказала книга Якоба Фризенса «Введение в древнюю историю Нижней Саксонии» (1931 год). Эта книга была буквально зачитана Тойдтом до дыр, на многих страницах были сделаны пометки и пояснения. Наибольшее количество подчеркиваний было сделано в тех местах, где автор книги говорил о религиозных культах.

Сразу же после того как Тойдт стал заниматься германоведческими изысканиями, он вступил в «Общество немецкой древней истории» (не путать с «Объединением друзей германской праистории»). Впрочем, членом этой организации он пробыл всего лишь несколько лет. В 1929 году Тойдт изложил все свои теории и воззрения в книге «Германские святыни. Доклад о раскрытии древней истории, основанный на Экстернштайне, источниках Липпе и Тевтобурга», которая вышла в «Издательстве Ойгена Дидериха» (Йена). Кроме этого с 1933 года он стал выпускать в лейпцигском издательстве «Колер» ежемесячный журнал «Германия».

Современники по-разному воспринимали почти 70-летнего Вильгельма Тойдта. Его критики позволяли себе такие высказывания: «Он едва ли является научной величиной. Он ставит интуицию выше факта, а веру выше доказательств и правдивых источников. Он не располагает значительными знаниями ни в исторической, ни в хозяйственной сферах, он очень слабо знаком с литературным материалом. Он предпочитает цитировать старые издания, хотя выходили более новые и дополненные. Он действует не как научный муж, а по наитию». Показательно, что нечто аналогичное говорили и сторонники Тойдта из числа членов «Объединения друзей германской праистории».

Пруд у подножия первой скалы Экстернтайна

Так, например, Йозеф Плассман, позже занявший пост начальника одного из отделов «Аненэробэ», писал: «Если бы у меня не было научного авторитета, то я, наверное бы, продолжил тесное сотрудничество с Тойдтом. В противном случае это ставило меня под удар». Собственно, эти черты характера Тойдт проявлял не только в науке. В 1935 году, уже будучи стариком, он встретился с местным крайсляйтером НСДАП, и тот отметил, что Тойдт был слишком импульсивным, но при этом совершенно политически неподкованным. Сам Тойдт вступил в Национал-социалистическую партию только в том же самом 1935 году, хотя выражал симпатии и Гитлеру, и его движению очень давно. Не исключено, что старик хотел получить поддержку от новых властей, так как до этого момента он мог рассчитывать только на «Объединение друзей германской праистории» и «Немецкий союз».

Об этих организациях необходимо рассказать отдельно. После того как Тойдт стал публиковать во второй половине 1920-х годов материалы, посвященные «германским святыням» и «культовым линиям» (в современной геомантии они более известны под названиями «лей-линии»

или «линии силы»), к нему стали проявлять интерес различные организации националистического толка. В 1928 году Тойдт вступает в ряды «Немецкого союза» (полное название организации звучало следующим образом «Немецкий союз — община Германсланд»)^[5]. «Немецкий союз» был основан 9 мая 1894 года в Берлине старшим преподавателем Фридрихом Ланге. Целью союза являлось воспитание в его членах осознанного немецкого мышления, поведения и желания, что в свою очередь должно было способствовать укреплению «германской расы» как отдельного «народного сообщества». Сохранение немецкой самобытности должно было осуществляться посредством преобразования «немецкого образа мышления» через труд. Для этого члены союза в тесном сотрудничестве между собой должны были выпускать газеты, книги, осуществлять воспитательные проекты, предпринимать экономические и хозяйственные меры. Союз являлся исключительно авторитарной организацией. По своим методам работы — что полностью соответствовало намерениям учредителя, — союз оказался во многом противопоставлен прочим антисемитским организациям и группировкам «фелькише». Именно жесткий распорядок, царивший в союзе, позволял его членам считать себя «фелькише-элитой». Антисемитская деятельность союза была predetermined не только программными установками, но даже организационной структурой. В Уставе союза (§ 24) открыто говорилось об антисемитизме, как одном из принципов деятельности. В частности, утверждалось, что за связь с евреями и метисами с примесью еврейской крови члены союза автоматически исключались из рядов организации без каких-либо объяснений. И это было, по мнению руководства союза, одним из самых страшных проступков. Союз, подобно многим фелькише-организациям XIX века, в своих программных установках опирался на труды Гобино и Людвига Шемана. В первую очередь это относилось к идее о том, что немцы являлись германцами.

«Община Германсланд», благодаря которой у союза появилось приставка к изначальному названию, возникла в Детмольде в 1921 году. По своей сути это была карликовая националистическая организация, которая даже к 1929 году насчитывала в своем составе всего лишь 13 человек. Сохранившиеся списки позволяют оценить социальный состав этой организации. Трое из них были офицерами, еще столько же — предпринимателями, четверо — служащими (преимущественно преподавателями). Кроме этого, в общине числился землевладелец. Небольшая численность общины объяснялась еще и тем, что для попадания в ее ряды надо было пройти долгий испытательный срок. Кроме

собственно членов общины — «друзей», существовало еще некоторое количество сочувствующих ее идеям — «гостей». Примечательно, что именно в «Общине Германсланд» Вильгельм Тойдт познакомился с Оскаром Зуффетом (более подробно о нем позже), который с 1916 года являлся активистом «Немецкого союза».

Когда Вильгельм Тойдт стал в 1928 году членом «Немецкого союза — общины Германсланд», то он уже был знаком с большинством активистов этой организации по мероприятиям, которые проводились различными националистическими группировками.

Изображение Арминия из книги XIX века

Большинство «друзей» общины одновременно являлись членами «Фелькише компании», организации, которая в конце 20-х годов представляла интересы НСДАП в среде сочувствовавших Гитлеру националистов, но тем не менее не намеревавшихся вступать в Национал-социалистическую партию. Один из членов этой организации заявлял: «Вместе с „Немецким союзом“ мы охватили влиятельную группу старых

национал-социалистов, которые не числились в рядах партии». Отличительной чертой деятельности «Немецкого союза» было то, что он почти никогда не выступал от своего имени, предпочитая действовать через свои «дочерние» организации и объединения. Одним из таковых было «Объединение друзей германской праистории». Оно было основано в 1928 году, то есть именно тогда, когда в «Немецкий союз» вступил Вильгельм Тойдт. Отношения между этими двумя организациями строились на принципах дублирования функций — ключевые члены «Объединения друзей» выполняли те же самые задачи в составе «Немецкого союза». Это позволяло лишней раз не афишировать деятельность союза. То, что союз стоял за «Объединением друзей», подтверждала внутренняя переписка. Примечательным является тот факт, что в ней члены организации обращались друг к другу «брат». Причем на людях и в открытой переписке это обращение принципиально не использовалось. Открыто связь между «Немецким союзом» и «Объединением друзей» была провозглашена только в 1936 году, во время собрания, которое проходило в Экстернштайне. Тогда «бр(ат) Тойдт» выступил с докладом «Борьба за Экстернштайн», а «бр(ат) Зуфферт» с докладом «К вопросу об иезуитах».

После прихода Гитлера к власти в 1933 году началась интеграция членов «Немецкого союза — общины Германсланд» в местные структуры НСДАП. Примером этого могут являться советник по делам средней школы Людвиг Волленхаупт и директор липпской земельной библиотеки Эдуард Виганд, которые в начале 30-х годов принимали активное участие в деятельности «Объединения друзей». Как видим, националистические группы надеялись на политическую поддержку новых властей. Впрочем, надежда во многом оказалась призрачной, так как, вступив в партию, многие из членов «Немецкого союза» ставили интересы НСДАП выше, нежели интересы союза. Но в любом случае почти все видные деятели «Союза-общины» почти сразу же выразили готовность вступить в Национал-социалистическую партию. Не был исключением и Вильгельм Тойдт. В 1933 году он предпринял попытку вступить в НСДАП, чтобы привнести в партию собственную программу и собственное мировоззрение (!), которое он развивал в рамках «Объединения друзей».

Тени, отбрасываемые скалами Экстернштайна

Обычно национал-социалисты не слишком приветствовали связь с политическими группировками эпохи Веймарской республики. Однако с «Немецким союзом» дела обстояли иначе. В апреле 1934 года верховный партийный суд НСДАП признал «Немецкий союз» *старейшим фелькише-объединением*, а потому союз мог спокойно продолжить свою деятельность, оставаясь открытым для всех прочих национал-социалистов. То есть «Немецкий союз» мог не опасаться каких-либо преследований и ограничений, что нередко случалось с другими фелькише-группировками. Не исключено, что подобное решение было вынесено по той причине, что идеология «Немецкого союза» полностью соответствовала мировоззренческим установкам Национал-социалистической партии.

Это в первую очередь касалось неприятия профессиональных историков, которые занимались проблемой Экстернштайна. Представители фелькише-группировок видели в них лишь «находящихся на службе преподавателей», которые не обладали достаточной интуицией, чтобы понять истинное предназначение этих скал. Прежде всего это неприятие относилось к ученикам и последователям известного немецкого историка

Густава Коссины. Впрочем, это не мешало последователям Вильгельма Тойдта провозглашать своего учителя «пионером немецкой древней истории наряду с Густавом Коссиной». Понимание истории, присущее членам «Немецкого союза» и его дочерних организаций, наглядно показывает, что «друзья германской праистории» использовали только определенные наработки, сделанные Коссиной и его учениками.

Густав Коссина

При этом члены «Объединения друзей» нередко прибегали к аргументу, что Коссина намеревался писать науку для неспециалистов, что, разумеется, отнюдь не соответствовало ни действительности, ни самим устремлениям Коссины. В «Объединении друзей» воспринимали только отдельные результаты исследований этого ученого, которые были наиболее удобными для националистической идеологии, но при этом совершенно игнорировали все прочие, что не позволяло увидеть в целом картину предпринятых исследований. При этом само «Объединение друзей» видело своей главной целью борьбу со своими противниками, которые намеревались «упразднить все немецкое и преклонялись перед иностранным». В итоге именно окружение Тойдта стало активно использовать для восстановления образа жизни древних германцев не

только результаты археологических раскопок, но и логику исторических событий, предания, генетику, эстетические представления. Этот подход нельзя было назвать неверным, так как в Германии до сих пор очень сильна традиция осуществления междисциплинарных исследований. Кроме этого, именно данный подход позволил определить, что в древние времена Экстернштайн был местом паломничества, то есть сакральным местом «германских предков».

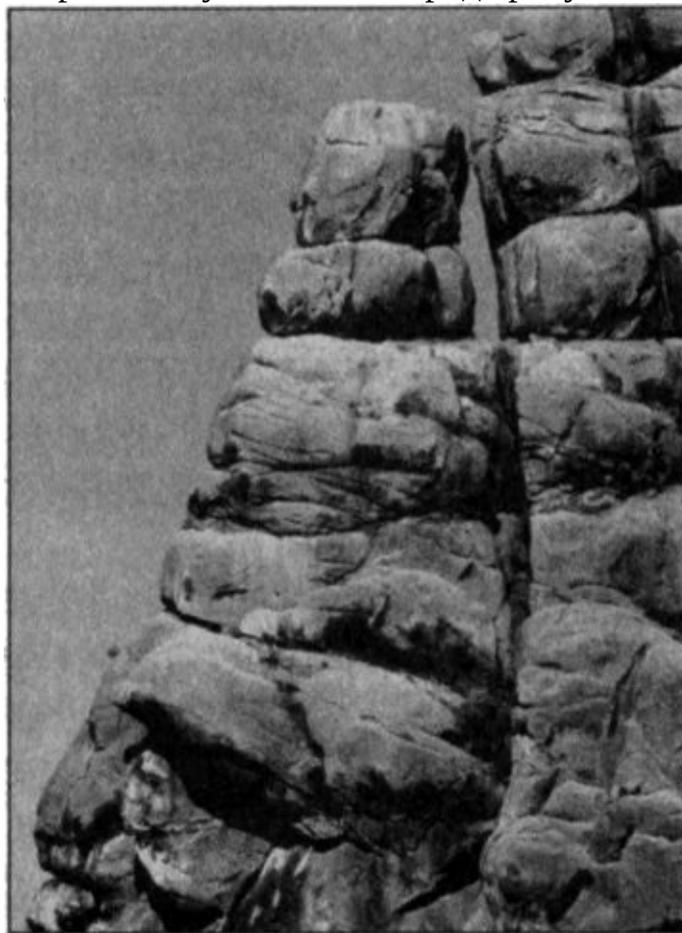
Кроме всего прочего, «Объединение друзей германской праистории» активно занималось изучением древней астрономии и древних сигнальных линий, что воспринималось как некий прототип систем информационных коммуникаций. В этой связи выдвигалась мысль о том, что германцы по уровню своего развития не только не уступали римлянам, но даже в чем-то их превосходили. Виновником падения народа стало завоевание Карла Франкского, который около 800 года разрушил все достижения германцев. И опять же выдвигалась мысль о том, что древние германцы должны были хорошо владеть астрономическими навыками. Для объяснения данных процессов члены «Объединения друзей» охотно прибегали к таким терминам, как «расщепление» и «деформирование». Именно эти два процесса привели к культурному закату германских племен. В итоге одной из задач для последователей Тойдта являлось доказать физическое и духовное превосходство нордическо-германской расы еще в самые древние времена. В данном случае интересы «Объединения друзей» совпадали с намерениями таких партийных величин, как Генрих Гиммлер и Альфред Розенберг (общие идеологические установки последних отнюдь не мешали ожесточенной конкуренции между собой).

Для популяризации данной теории Тойдт и его сторонники проводили многочисленные экскурсии, делали доклады, издавали брошюры и книги. По большому счету организационная работа «Объединения друзей германской праистории» строилась на привлечении новых местных групп, которые в Детмольде проходили некое подобие инструктажа. Это обстоятельство позволило «Объединению друзей» приобрести неплохие связи в краеведческих музеях, где имелись экспозиции, посвященные древним германцам.

Подобно национал-социалистической партии «Объединение друзей» очень быстро приспособило технические новинки для ведения своей пропагандистской деятельности. Так, например, уже в начале 30-х годов большинство докладов, которые делали сторонники Тойдта, сопровождалось показами диапозитивов. Кроме этого, для желающих самостоятельно познакомиться с теориями Вильгельма Тойдта

«Объединение друзей» выпустило две серии диапозитивов, к которым прилагалось специальное (адаптированное для показа) издание «Германских святынь».

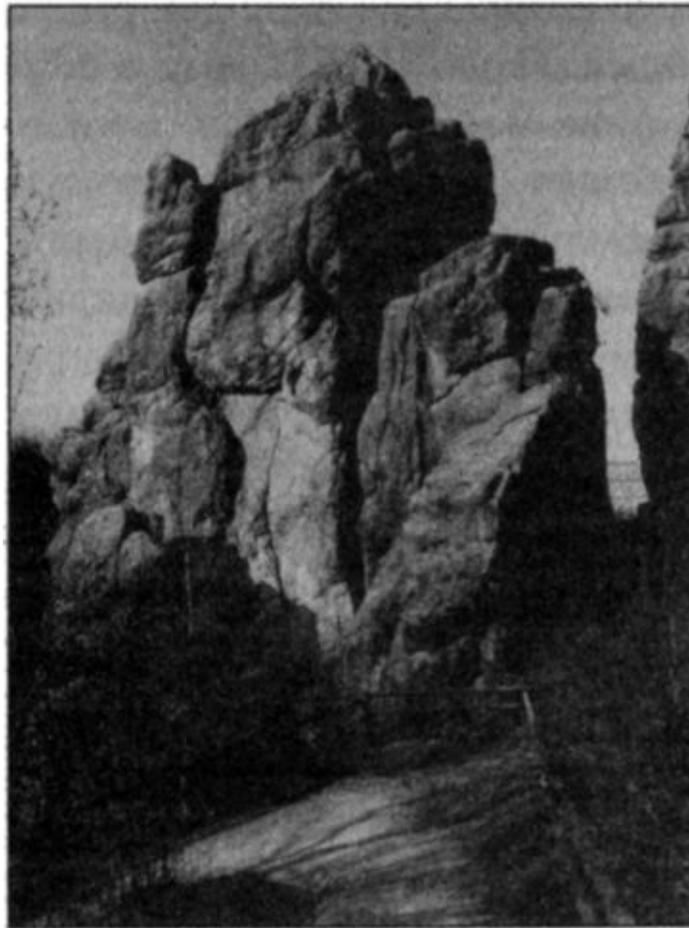
Как и стоило предполагать, в центре всех построений и лекционных вечеров находился Экстернштайн. Это относилось также к ежегодным собраниям «Объединения друзей», на которых доклад Тойдта, посвященный Экстернштайну стал своего рода ритуалом.

Вид сзади на первую скалу Экстернштайна

По большому счету ежегодные общие собрания были еще одним пропагандистским приемом, который позволял привлечь внимание прессы. Показательно, что всем немецким газетам сообщалось о том, что было бы желательно воспроизводить доклад Вильгельма Тойдта без сокращений — в отношении всех прочих выступающих подобных оговорок не делалось. Кроме этого, ежегодные общие собрания «Объединения друзей» позволяли привлечь в организацию новых членов. Надо сказать, что подобная практика была весьма успешной. Некий застой в численности организации

произошел в 1931 году, когда число ее членов составляло 130 человек. Тем не менее в 1932 году критики Вильгельма Тойдта не могли не отметить, что у здания, где проходило ежегодное собрание «Объединения друзей», было припарковано около 250 (!) автомобилей. И действительно за год организации удалось почти более чем в два раза увеличить свои ряды. Интересным может показаться факт, что почти 20 % от общей численности организации составляли женщины. Традиционно фёлькише-группировки весьма неохотно принимали в свои ряды женщин, обычно делая исключения лишь для известных и богатых фрау. В данном случае мы видим совершенно иную картину. Не менее интересным может показаться факт, что приблизительно 7 % участниц «Объединения» попали в организации по инициативе мужа или отца, то есть «Объединение друзей» не было некой разновидностью «мужского клуба», что нередко было отличительной чертой многочисленных немецких националистических союзов.

Вид на первую скалу с южной стороны

Зачастую на мероприятия, организованные «Объединением друзей», своих учениц приводили преподаватели.

Если говорить о ежегодных собраниях «Объединения друзей», то нельзя не отметить, что в 1930 году в этом мероприятии приняли участие два человека, которые позже стали играть немалую роль в Третьем рейхе. Первым из них был Вернер Хавербек, тогда еще студент, только что присоединившийся к национал-социалистам. Несколько лет спустя он возглавит «Имперский союз за народ и Родину». Вторым человеком был уже немолодой австрийский полковник Карл Мария Вилигут, который под ритуальным именем Вайстор станет «Распутиным при дворе Гиммлера». Кроме этого, постоянно на собраниях «Объединения друзей» принимали участие Фриц Фрике и Ульрих фон Моц.

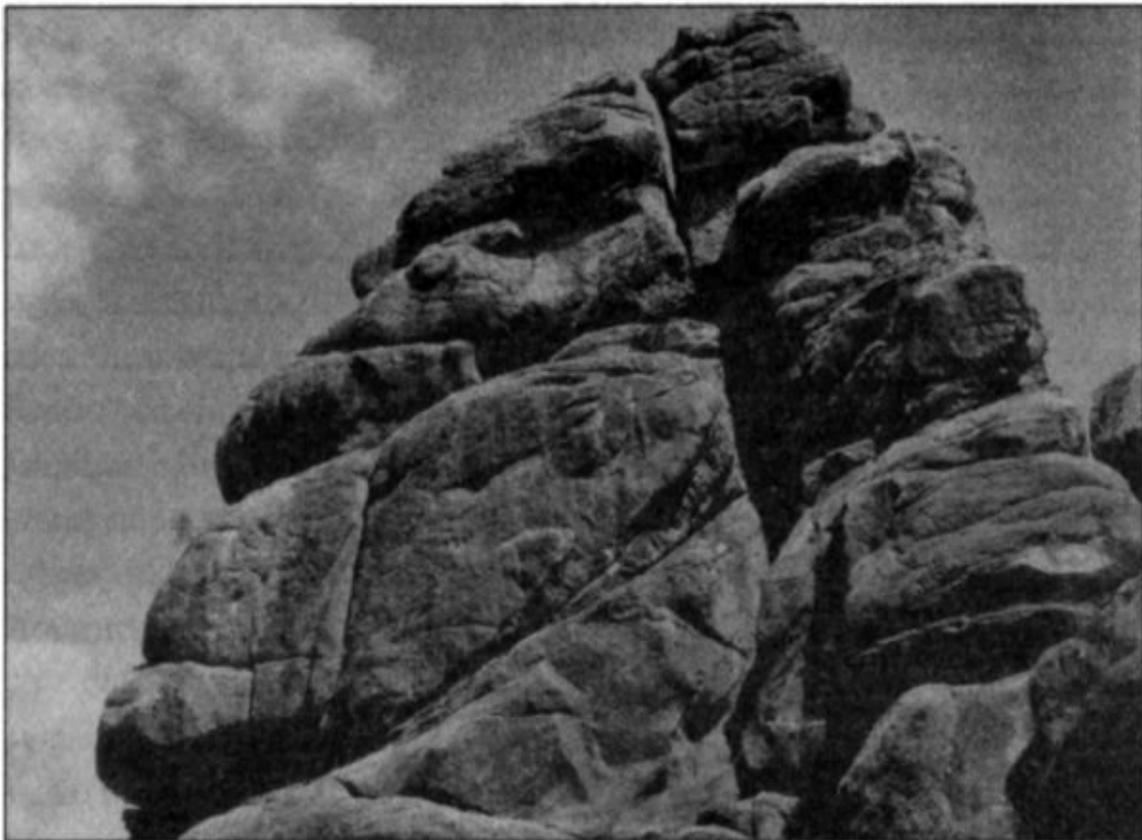
Надо отметить, что в деятельности «Объединения друзей» принимали участие некоторые представители «национально ориентированной экономики». Так, например, на ежегодном собрании 1930 года присутствовала богатая дама — Матильда Мерк. В 1933 году в собрании принимала участие Анна-Мария Дарбовен, жена торговца кофе из Гамбурга. Именно она убедила своего супруга организовать доклад Вильгельма Тойта в Гамбурге, на который были приглашены представители предпринимательских кругов.

Как уже говорилось выше, «Объединение друзей» занималось издательской деятельностью. В 1933 году оно стало издавать свой собственный ежемесячный журнал «Германия». В момент расцвета, который приходился на 1935–1936 годы, у «Германии» было две тысячи постоянных подписчиков. Если говорить о численности объединения, то к 1933 году она составляла около 500 человек. Из них значительную часть (13 %) составляли преподаватели, затем шли врачи (9 %). Кадровые военные и священники были представлены на тот момент в организации приблизительно одинаковым количеством участников — по 5 %.

В 1935 году количество членов «Объединения друзей» увеличилось до 1100 человек. Социальный состав активистов «Объединения друзей» не был слишком оригинальным — он приблизительно соответствовал всем краеведческим союзам, которых было в изобилии в Германии тех времен. Показательно, что росту численности «Объединения друзей» отнюдь не мешала критика, которая раздавалась со стороны «профессиональных историков». Большинство противников и конкурентов Вильгельма Тойта полагали его идеи не научными исследованиями, а неким «сектантским учением», а стало быть, само «Объединение друзей» рассматривалось как некая «историческая секта дилетантов».

Описывая «Объединение друзей» как некую «секту», нельзя не обратить внимание на то, что Вильгельм Тойдт в основных своих чертах почти полностью соответствовал образу «харизматического авторитарного лидера», как он был описан в работах немецкого социолога Макса Вебера. Немецкий историк Ян Кершоу описывал данный типаж следующим образом: «В глазах своей свиты он воспринимается как харизматический лидер благодаря своим героическим качествам и исключительным заслугам, которые с одной стороны являлись доказательством его исторического предназначения, с другой стороны, выступали в качестве предпосылки для верности свиты этому лидеру». То есть авторитет харизматического лидера мог базироваться не столько на его фактических заслугах, сколько на его субъективном восприятии «свитой». Во времена Веймарской республики «культ вождя» присутствовал почти во всех более-менее крупных националистических союзах и объединениях. В данном случае Вильгельм Тойдт был всего лишь одним из многих «харизматических лидеров».

Однако его лидерство в реальности было ограничено членами «Немецкого союза — общины Германсланд» и «Объединения друзей германской праистории».

Вид на вершину пятой скалы с юго-запада

При попытке выйти на общенациональный уровень (что было в первую очередь связано со стремлением восприятия Экстернштайна через расовую теорию) «Объединение друзей» невольно выступило в качестве конкурента СС и ведомства Альфреда Розенберга. Именно это и привело к его роспуску. Однако благодаря своей харизме Вильгельм Тойдт отнюдь не канул в безвестность. Более того, он смог сплотить своих сторонников в рамках нового объединения. Оно возникло в 1939 году и называлось «Общество Оснингмарк». После смерти своего основателя оно было переименовано в «Общество Вильгельма Тойдта». Поскольку в 1936 году Вильгельм Тойдт передал права на издание журнала «Германия» «Наследию предков», то «Общество Оснингмарк» стало выпускать новое издание — это был журнал «Германский мир». Однако 4 сентября 1941 года журнал оказался запрещен властями. После этого он перешел в «самиздатовский» формат — он отпечатывался на машинке и раз в квартал распространялся среди актива «Общества Оснингмарк».

Одним из ближайших сподвижников Вильгельма Тойдта был Оскар Зуфферт. Он родился в 1892 году в Ганновере. С 1911 по 1921 год он занимался изучением истории, французского языка и философии в Грейфсвальде, Ганновере и Марбурге. В 1922 году в Ганновере сдал экзамены на право преподавания. С данного момента преподавал в различных школах. В 1927 году устроился на должность главного преподавателя в городском лицее Детмольда. С 1934 по 1947 год являлся директором липпского земельного музея, который располагался в Детмольде.

Если говорить о периоде жизни Оскара Зуфферта с 1927 по 1935 год, то это время прежде всего характеризовалось тем, что он был одним из самых верных «паладинов» Вильгельма Тойдта. Сам Зуфферт, в отличие от своего покровителя, имел неплохое академическое образование. Начав обучение в университете в 1911 году, он пошел по стопам своих предков. Однако учеба была прервана начавшейся Первой мировой войной. Во время мировой войны Зуфферт воевал на самых различных фронтах. Несколько раз был ранен. Именно в годы войны (1916 год) Оскар Зуфферт вступил в «Немецкий союз». Свою учебу он смог окончить уже после поражения Германии. Когда Зуфферт в 1927 году оказался в Детмольде, то он сразу же вступил в «Общину Германсланд», а позже стал одним из учредителей «Объединения друзей германской праистории». Он всегда проявлял повышенный интерес к вопросам естествознания и

«доисторической археологии». Это привело к тому, что до 1932 года Зуфферт принимал участие в нескольких археологических раскопках. Согласно Зуфферту, именно он выступил инициатором выпуска журнала «Германия», в котором поначалу планировалось публиковать сведения об археологических раскопках, которые осуществлялись на территории Германии. Однако он не смог отстоять свою идею. Несмотря на то что журнал «Германия» все-таки стал выходить, его содержание очень сильно отличалось от того, что планировалось Зуффертом изначально. Дело в том, что значительная часть учредителей «Объединения друзей» не проявляла ни малейшего интереса к археологии. Но тем не менее Зуфферт не оставил своей затеи. Именно он установил контакты с руководителем раскопок в Экстернштайне профессором Юлиусом Андрее, что позволило придать «Объединению друзей» новый импульс в развитии, в частности в увеличении численности организации.

В 1934 году Оскар Зуфферт несколько разочаровался в идеях Вильгельма Тойдта. Его все более и более смущало, что они не были подкреплены объективными научными сведениями. Именно в этого момента становится очевидным, что Зуфферт был разочарован Тойдтом, а также его поверхностной трактовкой результатов раскопок, которые проводились в 1934 году. Зуфферт полагал, что Тойдт ошибочно трактовал комплекс сооружений в Экстернштайне. Итогом подобного «свободомыслия» стало то, что в 1935 году по линии СС против Зуфферта стали проводить определенные репрессивные мероприятия. В частности, ему запрещалось публиковать и озвучивать собственную трактовку и понимание Экстернштайна. Решив оставить эту «опасную» тему, Зуфферт полностью уходит в работу на посту директора местного музея. Несмотря на то что у этого исследователя не было особых поводов для восхищения национал-социалистическим режимом, в 1937 году он все-таки вступает в НСДАП, где числится до самого 1945 года. После окончания войны его членство в Национал-социалистической партии не помешало сохранить пост директора музея. Он оставил его только в 1957 году, когда вышел на пенсию. Скончался Оскар Зуфферт в 1974 году.

Тойдту и его окружению были противопоставлены историки и исследователи, которые принципиально не соглашались с «вульгарной» трактовкой Экстернштайна. Говоря о них, необходимо назвать такие имена, как Август Штирен, Эмиль Альтфельд, Курт Такенберг и т. д.

Август Штирен (1885–1970) может по праву считаться одной из ключевых фигур в деле археологического исследования Вестфалии, которое осуществлялось в 1925–1945 годах. Он родился в 1885 году в

крестьянской семье в местечке Хаарен (округ Бюрен). Здесь же он учился в гуманитарной гимназии, после окончания которой стал изучать историю и археологию в университетах Фрайбурга и Мюнстера. Написал диссертацию под научным руководством профессора германистики и этнографии Франца Йостеса. Несколько месяцев спустя после защиты диссертации добровольцем ушел на фронт. Несмотря на военные действия, Август Штирен постоянно поддерживал контакт с Вестфальской комиссией древностей, в состав которой он был избран в 1922 году. Свою научную деятельность и интерес к древней истории Август Штирен совмещал с работой в Немецком Красном Кресте. Он руководил филиалом этой организации в Эссене. В 1925 году по предложению руководства Вестфальской комиссии древностей Август Штирен был приглашен по должности ассистента в отдел древней и ранней истории. На этом посту он активно занимался археологическими раскопками, а также подготовкой специалистов по сохранению наземных памятников. Кроме этого, он энергично помогал музеям в пополнении их экспозиций и собраний. Предприимчивость и принципиальность Августа Штирена стали одними из причин, почему в 1930 году его избрали на пост председателя Вестфальской комиссии древностей. Одновременно с этим его приглашают преподавать археологию в университет Мюнстера. После прихода к власти национал-социалистов новые власти не раз подвергали его критике. Однако, несмотря на то что Штирен не был членом НСДАП, его научные заслуги никто не решался ставить под сомнение. После 1945 года Штирен считался одним из немногих ученых, который смог сделать свою научную карьеру, не приспособившись к требованиям национал-социалистов. Именно по этой причине после окончания Второй мировой войны он сразу же стал профессором в университете Мюнстера.

Археолог Курт Такенберг (1899–1992) был одним из первых, кто «ополчился» на теорию Вильгельма Тойдта. Будучи еще сотрудником провинциального музея в Ганновере, он попытался опровергнуть построения Вильгельма Тойдта, опираясь на данные ранних археологических раскопок. Сам Такенберг проходил обучение в университете Бреслау. Академическое образование он начал достаточно поздно — только в 1923 году. После окончания учебы в университете Бреслау, он являлся получателем стипендии Немецкого археологического института. В 1929 году Такенберга направляют в Ганновер, где он поступает на работу в местный музей. Именно здесь он получает от своего руководства поручение «заняться» проблемой «исследователей-дилетантов». По большому счету он должен был опровергать построения и

теории Германа Вирта, Вильгельма Тойдта и Германа Вилле. Чтобы выполнить это задание, Такенберг устанавливает тесные контакты с активистами «Естественнонаучного и исторического союза Липпе», которые были яркими противниками идей Вирта и Тойдта. Несмотря на то что с самого начала Курт Такенберг позиционировал себя как неприятель Тойдта, «Объединение друзей германской праистории» относилось к нему снисходительно. Только этим можно объяснить тот факт, что в 1931 году «Объединение друзей» пыталось установить с ним контакт. Впрочем, сторонники Тойдта отказались от данной затеи, когда Такенберг опубликовал крайне злобную и даже уничижительную рецензию на книгу «Германские святыни».

В 1933 году Такенберг сам решил заняться проблемой Экстернштайна. Именно в это время он публикует свою статью, посвященную барельефу «Снятие с Креста». Осенью 1934 года Такенберг становится неким центром координации деятельности «исследователей-профессионалов», которая была направлена против Тойдта и его идей. При этом он пытается заручиться поддержкой новых властей. Такенберг сам по себе был убежденным национал-социалистом, который вступил в НСДАП задолго до прихода Гитлера к власти. Более того, в 1932 году он становится активистом созданного Альфредом Розенбергом «Союза борьбы за немецкую культуру». Только этим можно объяснить, почему к борьбе против Тойдта Такенберг решил привлечь Ганса Рейнерта, который также был активистом этой организации. Как «безупречный национал-социалист» в 1937 году Курт Такенберг был приглашен на один из постов в лейпцигское местное руководство НСДАП.

Наиболее ярким и последовательным противником Вильгельма Тойдта можно считать детмольдского учителя Эмиля Альтфельда. На основании имевшихся у него физико-математических знаний (он увлекался астрономией) и некоторых познаний из истории Альтфельд задался целью опровергнуть Вильгельма Тойдта. Именно на этой почве он сошелся с Куртом Такенбергом, Августом Штиреном и Германом Шроллером. Ненависть Альтфельда к Вильгельму Тойдту была настолько огромной, что он потребовал в 1933 году от новых властей начать преследование «дилетанта». При этом Альтфельд, сам не являясь историком, предпринял попытку интерпретации археологических находок, которые были сделаны во время раскопок 1934 года под руководством Юлиуса Андрее.

Курт Такенберг

После войны он пытался доказать, что это было всего лишь попыткой привлечь внимание ученых к проблеме Экстернштайна. Впрочем, некоторые из исследователей предполагают, что это неприятие Тойдта было вызвано политическими установками Альтфельда, который даже после прихода к власти национал-социалистов продолжал числиться в консервативно-реакционной Немецкой национально-народной партии.

В противостоянии «дилетантов» и «профессионалов» несколько особую позицию занимали Юлиус Андрее и Ганс Рейнерт. На этих фигурах, которые в истории с Экстернштайном сыграли немалую роль, имеет смысл остановиться отдельно.

Юлиус Андрее родился в семье прусского служащего в 1889 году, то есть на несколько лет позже, чем Август Штирен. С некоторыми оговорками этих двух исследователей можно отнести к одному поколению. После получения аттестата зрелости Юлиус Андрее несколько семестров изучал геологию в университете Грейфсвальда. Однако юноша оставил это учебное заведение. Свое образование он продолжил уже в 1911 году в университете Мюнстера. Его учеба была прервана Первой мировой войной, на которую Андрее, подобно многим сверстникам, ушел добровольцем. Рядовым Юлиус Андрее воевал на «русском фронте», а затем во Франции. Со временем его стали использовать как геолога в топографическом батальоне. Это позволило молодому человеку еще в годы войны (1917 год)

получить диплом геолога. После окончания войны Андрее продолжил свое образование в Берлине у профессора Густава Коссины. Теперь его интересовала древняя история. Однако курс обучения он не успел закончить. Некоторое время спустя Юлиус Андрее получил должность ассистента в геологопалеонтологическом институте Мюнстера. Здесь же он защитил диссертацию, после чего стал приват-доцентом. Только после этого Андрее стал принимать участие в различных археологических раскопках. Известность ему принесли раскопки в пещере Бальвер.

Эмиль Альтфельд

Свою археологическую деятельность исследователь совмещал с общественной работой. Так, например, он вместе с директором музея естествознания в Мюнстере Германом Райхлингом становится повторным учредителем «Доисторическо-антропологической секции Вестфальского союза науки и искусства». Дело в том, что эта ранее существовавшая организация прекратила свою работу с началом Первой мировой войны. Задачей возрожденного объединения было повышение интереса к древней истории Вестфалии. В планах исследователей было осуществление собственных раскопок, что делало секцию непосредственным конкурентом Вестфальской комиссии древностей. Впрочем, опасения оказались напрасными. Вестфалия была настолько богата на археологические объекты, что некоторые из них не исследованы до сих пор. Именно Юлиусу Андрее было поручено руководить раскопками, которые в 1934–1935 годах осуществлялись в Экстернштайне. У этого исследовательского проекта

была своя политическая предыстория. В мае 1932 года Андрее вступил в НСДАП, а в феврале 1933 года присоединился к «Союзу борьбы за немецкую культуру». Судя по всему, именно это обстоятельство позволило ему возглавить раскопки на «спорном объекте». Кроме этого нельзя сбрасывать со счетов сугубо бытовые моменты. Дело в том, что работа в качестве приват-доцента не приносила особого дохода, а потому Андрее был намерен получить научное звание профессора в одной из структур, поддерживаемых государством.

Собственно, дальнейшая деятельность Юлиуса Андрее показывает, что он не был простым конформистом, который заботился лишь о своем кармане и благополучии. Именно с его подачи «Имперская секция праистории», которая действовала в рамках «Союза борьбы за немецкую культуру», начала кампанию травли целого ряда сотрудников Римско-греческой комиссии, в свое время созданной при Немецком археологическом институте. Именно Андрее в своих доносах обвинял их в еврейском происхождении.

Приведем текст одного из таких писем, написанных Юлиусом Андрее: «Официально доктор Берсу является евангелистом. Однако не подлежит никакому сомнению, что по происхождению он является евреем. Подобно случаю с доктором Унферзагтом мы имеем дело с крещеным евреем... Марксист Г. Кюн трактовал свастику исключительно как восточный символ. Этих людей давно надлежит устранить, но они работают со „знаменитыми“ тайным советником Шухгардтом и профессором Вигандом. Мы, „Имперская секция праистории“ в „Союзе борьбы за немецкую культуру“, выступаем за то, чтобы изменить положение вещей. Все эти господа не сделали ничего для изучения древней истории. Вся эта братия, которая намеревается двигать изучение истории в классическом направлении, дурно пахнет. Смеем надеяться, что Берсу будет принадлежать к числу тех, кто скоро исчезнет».

Несмотря на очевидную поддержку национал-социалистического режима, Юлиусу Андрее не удалось сделать сколько-нибудь заметную карьеру в первые годы существования Третьего рейха. Явное разочарование у него вызвало и то обстоятельство, что постепенно высокопоставленные национал-социалисты (прежде всего Гиммлер и Геббельс) начали открытую кампанию против Розенберга и «Союза борьбы». По большому счету Юлиус Андрее был первым из числа членов «Союза борьбы», кто быстро изменил свои воззрения на Вильгельма Тойдта и его теории. Однако и это не помогло ему в карьере. После окончания раскопок в Экстернштайне Андрее еще два года провел в

Мюнстере, после чего принял приглашение стать профессором в университете города Галле. Там он должен был читать курс лекций, посвященных палеолиту и отложениям четвертичного периода. В годы Второй мировой войны Юлиус Андрее оказался в составе штаба рейхслайтера Розенберга. Он был послан осуществлять археологические раскопки во Франции. Там он тяжело заболел. Юлиус Андрее скончался от болезни в 1942 году в Париже.

Ганс Рейнерт (1900–1990) является, наверное, самой спорной и самой противоречивой фигурой в немецкой исторической науке периода национал-социалистической диктатуры. До сих пор в литературе очень широко распространено мнение о том, что Рейнерт был самым убежденным национал-социалистом из всех немецких историков. Впрочем, сам Рейнерт предпочитал себя считать «главным учеником Густава Коссины». Ровесник века, Ганс Рейнерт родился в Трансильвании, где и окончил немецкую школу. После окончания войны, на которую он не попал в силу своего юного возраста, начал изучать теологию в Тюбингене, но очень быстро понял, что больше всего в жизни его интересует древняя история. В итоге с 1919 по 1921 год он изучал историю в том же самом Тюбингенском университете. Последующие четыре года он трудился ассистентом в институте древней истории. В 1925 году смог защитить диссертацию и был назначен приват-доцентом в ставшем ему родным университете Тюбингена.

Юность Рейнерта, его учеба в университете, работа приват-доцентом во многом были связаны с бесконечными финансовыми трудностями, которые испытывал он сам и его мать. После войны один из академических исследователей охарактеризовал Ганса Рейнерта как «типичного ученого, который, однако, в силу жизненных обстоятельств стал развиваться в ненужном направлении». Вальтер фон Штокар говорил о Рейнерте как о человеке, «поразительным образом оторванном от мира и совершенно неуклюжим с общественной точки зрения».

В 1920-е годы Ганс Рейнерт начал весьма претенциозный проект — раскопки в Федерзеериде «водного замка Бухау», который он сам именовал не иначе как «немецкая Троя». Во время этих раскопок Рейнерт использовал все последние достижения тогдашней науки. Проект оказался настолько интересным, что в 1927 году Гансу Рейнерту по линии «Общества помощи немецкой науке» было выделено специальное финансирование. Впрочем, итоги этих раскопок самим исследователем в научных публикациях были отражены только частично. Сейчас, когда исследователи говорят о Рейнерте, чаще всего приводят ссылки на иные

публикации, которые имели научно-популярный характер. Между тем современники Рейнерта (даже из числа его противников) никогда не позволяли себе сомневаться в уровне его знаний и способностей — в нем видели именно ученого с великолепным аналитическим умом. Но, несмотря на это, уже с первых своих научных публикаций Ганс Рейнерт позиционировал себя как поборник «нордической теории».

Сейчас с определенной долей вероятности можно установить события, которые повлияли на политическое мировоззрение Рейнерта. Вне всякого сомнения, это было крушение кайзеровской Германии и Австро-Венгерской империи. Сам Рейнерт был саксонцем румынского происхождения, а потому острее многих других немцев ощущал свою национальность. К слову сказать, многие из активистов Национал-социалистической партии были немецкими эмигрантами, которых исторические потрясения занесли обратно в Германию. Это относится и к Альфреду Розенбергу, прибалтийскому немцу, который впоследствии стал покровителем Рейнерта. Сам же исследователь, живший в бедности, непременно хотел сделать стремительную карьеру.

Несмотря на то что уже в конце 20-х годов Рейнерт высоко оценивался ведущими специалистами в своей отрасли (Бресу, Кюн, Мерхарт и, конечно же, Коссина), он так и не смог занять место профессора ни в университете Гамбурга (1929 год), ни в Институте древней истории в Тюбингене (1931 год). Именно эти безуспешные попытки найти хорошо оплачиваемое место работы привели одного из лучших немецких специалистов в НСДАП. Впрочем, в большинстве своих писем и политических статей Ганс Рейнерт являлся именно таким, как его изображали современники — оторванным от реальности хорошим человеком, напроць лишенным политического чутья. Хотя бы в силу этого на жизненном пути его неоднократно ожидали разочарования. Парадоксально, но факт — долгое время работу в высшей школе не мог найти человек, который, по свидетельствам своих учеников, являлся едва ли не лучшим преподавателем Германии. Один из них вспоминал: «Рейнерт был лучшим университетским преподавателем из всех, что встречались мне. Его лекции и задания преследовали одну ясную цель — побудить нас увлечься проблемой. Наряду с его гениальным преподавательским талантом, он располагал солидным багажом знаний, касавшихся прежде всего техники археологических раскопок. В этом деле он был новатором. Если у Рейнерта была возможность, то он давал в свободное от лекций время студентам поработать прямо в раскопе. Личное общение с ним не ограничивалось раскопками и университетскими лекциями, он тратил на это даже собственное время. Он мог дать,

например, попользоваться своей байдаркой».

Если Рейнерт как ученый и человек ни у кого из знавших его людей не вызывал сомнений, то как национал-социалист порождал множество вопросов. Нередко поведение Рейнерта отнюдь не отвечало нормам, которые предъявлялись к членам НСДАП. Он не стеснялся общаться с критиками режима и даже теми, кого национал-социалисты подвергали преследованию. Так, например, во время раскопок в Липпе Рейнерт охотно поддерживал знакомство с социал-демократом Фридрихом Копаем. Кроме этого, на протяжении многих лет Рейнерт не разрывал отношения со своими знакомыми евреями, с которыми постоянно состоял в переписке. Во время войны он помог в Берлине нескольким укрывавшимся противникам режима и евреям. Впрочем, сами ученые и исследователи поддерживали его отнюдь не всегда. Например, после того как Рейнерту удалось влить большинство историков Северной и Восточной Германии в «Имперскую секцию праистории» в «Союзе борьбы за немецкую культуру», он потерял поддержку со стороны своих коллег. Более того, со временем некоторая часть из них вышла из состава «Союза борьбы» и перешла в «Наследие предков». В начале 1945 года Рейнерта ожидал очередной удар — его исключили из НСДАП. Впрочем, несколько месяцев спустя это обстоятельство сыграло ему на руку. После войны Рейнерт был назначен директором исторического музея, занимавшегося проблемами свайных построек.

Глава 2. И пришел Гитлер...

Собственно говоря, в середине 1920-х годов конфликт между «профессионалами» и «дилетантами» разворачивался не только касаясь Экстернштайна. Под прицелом академических кругов оказался Герман Вирт с переводом и трактовками «Хроники Ура-Линда», а также Герман Вилле, изложивший свой взгляд на немецкие мегалиты в работе «Германские храмы между Везером и Эмсом». Однако в рамках данной книги нас интересует прежде всего конфликт, развернувшийся вокруг Экстернштайна. Его начало уходит в 1926 год, то есть ко времени, когда «Немецкий союз» и «Объединение друзей германской праистории» взяли на вооружение идеи Вильгельма Тойдта. Именно в этот момент стало очевидно, что в окрестностях Экстернштайна было необходимо провести археологические раскопки. Противники Тойдта позже заявляли, что распространению его «дилетантских воззрений» способствовала болезнь тогдашнего директора липпского музея и главного смотрителя наземных памятников Отто Веерта, который на протяжении многих лет вместе с известным немецким археологом Карлом Шухгардтом занимался изучением Вестфалии. Дескать, после болезни Веерта в этих краях не нашлось ни одного археолога, который был бы в состоянии поставить крест на «бредовых идеях» Вильгельма Тойдта. Вряд ли можно сомневаться, что проблемы охраны исторических памятников в Вестфалии в то время переживали лучшие времена. Однако просачивание идей Тойдта в сферу исследований древнегерманской истории едва ли можно считать результатом болезни одного человека. Теория Тойдта очень быстро перестала быть региональным явлением. А благодаря прессе спор об Экстернштайне приобрел едва ли не общенациональный характер. Справедливости ради оговоримся, что средства массовой информации отнюдь не гнались за дешевыми сенсациями, а потому предоставляли слово обоим сторонам.

В 1927 году в специализированной исторической прессе Германии появилась заметка, которая на первый взгляд была посвящена очередному заседанию «Археологического союза Северо-запада Германии», который проходил в Хильдесхайме. Но сразу же обращало на себя внимание ее название: «Предостерегаем от утверждений директора „Кеплеровского союза“ в Детмольде господина Тойдта».

Собственно сама история началась годом раньше, когда летом 1926

года «Маннус», журнал, издававшийся Густавом Коссиной, опубликовал материал Вильгельма Тойдта, называвшийся «Разрушительная работа в Экстернштайне». Несмотря на то что Коссина дал историку-любителю шанс изложить свою теорию, академические круги встретили «дилетанта» в штыки. Наиболее враждебно повел себя Шухгардт. Однако к мнению «академиста» прислушались отнюдь не все. Статья Тойдта была почти сразу же перепечатана в «Народном листке», «Липпской земельной газете» и «Липпской ежедневной газете». Тойдт стал своего рода открытием для Липпе и Вестфалии. После этого о нем заговорили в общегерманской прессе, что, вне всякого сомнения, весьма способствовало распространению идей Вильгельма Тойдта.

О чем же собственно сообщал Тойдт? Он говорил о том, что после прочтения ряда монографий об этой группе скал, а также на основе собственных наблюдений сделал вывод о том, что практиковавшийся некогда в Экстернштайне соляренный культ был всего лишь крошечным осколком от махины жизни древних германцев, которые практиковали астрономические культы. Тойдт восторженно сообщал правительству: «Я открыл германский Стоунхендж!» Уже одно это утверждение наглядно показывает, что Тойдт был хорошо осведомлен о предполагаемом астрономическом использовании мегалитов Стоунхенджа, а потому переносил эту трактовку и на группу скал в Вестфалии. По его мнению, на вершине второй скалы, в так называемом «сакеллуме»^[6], находилось культовое место древних германцев, а именно «святилище Солнца, которое указывало на высочайшую культуру наших предков в мрачное доисторическое время». При этом Тойдт считал, что все следы разрушений, которые можно было обнаружить в Экстернштайне, приходились на время принятия христианства, и их можно было датировать эпохой Карла Франкского.

В качестве подтверждения данного тезиса Тойдт приводил свои соображения о том, что для подобных разрушительных работ требовались очень большие силы, множество рабочих и времени. При этом мысль о предполагаемом разрушении Карлом Великим германской святыни выдвигалась на первый план, так как этот франкский император изображался как губитель истинной германской культуры. Не исключено, что французы изображались Тойдтом как разрушители германских устоев и обычаев в силу личных воспоминаний — он никак не мог забыть, что покинул оккупированный Францией Рейнланд и перебравлся в Детмольд.

По большому счету вся теория Вильгельма Тойдта была не так уж нова. Он просто-напросто увязал воедино два высказанных много ранее

тезиса. Идею о дохристианской святыне, которая была разрушена Карлом Великим, можно было прочесть еще в 1564 году у Германа Хамельмана. Экстернштайн как возможное место астрономических наблюдений для определения наступления природных циклов описывался в 1823 году Отто фон Беннингсеном («светлое служение»). Утверждение о том, что священный столб — Ирминсул — в свою бытность стоял именно в Экстернштайне, еще не встречается в первой публикации Тойдта. Хотя подобная теория была впервые выдвинута еще в XVIII веке и активно обсуждалась столетие спустя в работе Августа Ширенберга «Экстернштайн во времена язычества в Вестфалии» (1879). Проблему нахождения Ирминсула в Экстернштайне Вильгельм Тойдт впервые затронул лишь в 1929 году в частных беседах.

Густав Коссина, который дал Тойдту возможность высказаться на страницах журнала «Маннус», в 1927 году опубликовал на страницах того же издания свою статью «Заселение окрестностей Тевтобургского леса около 1850 года до нашей эры». В ней он пытался показать «несостоятельность теорий Тойдта с точки зрения поселковой археологии». Сам Коссина полагал, что после этой статьи, равно как и публикаций астрономов Хопмана, Альтфельда, Шульца, Рима и Нойгебауэра (опять же на страницах «Маннуса»), идеи Тойдта были опровергнуты, и на них можно было поставить крест.

Скалы Экстернтайна со стороны пруда

По крайней мере Коссина в частной переписке сообщал, что эти «вещи будут выкорчеваны раз и навсегда». Но, несмотря на недоброжелательное отношение именитого историка, количество приверженцев идей Вильгельма Тойдта росло от года к году все больше и больше. Умозрительные построения «дилетанта» завладели публикой. Показательно, что сами активисты «Общества друзей германской праистории» оценивали себя как учеников Коссины, а самого берлинского профессора называли не иначе как «первопроходцем германской праистории».

На тот момент академические представители других наук, например астрономии, также полагали, что их возражений было вполне достаточно, чтобы «похоронить» Тойдта. «Академисты» были убеждены, что дискуссия закончена. Хопман даже заявил, что Тойдт не успокоится, но его идеи уже никого не впечатлят. Астроном очень глубоко заблуждался. Интерес общественности к теории Вильгельма Тойдта постоянно возрастал. Пресса непрерывно следила за разворачивавшимся в Вестфалии конфликтом, не полагая его исчерпанным. Многих из противников Тойдта ожидало

удивление сродни шоку. Так, например, к Карлу Шухгардту пришло несколько писем с газетными вырезками, в которых говорилось о Тойдте. Ученого наивно вопрошали, что он думает «об этой интересной теории». Масла в огонь подлил и находившийся в голландской эмиграции бывший кайзер Вильгельм II, который заявил газетчикам, что с нескрываемым интересом следит за «деятельностью исследователя из Детмольда». Проблема Экстернштайна явно вышла за пределы Германии. Об этом говорил хотя бы тот факт, что в 1933 году, во время поездки по Балканам, Вернера Буттлера не раз спрашивали об Экстернштайне и Вильгельме Тойдте. В итоге для противодействия Тойдту было решено подключить не только историков, но и ключевые фигуры «Естественно-научного и исторического союза Липпе»: Карла Веерта, Эмиля Альтфельда и архивариуса Ганса Кивнинга. Все они пытались «взывать к голосу разума», приводя некие логические доводы. Но все было безуспешно. После длительной болезни Карла Веерта археология в Липпе фактически была обезглавлена. Из-за наступившего экономического кризиса республиканское правительство Германии, дабы сэкономить деньги, решило вообще не назначать никого на пост смотрителя наземных памятников в Липпе. В это время архивариус Кивнинг начинает переговоры с археологами из Мюнстера и Ганновера. В переписке он не без возмущения сообщал, что «дилетантство в Липпе расцвело странными цветами на почве археологии», что «Липпе можно рассматривать как место пребывания безработных пожилых господ». Но все попытки, предпринятые «Естественно-научным и историческим союзом», ни к чему не привели.

Между тем Вильгельм Тойдт усиливал свои позиции. Невзирая на критику «академистов», он с подачи руководства «Немецкого союза» создает в 1928 году «Общество друзей германской праистории». Кроме этого, он завершает обобщение своих идей относительно Экстернштайна как культового места, излагая их в более-менее связанном виде на страницах книги «Германские святыни» (1929). Теперь Тойдта уже не устраивает простая просветительная деятельность, он стремится в политику. Впервые свою силу он попытался показать, когда решил назначить руководителя раскопок, которые должны были проводиться в Экстернштайне (с этим были согласны и сторонники, и противники Тойдта). Однако Тойдт обращается не к Карлу Шухгардту и не к Густаву Коссине (что было бы удивительным, принимая во внимание их научную позицию). Тойдт обращается к знатоку древностей швейцарцу Отто Хаузеру. Выбор был просто объясним — Хаузер разделял идеи Вильгельма Тойдта. Швейцарец появляется вместе с Тойдтом у Экстернштайна 11

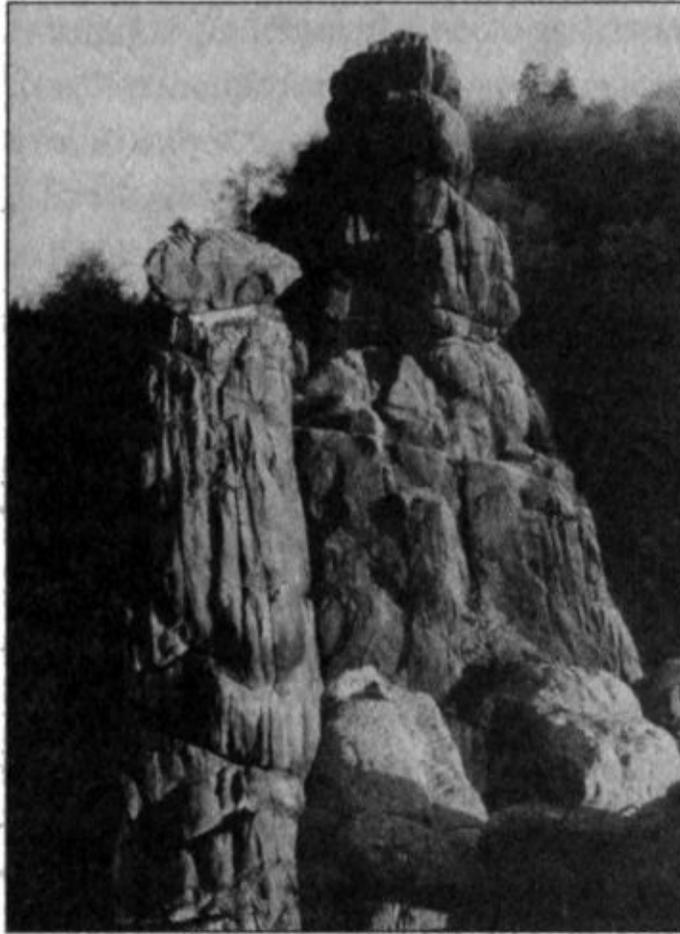
февраля 1927 года. После предварительного осмотра местности Хаузер заявляет, что скалы явно являются одним из крупнейших культовых центров древнего мира. После этого Тойдт предлагает правительству Липпе начать раскопки под руководством Хаузера.

В этот момент в ситуацию вмешивается архивариус Кивнинг, который убеждает чиновников не принимать это предложение. Инцидент получил широкую огласку. После этого многочисленные сторонники Тойдта стали выражать протест. Они были не только возмущены тем, что правительство скрывает «германские святыни», но и угрожали сорвать раскопки, которые бы велись под началом одного из «академистов» (дабы не произошло фальсификации). Только после этого социал-демократическое правительство Липпе поняло, что в отношении Тойдта и приверженцев его идей надо было принимать какие-то меры. Для начала было решено убедить вышестоящее начальство из Вестфалии поставить хоть кого-нибудь на пост смотрителя наземных памятников. Так в Детмольде появился Август Штирен. Сам Штирен, который сохранил за собой также пост руководителя отделения древней и ранней истории в музее Мюнстера, приветствовал данное решение, так как полагал, что «доисторическое прошлое Вестфалии и Липпе были немыслимы друг без друга». На время накал страстей спал. Кому-то могло даже показаться, что конфликт был разрешен.

Многочисленные послевоенные утверждения о том, что национал-социалисты сразу же увидели в Экстернштайне «германскую святыню», не только беспочвенны, но и во многом ложны. Это наглядно показывают события, которые происходили в Липпе и Вестфалии во время выборов в ландтаг в 1932–1933 годах. На тот момент между местными националистическими группами и НСДАП существовала сильная организационная связь. Многие из активистов «национального лагеря» в те годы уже числились в Национал-социалистической партии. Если посмотреть на реалии тех выборов, то можно заметить, что в предвыборной агитации НСДАП все-таки использовало образ Экстернштайна, но лишь отчасти. Сами выборы в ландтаг, которые проходили в конце 1932 — начале 1933 года, руководство Национал-социалистической партии рассматривало как «генеральную репетицию выборов в рейхстаг, которая будет прогоняться на самом низовом уровне». Главная проблема этих выборов заключалась в том, что почти все видные деятели НСДАП, которые должны были выступать в качестве ораторов и пропагандистов, не были знакомы с местными особенностями и реалиями. В итоге национал-социалистическая пропаганда решила использовать в качестве символа

этих выборов битву при Варусе. Как результат, в своих речах Ганс Франк (позже генерал-губернатор Польши) и Вильгельм Кубе (позже гауляйтер «Восточной марки») охотно поминали Германа из племени херусков^[7]. В данном случае как бы проводилась параллель между вождем германских племен, которые разгромили римлян, и НСДАП с «вождем Адольфом Гитлером», который должен помочь расправиться со всеми противниками Германии. Впрочем, Йозеф Геббельс и Альфред Розенберг почти никогда не обращались в своих выступлениях к сюжету битвы при Варусе.

Однако это не значит, что данный символ не использовался национал-социалистической пропагандой. На битву должен был намекать предвыборный плакат, на котором на фоне свастики был изображен памятник Герману (Арминию), установленный на краю Тевтобургского леса. Сам же Экстернштайн едва ли использовался в качестве пропагандистского символа. Эта группа скал мелькнула в национал-социалистической пропаганде только однажды. Речь идет о статье, которую в самый разгар предвыборной борьбы (4 января 1933 года) опубликовал «Липпский курьер». В ней, в частности, говорилось: «Экстернштайн, где было принесено множество жертв, приветствует нас. Каждый год многочисленные немцы, бывающие здесь, задаются вопросом: будет ли их сегодня приветствовать вождь грядущей Германии? Эти скалы стояли еще тогда, когда Герман из племени херусков освобождал страну от римского ига. Они будут стоять и тогда, когда исполнится заветная мечта Адольфа Гитлера, и Германия вновь станет свободной».

Вид на четвертую и пятую скалы из «высотной палаты»

Этот небольшой отрывок отчетливо показывает, что к 1933 году теории Вильгельма Тойдта все-таки проникли в среду национал-социалистов. Однако Экстернштайн здесь преподносился как «жертвенник», а отнюдь не как «германская святыня». То есть можно говорить о том, что построения Тойдта не были полностью восприняты национал-социалистической пропагандой. Одновременно с этим обращает на себя внимание то обстоятельство, что национал-социалисты непосредственно увязывали Экстернштайн с битвой при Варусе. Хотя слова статьи как бы намекали, что от исходов предвыборной борьбы, в которой принимал участие Гитлер, засела дальнейшая судьба комплекса скал, визит Гитлера к Экстернштайну никогда не планировался, да собственно и не осуществлялся. Самым важным выводом из данного сюжета является то, что национал-социалисты во время выборов 1932–1933 годов в ландтаг еще не были втянуты в конфликт вокруг «германской святыни». А это значит, что за три недели до прихода к власти они не

вынашивали никаких конкретных планов относительно будущего Экстернштайна. В свете данных выводов сам собой возникает вопрос: как могло получиться, что уже несколько месяцев спустя конфликт вокруг утесов стал разгораться на самом высшем уровне? Ответ на него может дать анализ событий, которые происходили с период между февралем 1933 года и апрелем 1934 года.

Памятник Герману — Арминию из племени херусков

В то время «академисты» и некоторые вестфальские историки проявляли повышенную обеспокоенность распространением идей Вильгельма Тойдта, многие из их коллег вступали в НСДАП. У ученых, которые присоединялись к национал-социалистической партии, могли быть самые разные мотивы. Но можно предположить, что большинство из них были недовольны Версальской системой. В качестве примера можно привести отрывок из воспоминаний Александра Лангсдорфа, специалиста по Древнему миру и этрусской культуре. Лангсдорф, который в мае 1919 года, после двухгодичного пребывания во французском плену, вернулся в Кобленц, писал: «Я смотрел на немецкую землю, на величественный Рейн

и поклялся себе, что осознанно останусь немцем, что буду иметь в себе силу, дабы никогда не забыть наш позор». Это высказывание облегчает понять причины того, почему талантливый ученый несколько лет спустя принял участие в «пивном путче» и маршировал по Мюнхену в колонне восставших национал-социалистов, а в 1932 году вступил в СС, став референтом Гимmlера по вопросам истории.

Другим примером может быть Вернер Буттлер, который в студенческие годы входил в молодежные националистические организации. На него произвела огромное впечатление речь Гитлера, которого он впервые услышал в 1927 году. Некоторое время спустя он вступил в НСДАП, а в 1930 году оказался в рядах штурмовых отрядов — СА. Подобные отзывы о воздействии речей Гитлера на академическую среду не были редкостью. Даже «идол» германской исторической науки Густав Коссина во второй половине 1920-х годов вступил в руководимый Розенбергом «Союз борьбы за немецкую культуру». Известный ученый до самой своей смерти чувствовал связь с НСДАП. Показательно, что буквально за несколько дней до своей кончины он подписал призыв «Союза борьбы» создавать «новую культурную жизнь». Тогда многие из ученых и исследователей слышали этот призыв.

Историю сближения Ганса Рейнерта и национал-социалистов надо рассматривать отдельно. Еще в 20-е годы он характеризовался своими знакомыми как человек, «совершенно не интересующийся политикой». Вопреки послевоенным заявлениям, Рейнерт никогда не был активистом молодежных националистических организаций и студенческих корпораций, его интересовала только наука. Он не проявлял интереса к политике даже тогда, когда его коллеги по университету в Тюбингене стали примыкать к национал-социалистам. По большому счету первые контакты с НСДАП у Рейнерта произошли по линии его профессиональной деятельности, а отнюдь не на почве политических симпатий.

В январе 1928 года Альфред Розенберг лично попросил молодого ученого неофициально принять участие в работе «Союза борьбы». Судя по всему, Рейнерт не сразу принял это предложение. По крайней мере, не сохранилось никаких указаний, что исследователь до осени 1931 года принимал сколь-либо активное участие в делах «Союза борьбы». К тому же в конце 1931 года его присоединение к национал-социалистам было во многом продиктовано очередной личной неудачей и конфликтом с директором Римско-греческой комиссии Герхардтом Берсу.

Ганс Рейнерт вступил в НСДАП в декабре 1931 года. Он принадлежал к числу «прогрессивных молодых специалистов», которые

ориентировались прежде всего не на идеологию национал-социализма, а на возможность стремительной карьеры, которую давала гитлеровская партия в случае прихода к власти. Действуя в рамках «Союза борьбы за немецкую культуру», Рейнерт в 1932 году составил план, который предусматривал создание научно-исследовательского института по вопросам древней истории. Показательно, что данная структура должна была, по мысли Рейнерта, возникнуть по образцу институтов, входивших в состав общества кайзера Вильгельма, то есть с поддержкой со стороны государства, со множеством кафедр и обильным финансированием исследовательских проектов. В планы Рейнерта входило изучение всех исторических и культурных памятников, начиная от палеолита и заканчивая ранним Средневековьем. Уже в этом плане было отражено, что ученые и исследователи должны были противодействовать попыткам чуждых расовых элементов оказывать влияние на изучение древней истории Германии.

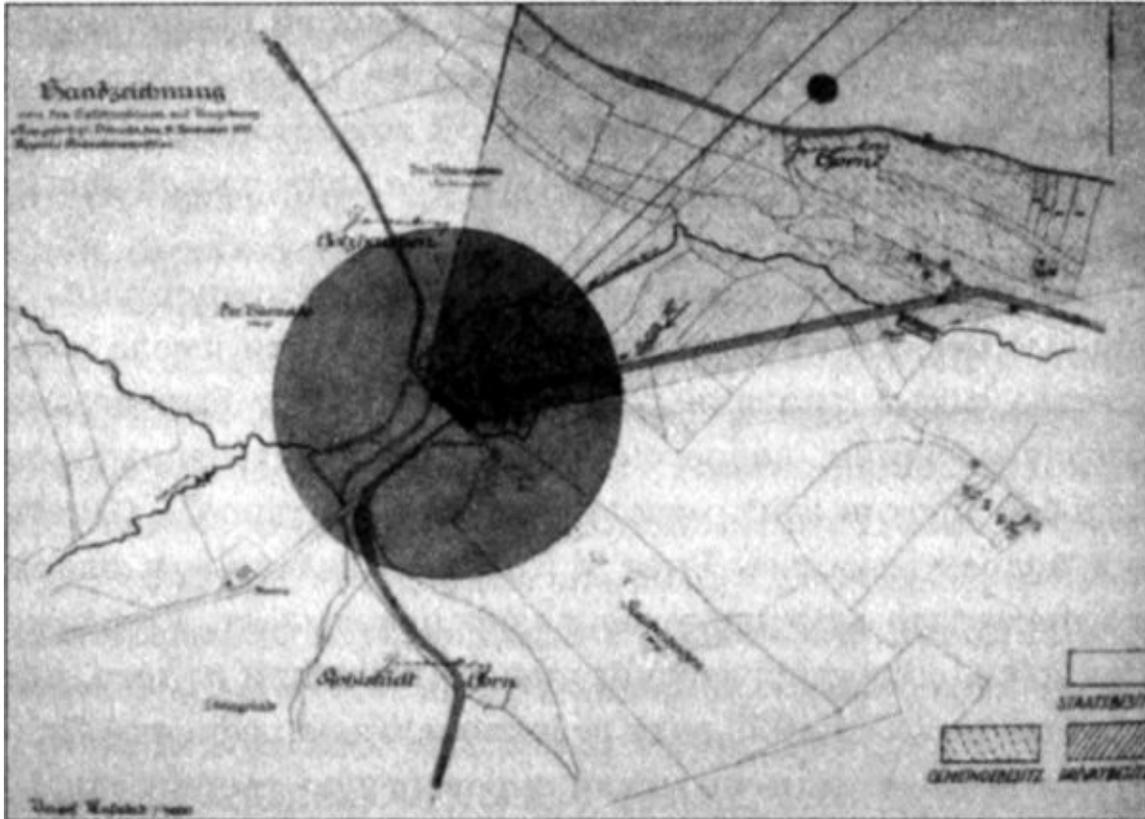
Как видим, уже в 1932 году Рейнерт стал осваивать расистскую терминологию национал-социализма. Розенберг посчитал, что данный план был слишком перспективен, чтобы его осуществлять в рамках партийной структуры. После этого Рейнерт начал агитацию среди своих коллег-историков, призывая их вступать в «Союз борьбы за немецкую культуру». Примечательно, что в данной агитации он постоянно делал акцент на внепартийность «Союза борьбы». Действительно, «Союз» формально не являлся структурой НСДАП — это должно было привлечь в его ряды деятелей культуры, по каким-либо причинам не желавших вступать в партию. Однако фактически «Союз борьбы» был «дочерней структурой» национал-социалистической партии, на что указывает хотя бы тот факт, что им руководил главный идеолог НСДАП Альфред Розенберг. Так появилась на свет «Имперская секция праистории». Руководивший ею Ганс Рейнерт делал все возможное, чтобы предотвратить сближение НСДАП и «дилетантов», под которыми он в первую очередь подразумевал Германа Вирта и Вильгельма Тойдта.

Назначение 30 января 1933 года Гитлера рейхсканцлером Германии привело к очередному витку противоречий между различными группировками исследователей, занимавшихся проблемами древней истории. В первую очередь обозначился «фронт борьбы» между «академистами» и «дилетантами». Каждая из этих группировок, представленная соответственно «Имперской секцией праистории» «Союза борьбы за немецкую культуру» (Ганс Рейнерт) и «Объединением друзей германской праистории» (Вильгельм Тойдт), намеревалась заручиться

поддержкой новых властителей.

Несмотря на то что «Имперская секция праистории» в первые месяцы пребывания Гитлера у власти имела множество самых различных проблем, Рейнерт был весьма озадачен одним вопросом: «Кто же будет заниматься борьбой против этих мечтателей и шарлатанов?» (Опять же подразумевались Вирт и Тойдт.) Сделанное в одном из писем это замечание наглядно показывает, что даже национал-социалистические ученые исходили из того, что предпринятые в 1932 году незначительные раскопки Экстернштайна отнюдь не могли опровергнуть теории «дилетантов». Собственно, и сам Вильгельм Тойдт не собирался бездействовать. Как отмечалось в исследовательской литературе, «он принял национал-социализм с распростертыми объятиями». И это не было преувеличением. Тойдт почувствовал удачный момент, когда надо было настаивать на политизации Экстернштайна.

«Объединение друзей германской праистории» пыталось использовать приход Гитлера к власти и общее изменение политической ситуации в Германии для собственных интересов (в этом они не были оригинальными — подобные действия предпринимали многие союзы и группировки). Как следует из источников, уже в феврале 1933 года представители «Объединения друзей» пытались проложить путь в Прусское министерство по делам образования и религии (позднее Бернхардт Руст стал Имперским министром воспитания) либо непосредственно в канцелярию Гитлера. Для этого предполагалось задействовать самые различные средства. Члены правления «Объединения друзей» даже выработали специальную тактику. Об этом свидетельствует переписка, которую вел Вильгельм Тойдт.

План Вильгельма Тойдта по сооружению близ Экстернштайна «священной рощи»

В марте 1933 года он писал «брату Зуфферту»: «Ваше предложение заложить наши идеи в сознание нынешних властителей должна осуществиться при первой же возможности. При этом мы должны избегать назойливости. То, что касается липпских дел, то тут мы можем быть спокойны. Еще в воскресенье у меня был бр(ат) Шпельге и мы с ним всё обсудили».

Уже из этого письма видно, что истинным инициатором выхода на верхушку Национал-социалистической партии был отнюдь не Вильгельм Тойдт, а Оскар Зуфферт. Что же подразумевалось под «липпскими делами»? Дело в том, что за несколько дней до того, Тойдт обратился с предложением к местным властям. Он попросил обеспечить ему долгосрочное финансирование для того, чтобы в окрестностях Экстернштайна создать «священную рощу». Можно предположить, что речь шла о восстановлении «священной рощи», которая вместе с Ирминсулом была некогда уничтожена Карлом Великим.

После того как Тойдт обратился со своим предложением к местным властям и местным партийным функционерам, в дело вступили другие

члены «Немецкого союза». Они попытались обратить внимание на данную инициативу уже ключевых фигур НСДАП, то есть вышли на имперский уровень. Тойдт и Зуфферт уполномочили их разослать имперским министрам и гауляйтерам экземпляр книги «Германские святыни», к которой надо было приложить сопроводительное письмо и один из выпусков журнала «Германия». При этом в своем письме Оскар Зуфферт отмечал: «Крайне необходимо, чтобы министр по делам образования и религии Руст, а также министр пропаганды Геббельс имели их на руках в срок до 20 апреля». Очевидно, расчет был сделан на то, что в день рождения Гитлеру кто-нибудь из верхушки рейха мог сообщить об идеях Вильгельма Тойдта. При этом подчеркивалось, что данное поручение было «сугубо конфиденциальным». Относительно текста сопроводительных писем Зуфферт подчеркивал, что в случае с Рустом акцент надо было делать на преподавании немецкой истории в школе, а в случае с Геббельсом — на значимости древней истории для народного просвещения. При этом надо было подчеркнуть совпадение интересов «Объединения друзей» и НСДАП.

Кроме этого, ключевым фигурам рейха было разослано приглашение на ежегодное собрание «Объединения друзей», которое, в отличие от прочих годов, должно было проводиться не в Детмольде, а в Бад-Пирмонте. Чтобы достичь самых высших инстанций, Тойдт направился в Берлин, чтобы лично побеседовать с Генрихом Гласмайером, который был не только одним из главных сотрудников «Союза борьбы», но и сопровождал Гитлера во время его визита в Вестфалию (выборы в ландтаг 1932/33 года). Интересным покажется в этой связи один момент. Именно Гласмайер порекомендовал Гиммлеру использовать замок Вевельсбург в качестве «мировоззренческого центра СС». Позже именно тот же самый Гласмайер порекомендует рейхсфюреру СС в качестве специалиста по реконструкции замков Германа Бартеляса, который на протяжении многих лет будет отвечать за реставрацию и перестройку замка.

Попытки Зуфферта и Тойдта не были совсем тщетными. В мае 1933 года стало известно, что министр Бернхардт Руст с интересом ознакомился с книгой «Германские святыни» и на словах выразил готовность поддержать деятельность «Объединения друзей германской праистории». Однако при этом он заметил в ответном письме, что ни он сам, ни кто-либо из персонала в силу предельной занятости не смогут присутствовать на ежегодном собрании «Объединения друзей».

Как видим, для Вильгельма Тойдта было очень важным обратить внимание новых властей на деятельность «Объединения друзей». Кроме

этого, Тойдт явно спешил. Можно предположить, что, хотел опередить в самопрезентации «Общество германской праистории и древней истории», которое возглавлялось Германом Виртом («Общество Германа Вирта»). Дело в том, что один из ближайших сподвижников Вирта, Иоганн фон Леере, занимался приблизительно такой же «рекламной» деятельностью. К слову сказать, данные опасения были отнюдь не беспочвенными, так как именно фон Леере познакомил Генриха Гиммлера и Германа Вирта, после чего было решено создать исследовательское общество «Наследие предков» (более подробно об этом позже). Кроме всего прочего, Тойдт полагал, что Иоганн фон Леере был представителем направления в среде фелькише-группировок, которое не совсем совпадало с деятельностью «Объединения друзей», более того, могло даже дискредитировать саму тему изучения древней истории в стиле фелькише. Дело в том, что Леере в издаваемом им журнале «Нордический мир» публиковал множество агиток на потребу дня. Страницы журнала пестрили грубыми антисемитскими лозунгами. В итоге «Объединение друзей» хотело во что бы то ни стало опередить своих конкурентов.

Чтобы закрепить свои позиции, Тойдт и его окружение начали форменную акцию протеста против намерения властей Детмольда провозгласить памятник Герману «местом паломничества для немецкой нации». Но в данном случае надо было действовать очень осторожно. Памятник уже появлялся в партийной пропаганде, а потому надо было всего лишь «объяснить», что пропагандистский символ не мог быть «национальной святыней». Естественно, Тойдт опасался, что памятник лишит Экстернштайн статуса «германской святыни».

Таким образом «Объединение друзей» попало в поле зрения национал-социалистических властей не само по себе, а лишь после активной презентационной деятельности. В этой связи возникла новая линия конфликта. «Объединение друзей» не только окончательно ополчилось против себя «академистов», но выступило в качестве агрессивного конкурента «Общества Германа Вирта», Пангерманского союза и даже властей Детмольда. Однако подобная агрессивность принесла ожидаемые плоды. Национал-социалисты стали прислушиваться к «Объединению друзей» и Вильгельму Тойдту. До сих пор не найдено никаких убедительных доказательств, что именно связь с новыми властями стала причиной репрессий в отношении наиболее рьяных противников Тойдта. Хотя подобный вывод напрашивается сам собой. Судя по всему, это было итогом деятельности депутата ландтага, национал-социалиста и сторонника Тойдта Шпельге (именно он упоминался в переписке между

«братьями» Тойдтом и Зуффертом).

Каковы же были первые последствия сотрудничества сторонников Тойдта с новыми властями? Со своих постов были уволены Кивнинг (директор земельного архива) и Майер (директор земельного музея в Детмольде). Был смещен с поста директора гимназии Альтфельд. Аналогичные меры в отношении тех, кто критиковал Тойдта, предпринимались и в Мюнстере. Назначенный в 1929 году смотрителем наземных памятников Август Штирен в один из дней получил письмо следующего содержания: «Мы намереваемся назначить Вас экспертом по раскопкам и охраной культурно-исторических памятников, а потому просим Вас рассматривать Вашу деятельность в Липпе в качестве законченной». То есть Штирена в мягкой форме тоже «изгоняли» из окрестностей Экстернштайна, который он безуспешно пытался раскапывать в 1932 году. Обоснование, приведенное в письме, указывает на то, что охрана исторических памятников в Липпе (читай Экстернштайн) должна была быть передана какому-то другому лицу. Из источников следовало, что на эту должность в «Союзе борьбы за немецкую культуру» даже рассматривали Вильгельма Тойдта. Однако данная должность долгое время оставалась вакантной. Впрочем, в случае с «мягкой отставкой» Августа Штирена нельзя исключать возможности, что она была следствием конфликта этого ученого с Юлиусом Андрее. Но в любом случае она была на руку Тойдту, который не один год вел войну против «академистов» и Штирена в том числе.

«Объединение друзей» выбрало, наверное, самый короткий путь для того, чтобы добиться успеха. Оно быстро снискало негласное почтение у национал-социалистов. В итоге Тойдту и его сторонникам как бы давалась возможность реализовать их идеи на практике. При этом само руководство гау Север-Вестфалия и уж тем более имперские чины не вмешивались в конфликт между различными группами.

Август Штирен

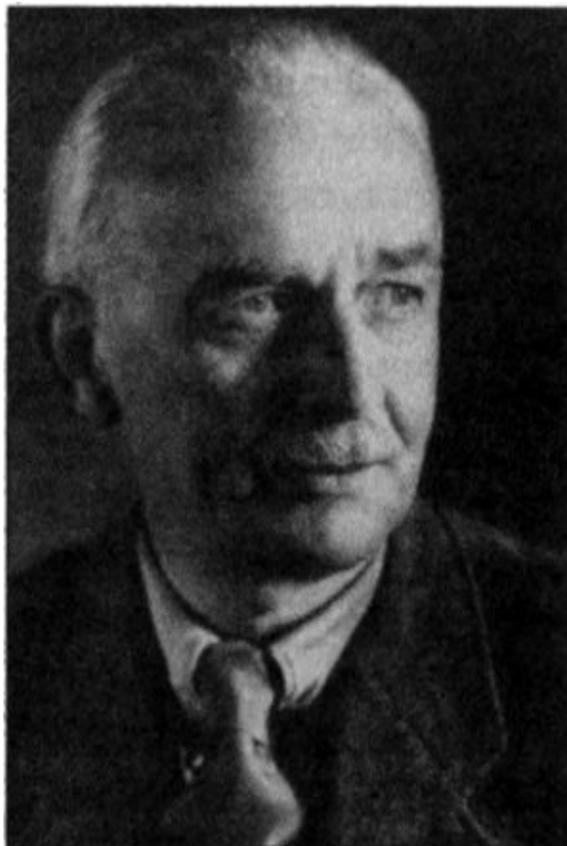
Хотя уже подобная позиция указывает на то, что теории Вильгельма Тойдта во многом были согласованы с новыми властями.

Одним из важнейших итогов первых месяцев 1933 года стало то, что Экстернштайном заинтересовались различные имперские структуры. Но в данном случае Тойдт рисковал стать заложником новой линии конфликта, который разворачивался на фоне «борьбы компетенций», которую вели между собой бонзы Третьего рейха. В данном случае ему предстояло сделать правильную ставку и выбрать «нужного» покровителя. Среди них были: Генрих Гиммлер и Альфред Розенберг. Принимая во внимание тот факт, что при дележе данного куска пирога ему явно ничего не доставалось, Йозеф Геббельс поначалу вообще намеревался запретить журнал «Германия», как издание неподконтрольное ему. Впрочем, до этого не дошло.

Важной вехой в продвижении идей Тойдта стали события 2 июня 1933 года. Тогда в Бремене в торжественной обстановке состоялся так называемый первый «Нордический тинг»^[8]. Одним из его организаторов был сенатор Розелуис, который до этого неоднократно оказывал помощь Герману Вирту. На мероприятие среди прочих был приглашен Оскар

Зуфферт. Именно в Бремене он лично познакомился с Юлиусом Андрее. Последний делал на «тингге» доклад «Заселение Северо-Западной Германии в поворотный момент ледниковой эры». К этому моменту Андрее уже не являлся яростным противником Тойдта, так как полагал, что надо было применять осторожную тактику искоренения «цветастых фантазий». По этой причине он считал необходимым установить связи и наладить сотрудничество с «Объединением друзей».

Еще в мае 1933 года Андрее проинформировал Ганса Рейнерта о своих намерениях, но тот не проявил никакого интереса к полученным сведениям. И вот на «Нордическом тинге» ему выпала возможность лично пообщаться с Оскаром Зуффертом, правой рукой Вильгельма Тойдта. Состоялась непринужденная беседа, из которой каждая из сторон попыталась извлечь максимум выгоды. В итоге Зуфферт, не консультируясь со своим шефом, пригласил Юлиуса Андрее на ежегодное собрание «Объединения друзей», которое должно было проходить в Бад-Пирмонте. Сам же Андрее был очень доволен тем, что ему без особых усилий удалось наладить общение с одной из крупнейших группировок «дилетантов». В качестве ответной услуги Андрее передал Зуфферту информацию, которая могла быть интересна для всех членов «Объединения друзей»: под руководством Ганса Рейнерта планировалось сформировать группу историков, преимущественно из числа национал-социалистов.

Оскар Зуфферт

Членам «Объединения» предлагалось войти в эту группу. При этом Андрее подчеркивал, что после формирования группы Рейнерта все организации, занимающиеся в Германии проблемами древней истории, будут запрещены.

Это сообщение вызвало у сторонников Тойдта разную реакцию. Так, например, Йозеф Пласман видел всё отнюдь не в мрачном свете. Он полагал, что это был вполне предсказуемый и ожидаемый шаг. Но в любом случае он полагал, что надо было отстаивать интересы «Объединения друзей». Пласман предлагал прибегнуть к традиционной тактике, а именно направить полугодовую подшивку журналов «Германия» гауляйтеру Франконии Юлиусу Штрейхеру, который являлся не только издателем «Штюрмера», но и одной из весомых фигур в НСДАП. Вильгельм Тойдт предпочел направиться к липпскому государственному министру Гансу-Иоахиму Рике, которому в личной беседе сообщил, что «Объединение друзей» готово к активному сотрудничеству с властями и выполнению различных заданий. После этого Тойдт пригласил Рике к «святым местам», что должно было еще усилить впечатление от

состоявшейся беседы.

Несколько иначе себя повел Оскар Зуфферт. Он полагал, что «борьба за Экстернштайн должна была вестись не в Липпе, а на уровне рейха». По этой причине он решил сосредоточить свое внимание на Юлиусе Андрее. Он точно знал, что Андрее принадлежит к группе национал-социалистических историков, которые задумали осуществить меры, направленные против «Объединения друзей». По этой причине на протяжении нескольких недель после прохождения «Нордического тинга» Зуфферт поддерживал постоянный контакт с Андрее, исподволь агитируя его. Было решено вовлечь его в состав «Объединения друзей». Для подобного решения существовало несколько причин. Во-первых, он был одним из немногих активистов «Имперской секции праистории», кто достаточно сдержанно, но не негативно относился к Вильгельму Тойдту. Во-вторых, Андрее был специалистом в своей области. В-третьих, он был членом НСДАП.

Когда Андрее получил приглашение посетить ежегодное собрание «Объединения друзей», он в мягкой форме отказался, направив на него свою супругу. После мероприятия его жена вернулась полная восторгов. Судя по всему, она попала под харизматическое обаяние Вильгельма Тойдта. При этом Андрее не намеревался афишировать свои отношения с «Объединением друзей», в июне они еще держались в тайне. Но этот секрет нельзя было хранить очень долго. В одной из статей, посвященных ежегодному собранию, промелькнула фраза о том, что заседание закрывалось выступлением руководителя «секции немецкой праистории» при «Союзе борьбы за немецкую культуру». Судя по всему, автор заметки перепутал структуры, подразумевая все-таки «Объединение друзей». Разразился скандал. В любом случае к тому моменту Юлиус Андрее уже отказался поддерживать официальную линию «Союза борьбы». Именно с этого момента можно было говорить о том, что интересы Юлиуса Андрее и «Объединения друзей» во многом совпадали. Зуфферт был чуток к различного рода «намекам» и «сигналам», а потому в одном из писем, адресованных Андрее, он сообщал, что деятельность «Имперской секции праистории» могла легко кооперироваться с работой «Объединения друзей». В качестве некой приманки Андрее намекали, что он мог бы «как специалист» начать раскопки в Экстернштайне, где могли быть найдены следы стоянок эпохи палеолита и мезолита. Лучшей приманки для археолога нельзя было и придумать.

В самой «Имперской секции праистории» данные известия восприняли весьма возмущенно. Курт Такенберг призвал Рейнерта

устроить Юлиусу Андрее «взбучку», чтобы «впредь подобного более не повторялось». Но возможность сотрудничества с «Объединением друзей» повергла в форменную панику «академистов» из Ганновера. Курт Такенберг, Якоб-Фризен, Шроллер и другие, еще некоторое время назад полагавшие, что медленно, но уверенно отвоевывают позиции у Тойдта, оказались поставлены перед неутешительным фактом — это было не так. Еще больше их добили сведения, пришедшие из Берлина. Оказывается, стараниями приверженцев Тойдта, которые протоптали себе дорожку в министерство образования, рассматривался вариант о предоставлении «престарелому дилетанту» профессорской кафедры в Лейпцигском университете. Сам Андрее не мог не видеть, что ведет достаточно опасную двойную игру. Впрочем, он не мог не видеть, что «Имперская секция праистории» трещала по всем швам. С одной стороны были ганноверцы, которые после многолетней борьбы наотрез отказывались сотрудничать с Тойдтом.

Юлиус Андрее

На другой стороне находилась группа Штампфусса, из которой раздавались голоса, что надо было налаживать продуктивное сотрудничество со всеми, даже «дилетантами».

К лету 1933 года Тойдт и его сторонники смогли достигнуть немалых

успехов, что было оценено Юлиусом Андрее. Впрочем, это была тактическая, а отнюдь не стратегическая победа. Осенью 1933 года Вильгельм Тойдт вновь встретился с министром Рике. Перед этим издательство «Дидерихс» направило Рике экземпляр «Германских святынь». Во время встречи Тойдт завел разговор о назревшей необходимости превращения Экстернштайна в «национальную святыню». Поскольку для этого требовались определенные земляные работы, то было бы логично, отмечал Тойдт, сначала провести археологические раскопки у скал. Когда возник вопрос, кто мог бы стать руководителем раскопок, Тойдт, не раздумывая, назвал Юлиуса Андрее. Эта фигура устраивала всех, тем более что некоторое время назад Герман Бартельс (он еще не стал архитектором Гимmlера и куратором Вевельсбурга) сделал запрос относительно Андрее, который был предпочтителен для выполнения данного задания.

После этого Тойдт сделал еще один выгодный с тактической точки зрения шаг. На осмотр Экстернштайна и обсуждение последующего (после окончания раскопок) благоустройства он пригласил не только министра Рике, но и архитектора Шульце-Наумбурга. Присутствие этого немолодого зодчего не только должно было гарантировать подобающее «фелькише» оформление «германской святыни», но и являлось залогом повышенного интереса к Экстернштайну со стороны высокопоставленных чинов рейха. Шульце-Наумбург еще с 1920-х годов был известен своими симпатиями к национал-социалистам. Кроме этого (что в данной ситуации, наверное, было самым главным), он считался любимым архитектором Гитлера. В разговорах с фюрером Шульце-Наумбург вел себя как равный, что не позволялось никому в Германии.

После того как между «Объединением друзей» и правительством Липпе были улажены все вопросы, стало ясно, что значительные работы по преобразованию Экстернштайна требовали существенных финансовых затрат. Для того чтобы решить проблему финансирования, а также снять некоторые юридические вопросы, 1 апреля 1934 года был учрежден Фонд «Экстернштайн». С формальной точки зрения интересы всех партийных функционеров, представителей местных властей и организаций были учтены в уставе Фонда. Гауляйтер Майер являлся Почетным председателем Фонда. Интересы липпского правительства представлял советник Опперман, являвшийся председателем правления. В состав правления были также введены бургомистр Хёрн и Вильгельм Тойдт. Показательно, что при учреждении Фонда «Экстернштайн» никак не были учтены интересы Альфреда Розенберга и Ганса Рейнерта. Вдвойне показательным является

тот факт, что в состав правления Фонда был приглашен рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Сейчас очень сложно сказать, когда глава СС проявил интерес к Экстернштайну. Не исключено, что именно тогда, когда занимался поисками подходящего замка на территории Вестфалии. Нередко высказывается мысль о том, что Гиммлер оказался в правлении Фонда уже в качестве «высочайшего покровителя» Тойдта. Хотя в настоящее время не найдено никаких источников, что Тойдт или один из его сторонников обращались к Гиммлеру, чтобы пожаловаться на «академистов». В данном случае напрашивается вопрос: если Гиммлер не был покровителем Тойдта, то в качестве кого он был представлен в правлении Фонда, чьи интересы выражал? В архивах сохранился машинописный вариант устава Фонда «Экстернштайн», который был датирован 31 марта 1934 года. На этом варианте устава рукой министра Рике внесена поправка в дату, а также сделана подпись о введении в список учредителей рейхсфюрера СС Гиммлера.

Можно предположить, что местные партийные чиновники захотели пригласить Гиммлера в состав правления в качестве «свадебного генерала», то есть как фигуру общеимперского уровня, что должно было придать значимости Фонду. Однако в апреле 1934 года Гиммлер не был столь значимой личностью, какой стал позже, — тогда он воспринимался всего лишь как глава одного из вспомогательных подразделений НСДАП, по сути, начальник личной охраны Гитлера. Да, конечно, он имел непосредственный доступ к фюреру. Но в данном случае ситуация была несколько иной.

Сохранившиеся документы позволяют воссоздать события тех дней. Весной 1934 года Гиммлер прибыл в Детмольд.

Генрих Гиммлер во время посещения Экстернштайна в апреле 1934 года

Программа визита предполагала посещение Экстернштайна. По большому счету это было пожеланием Тойдта. Во время осмотра утесов и сооружений, расположенных поблизости, рейхсфюрер СС проявил повышенный интерес к Экстернштайну. Именно тогда он выразил заинтересованность в осуществлении задуманного проекта по превращению скал в «германскую святыню». Только после этого Гиммлер был введен в состав правления Фонда «Экстернштайн». Уже из этого сюжета следует, что ни липпские чиновники, ни руководство «Объединения друзей» не планировали такого поворота событий. Впрочем, в самом «Объединении друзей» моментально прореагировали на появление Гиммлера в правлении Фонда. Тут же в Личный штаб рейхсфюрера СС было выслано несколько номеров журнала «Германия», которые приятно удивили главу «охранных отрядов». Гиммлер отнюдь не был инициатором создания Фонда, а внезапность принятого решения позволила ему ускользнуть от «зоркого ока ревнивого Розенберга». Как видим, все было продиктовано личной волей главы СС. Однако получить контроль над раскопками ему оказалось не столь просто, как очутиться в составе правления Фонда. В данном случае предположение о том, что Гиммлер

вошел в состав правления, чтобы помешать унификации «Объединения друзей» и Фонда, которые планировалось влить в состав организации Рейнерта, не совсем верно. На самом деле Рейнерт предпринял такую попытку лишь несколько недель спустя. Если Гиммлер не был прорицателем, то он едва ли стал бы предпринимать столь хитрые меры предосторожности, которые могли помочь в борьбе с презируемым им Розенбергом. Однако нельзя отрицать тот факт, что, будучи членом правления Фонда, Гиммлер мог оказывать непосредственное влияние на его дела, в том числе, оказывать некую защиту от посягательств других партийных функционеров имперского уровня.

В любом случае создание Фонда «Экстернштайн» было инициативой отнюдь не Генриха Гиммлера, как утверждается в некоторых случаях, а задумкой самого Вильгельма Тойдта. Собственно, Гиммлер оказался у Экстернштайна только благодаря пожеланию Тойдта. Появление рейхсфюрера СС в Фонде существенно отличается от событий, которые произойдут полтора года спустя, когда именно по инициативе Гиммлера будет создано исследовательское общество «Аненэробэ» (поначалу оно назвалось «Немецкое наследие предков»). Кроме этого, не стоило забывать, что на момент появления в Фонде Гиммлер не был столь могуществен, как это принято обычно считать. Только лишь неделей позже он получит от Геринга полномочия в качестве главы гестапо, что несколько укрепит его власть. Но еще больше усилению влияния Гиммлера содействовало участие СС в «ночи длинных ножей», которая произойдет через несколько месяцев после дня учреждения Фонда «Экстернштайн». Только после этого его станут воспринимать в правлении Фонда как нового национал-социалистического «властелина».

В заключение этого сюжета несколько слов о Рейнерте. После того как «Имперская секция праистории» фактически развалилась под воздействием центробежных сил многочисленных внутренних конфликтов, Розенберг принял решение создать в составе «Союза борьбы за немецкую культуру» новую организацию. Она получила название «Имперского союза древней истории», который опять же возглавлял Ганс Рейнерт. Уже в новом качестве он фактически поставил ультиматум перед руководством «Объединения друзей». Рейнерт требовал, чтобы «Объединение» незамедлительно влилось в состав «Имперского союза». Тойдт предпочел проигнорировать это требование — его интуиция подсказывала, что ставку надо было делать на Гиммлера.

Глава 3. СС и «Аненэрбэ»

С конца 1934 года доверенным лицом Гимmlера в вопросах древней истории являлся упоминавшийся нами ранее Александр Лангсдорф. Весной 1935 года он принялся налаживать активное сотрудничество с другими национал-социалистическими учеными, начав с референта по вопросам культуры провинции Рейнланд Ганса-Иоахима Апффельштедта. На тот момент многие из историков выражали озабоченность усилением позиций Ганса Рейнерта уже в качестве руководителя «Имперского союза древней истории». В ответ на это набиравший политический вес Гимmlер заявлял в переписке, что им «не стоит волноваться относительно Р(ейнерта)».

После раскопок 1934 года

Подобная негласная поддержка привела к тому, что многие из рейнских историков стали ориентироваться на СС, полагая их достаточной защитой от амбициозных планов Розенберга и Рейнерта.

Тем временем в Детмольде произошла конференция, на которой часть ученых фактически перешла на позиции «дилетантов». После этого в Берлине состоялась новая встреча Апффельштедта и Лангсдорфа. На ней обсуждался вопрос возможности создания Имперского института, который бы занимался исключительно вопросами древней и ранней истории. В беседе Лангсдорф еще раз озвучил мысль о том, что Гиммлер планировал поставить во главе института иную личность, нежели профессор Рейнерт. В последующих разговорах с историками Апффельштедт заверял своих коллег: «Мы договорились, что при ближайшей возможности детально обсудим с рейхсфюрером СС все вопросы, касающиеся древней истории, что должно привести к единству мнений и воззрений». Несколько недель спустя Апффельштедт в одном письме вновь сообщал, что «рейхсфюрер СС имеет большие сомнения относительно личности Рейнерта». Как видим, Гиммлер очень решительно вошел в сферу исторической науки, будучи настроенным непременно вытеснить из нее Розенберга и его

«паладинов». Если не брать в расчет факт его случайного попадания в правление Фонда «Экстернштайн», то в начале 1935 года рейхсфюрера СС в первую очередь интересовал проект по созданию Имперского института. Гиммлер планировал поставить во главе его своего представителя — Александра Лангсдорфа. Но для этого надо было ослабить позиции Ганса Рейнерта.

Одновременно с этим в мае 1935 года произошло событие, которое на первый взгляд было ничем не примечательным. Под руководством историка Вернера Буттлера начались раскопки городища Бенсберг (I–IV века). Эти раскопки были примечательны тем, что в них впервые приняли участие эсэсовцы, то есть их можно считать первым реализованным археологическим проектом рейхсфюрера СС. Почти сразу же после этого, в июне 1935 года, Гиммлер пригласил Александра Лангсдорфа в Личный штаб в качестве руководителя отдела археологических раскопок. Видя растущий интерес к древней истории и опасаясь догматика Розенберга, буквально за месяц до учреждения общества «Наследие предков» историки Западной и Южной Германии выразили готовность сотрудничать с СС.

Тем временем Ганс Рейнерт пытался подчинить себе объединения историков, занимавшихся проблемами древней истории, что должно было сделать его «Имперский союз» главной организацией с этой области. Впрочем, это получалось у него плохо, в том числе по причине того, что многим историкам был подан пример конференции, проходившей в Детмольде. В большинстве случаев на предложение влиться в состав «Имперского союза» Рейнерт получал вежливый отказ.

Некоторые из современных историков склонны считать, что подобные отказы были инициированы Александром Лангсдорфом, который уже занимал в Личном штабе рейхсфюрера СС должность начальника отдела археологических раскопок. Сейчас очень сложно установить, было ли это в действительности. По большому счету решение о «нецелесообразности унификации» могло быть принято хотя бы в силу опасений относительно растущих с каждым днем амбиций Ганса Рейнерта. В любом случае это создавало необходимые условия для того, чтобы Гиммлер задумался о создании собственной исторической организации. В итоге 1 июля 1935 года Генрих Гиммлер, Герман Вирт и Рихард Вальтер Дарре учредили исследовательское общество древней истории «Немецкое наследие предков», более известное как «Аненэробэ».

Последствия создания «Аненэробэ» не заставили себя ждать: уже 10 июля 1935 года Гиммлер отдал приказ, чтобы на территории каждого абшнита СС было раскопано одно культовое место или сооружение, что

должно было, по мнению рейхсфюрера СС, укрепить связь эсэсовцев с германским доисторическим прошлым. При этом глава СС подчеркнул, что «он признает ценность научных изысканий и готов к сотрудничеству с Розенбергом и Рейнертом, равно как и любыми силами, действующими в сфере древней истории, но только на условии полного единодушия». В случае нападков и препятствования исследовательской деятельности СС Гиммлер угрожал разорвать все отношения «с позволившими себе подобное». Судя по всему, рейхсфюрер СС предвидел возможность начала кампании в подконтрольной Розенбергу прессе, а потому принимал меры, которые должны были обезопасить присягнувших ему на верность историков.

В этом сюжете обращает на себе внимание соседство «культовых мест» и «ценности научных изысканий». Очевидно, что это было одной из первых попыток Гиммлера обосновать при помощи археологии и древней истории ритуалы СС, что позже вылилось в попытки создания некоей эсэсовской эрзац-религии. То есть происходило скрещивание эзотерики, ритуалов и точных наук. Подобный симбиоз как нельзя лучше характеризовал Гиммлера как человека, который сочетал в себе приверженность самым фантастическим идеям со склонностью к скрупулезному планированию.

Уже в конце июля 1935 года была достигнута договоренность о сотрудничестве между СС, Имперским министерством воспитания и историками из Западной Германии. Основные переговоры между Бернхардтом Рустом, представлявшим интересы министерства, Лангсдорфом как представителем Гиммлера и Апфельштедтом как выразителем позиции историков шли с 10 по 16 июля 1935 года. В основном разговор касался деятельности «Имперского института древней и ранней истории». При обсуждении вопроса, кто должен был возглавить данный институт, Руст настаивал на фигуре Теодора Виганда. В частных разговорах министр воспитания находил, что Лангсдорф не обладал необходимой твердостью, чтобы справиться со всеми трудностями, а также отразить нападки конкурентов из лагеря Розенберга. Сам Лангсдорф не был удивлен подобному развитию событий. Он давно уже видел себя в рамках Управления СС по вопросам расы и поселений, где должен был возглавить историческое направление работы. При этом он выражал готовность принять на работу в Управление СС по вопросам расы и поселений всех историков из западной части Германии, что могли подвергнуться нападкам со стороны Рейнерта и Розенберга. Так СС впервые заявили о себе как о структуре, «покровительствовавшей» науке. Первым профессиональным

историком, который был взят под крыло Гимmlера, был Вернер Буттлер.

Некоторые из нынешних историков задаются вопросом: была ли в то время у Гимmlера ясная программа действий, и как его поведение можно было трактовать в свете попыток избежать открытого конфликта с Альфредом Розенбергом? Сразу же надо отметить, что большинство решений Гимmlер принимал спонтанно, то есть едва ли можно было говорить о четкой программе действий. Кроме этого, рейхсфюрер СС опасался публичного столкновения с Розенбергом, но отнюдь не потому, что позиции «министра без портфеля» были сильны, а потому, что за несколько месяцев до этого Гитлер отдал вполне конкретный приказ. Приказ гласил, что между партийными функционерами не должно быть никаких открытых столкновений, а в своей деятельности они должны были прежде всего ориентироваться на создание образа сплоченной партии и государства. Впрочем, это не исключало возможности неявных противоречий, чем и воспользовался Гимmlер, начав свою деятельность как бы «исподволь».

Действия Гимmlера, конечно же, не остались незамеченными в ведомстве Розенберга. Весьма обеспокоенный Рейнерт писал своему шефу, что «СС запланировали в ближайшее время создать культурное учреждение, во главе которого планируется поставить Лангсдорфа». Глава «Имперского союза древней истории» полагал, что об этом «грубейшем превышении служебных полномочий» надо было доложить Гитлеру. Вскоре у Рейнерта появился вполне конкретный повод для возмущений. В Ёрлингхаузене местный краевед Герман Дикман задумал поставить на месте раскопок модели древних германских домов в пропорции 1:1. Рейнерт предполагал, что инициатива создания музея под открытым небом принадлежала либо только что созданному «Наследию предков», либо проводилась под патронажем одной из эсэсовских структур. Попытка СС закрепиться в Ёрлингхаузене вызывала особое возмущение Рейнерта хотя бы потому, что этот город он считал своей «вотчиной».

Когда Рейнерт говорил в своем письме «о культурном учреждении, во главе которого планируется поставить Лангсдорфа», то он подразумевал отнюдь не «Наследие предков». Речь шла о специальном отделе, запланированном в структуре Управления СС по вопросам расы и поселений. Инициатива создания этого отдела принадлежала австрийскому полковнику Карлу Марии Вилигуту, который был известен эсэсовскому руководству под ритуальным именем «Вайстор». Вилигут не был известен широкой публике и считался чем-то вроде придворного мага Гимmlера. Именно с «Вайстором» вел активную переписку в то время Александр

Лангсдорф. Отдел, который в рамках Управления СС по вопросам расы и поселений должен был заниматься древней историей, обозначался литерой **РАШЬ**.

По большому счету этот отдел воплощал в себе два проекта (мировоззренческие и ритуальные построения «Вайстора» требуют отдельного рассмотрения в рамках самостоятельной книги). Во-первых, в нем должны были числиться ученые-историки, которые представляли интерес для Гиммлера. Во-вторых, планировалось, что со временем отдел разрастется и превратится в Штаб СС по вопросам древней истории. Сейчас очень сложно сказать, почему был выбран именно такой путь, а также каковы были предполагаемые функции этого штаба. В любом случае все лояльные Гиммлеру историки должны были быть привлечены к сотрудничеству с СС.

Но не стоит полагать, это был некий «благотворительный» проект, направленный на поддержку историков. Сотрудничество с СС должно было осуществляться «в рамках национал-социалистического мировоззрения, в частности, для объяснения соответствующих расовых взаимосвязей». Уже эта фраза наглядно показывает главную мотивацию «исторического проекта» в рамках СС. Это должны были быть политически контролируемые исследования, итоги которых должны были отвечать постулатам эсэсовской идеологии, а стало быть, осуществлять их должны были только «надежные члены партии». В этом отношении эсэсовские начинания ничем не отличались от устремлений Розенберга. Чтобы достигнуть предполагаемых целей, и историки-профессионалы, и историки-дилетанты должны были пройти некую проверку. В первую очередь эсэсовское руководство интересовало приверженность и понимание национал-социалистической идеологии (расовое учение, отношение к христианству и эволюционному учению, предрасположенность к новому вероисповеданию). Далее СД (эсэсовская служба безопасности) с привлечением местных организаций НСДАП проводили проверку личности, ее поведения, собирали характеристики.

Если принять во внимание эти процедуры, то становится ясным, что собственно научная квалификация историков для руководства СС была не столь важна, или как минимум находилась не на первом месте. Приоритет имели мировоззренческие установки конкретного исследователя, а научные знания шли лишь в конце списка необходимых требований для участия в «проекте». Собственно, сам «проект» можно было бы назвать попыткой инфильтрации СС во все области общественной жизни. В данном случае речь шла об исторических учреждениях. Историки-эсэсовцы должны были

занять лидирующие позиции на университетских кафедрах, в различных музеях, в ведомствах по охране культурно-исторических памятников.

Была у этого «проекта» и вполне конкретная конечная цель. В течение двух лет планировалось постепенно внедрить специалистов-эсэсовцев во все государственные структуры, которые определяли политику в области изучения древней истории. Таким образом, должна была быть достигнута гарантия того, что древняя история как область знаний находилась бы в Германии под контролем СС. То есть «охранные отряды» планировали осуществить сращивание с прочими служебными инстанциями. В качестве таковых называлось десять ведомств, в том числе: министерство воспитания, министерство внутренних дел, военное министерство, министерство труда и занятости, Национал-социалистический союз учителей (лерер-бунд), имперское руководство молодежи. Весьма характерно, что в этом списке не значилось ведомство Альфреда Розенберга. А это могло означать одно из двух: либо с этим ведомством не предполагалось иметь никаких контактов, либо (что скорее всего) Гиммлер планировал в ближайшей перспективе устранить его с политической сцены, лишит каких-либо рычагов управления.

Эсэсовский «исторический проект» был некой защитой от рисков, которые касались не только планов Рейнерта.

Во время раскопок в 1935 году

Последующее развитие событий показало, что Гиммлер планомерно осуществлял свои задумки в данной сфере. В этой связи необходимо задаться вопросом: как «проект» отразился на Экстернштайне?

Изменившаяся обстановка на общеимперском уровне почти сразу же имела свои последствия и для Фонда «Экстернштайн», и для раскопок, которые проходили у скал. Мероприятия, которые были предприняты Фондом, были во многом связаны с донесениями экскурсовода Фрике, который являлся осведомителем СД. В первую очередь все они имели отношение к посещению Экстернштайна Вильгельмом Дёпферфельдом. Согласно донесению, Дёпферфельд в сопровождении Тойдта прибыл на место раскопок. Тойдт хотел продемонстрировать гостю «старейшее, достойное Трои поселение». Фрике позволял себе предположить, что на самом деле Дёпферфельд являлся хорошо замаскированным критиком Тойдта, а его визит к Экстернштайну осуществлялся по заданию католической церкви. Опасаясь подрывных акций со стороны католиков, Фрике предлагал, чтобы в будущем все визиты к скалам согласовывались с правлением Фонда, а также о них уведомлялись местные государственные

и партийные органы. Несмотря на то что иные источники на предмет визита Дёпферфельда к Экстернштайну отсутствуют, кажется очень сомнительным, что это было сделано по поручению католической церкви, скорее всего это были бурные фантазии Фрике. Однако донесение осведомителя возымело свое действие. Почти сразу же министр Рике издал следующее предписание: «Принимая во внимание различные инциденты у Экстернштайна, впредь прошу уведомлять о предстоящих визитах Фонд или же господина Фрике». Из этого документа следует, что министр Рике доверял сведениям, которые поставлял Фрике, но тем не менее мог полностью на него положиться. Об этом свидетельствует письмо от 22 июля 1935 года, в котором министр сообщал, что «не считает целесообразным делать его (Фрике) доверенным лицом председателя правления и устанавливать с ним отдельные отношения прочих представителей Фонда».

Этот небольшой инцидент пополнялся сообщением о визите к скалам Александра Лангсдорфа. Сам визит состоялся 26 июля 1935 года. Во время его Лангсдорфа сопровождал исследователь Хельмут Арнц, который являлся не только представителем «Общества помощи немецкой науке», но и министерства по делам образования и религии. Цель этого визита так и осталась до сих пор невыясненной. Скорее всего речь надо вести о контроле над процессом археологических раскопок. По крайней мере сторонники Ганса Рейнерта видели в этом событии исключительно инспекционную поездку. Действительно, после этого Лангсдорф и Арнц беседовали с Вильгельмом Тойдтом, причем гости выражали свое недовольство тем, как шли раскопки.

После раскопок 1935 года

Результатом всех этих событий стало то, что в августе 1935 года в Фонде «Экстернштайн» было решено применить сугубо партийный «фюрер-принцип».

Буквально накануне партийного съезда 1935 года, который традиционно проводился в Нюрнберге, правление Фонда издало предписание, согласно которому доступ к скалам Экстернштайна ограничивался евреям и «друзьям евреев». Формальным поводом для этого являлось предположение, что евреи не «смогут постигнуть сути германской святыни». После этого правление Фонда «выражало надежду, что доступ евреям будет закрыт ко всем культовым местам Германии, и сожалело, что некоторые немцы по чисто коммерческим соображениям продолжают водить дружбу с евреями». Кроме антисемитского содержания, это указание очевидно подтверждало, что правление Фонда полностью разделяло теорию об Экстернштайне как «германской святыне», которая отвечала национал-социалистическому мировосприятию. Впрочем, в данном случае нельзя Экстернштайн выделять как отдельный объект, так как данные меры, направленные против евреев, были всего лишь частью многочисленных антисемитских мероприятий, которые предшествовали принятию «расовых Нюрнбергских законов» 1935 года.

После того как в июле 1935 года Лангсдорф посетил Экстернштайн, министр Рике стал вынашивать идею сделать этого историка ответственным за организационную деятельность Фонда. До этого момента всеми его делами фактически ведал липпский чиновник Опперман. На первый взгляд это предложение нашло поддержку у Генриха Гиммлера. По крайней мере в разговоре с гауляйтером Майером, который состоялся в середине августа 1935 года, рейхсфюрер СС заявил: «Я сам выступаю за Лангсдорфа». Эти слова были продублированы в официальном письме. Однако некоторое время спустя Гиммлер по непонятным до сих пор причинам изменил свое мнение. Теперь глава СС считал, что ни Андрее, ни Лангсдорф, ни Фрике не подходили для данной должности. Не исключено, что Гиммлер ориентировался на мнение приближенного к нему Хельмута Арнца, который весьма иронично заявил о «прямо-таки „замечательном“ состоянии Экстернштайна». Кроме этого, Арнц рассказал историю о том, что во время экскурсии Фрике бахвалился — он будет скидывать несогласных с теориями Тойдта туристов прямо со скал. В итоге делами Фонда было предложено весть доверенному лицу Гиммлера унтерштурмфюреру СС (на тот момент) Карлу Дибичу. Само это предложение уже говорит о многом. Дибичу поручали самые важные проекты, в которых был заинтересован Гиммлер. Именно Дибич создал проект эсэсовской униформы, именно он оказался причастным к созданию интерьеров замка Вевельсбург и т. д.

Несколько дней спустя после того, как Гиммлер отверг фигуру Лангсдорфа в качестве управляющего делами Фонда, оба они вновь посетили Экстернштайн.

Вильгельм Тойдт и комендант замка Вевельсбург Манфред фон Кнобельсдорф

Можно предположить, что визит был во многом спонтанным, так как липпское правительство не получило никаких предупреждений о предстоящем визите «высоких гостей».

В данной главе нередко упоминался партийный съезд в Нюрнберге 1935 года, который в основном памятен для историков принятием «расовых законов». Однако в рамках данной книги нас интересует несколько иной сюжет. Дело в том, что на съезде Гитлер произнес речь, которая никак не вписывалась в планы Гимmlера и Розенберга, предполагавших создать «германоцентричную модель истории». В своей речи Гитлер упомянул об успехе древних германцев в битве при Варусе, однако неожиданно для многих после этих слов он подверг критике тезис о том, что насильственная христианизация Германии в VIII веке нанесла стране вред. Более того, Гитлер весьма положительно отзывался о фигуре Карла Великого, заявив, что христианизация и введение института королевской власти по античным образцам стали двумя подспорьями, «без которых не было бы возможно складывание германского государства». Христианство

же было названо «предпосылкой для формирования немецкого народа». Впрочем, подобные заявления не могли остановить Гиммлера, который намеревался создать собственные культы и обряды.

Когда Гитлер произносил свои «сенсационные» слова, то ни Розенберга, ни Гиммлера в Нюрнберге не было. Розенберг в то время направлялся в эсэсовский санаторий Гогенлихен, где намеревался застать рейхсфюрера СС. Идеолог партии предполагал в личной беседе с шефом СС обсудить множество накопившихся проблем и снять все противоречия. Однако в санатории Гиммлера не было. После этого Розенберг направил ему возмущенное письмо. В этом послании говорилось, что до него (Розенберга) дошли слухи о том, будто бы Гиммлер планировал создать структуру, которая бы занималась вопросами древней истории. «Я не знаю, так это или нет, — писал Розенберг. — В случае если эта информация соответствует действительности, то заявляю протест. Я получил от фюрера весьма определенный приказ заниматься кроме всего прочего древней историей. Существование двух инстанций, занимающихся данной проблемой, невозможно, так как противоречило бы всем национал-социалистическим принципам». Именно в этом письме Розенберг впервые заявил о том, что «Имперский институт древней и ранней истории» по приказу Гитлера должен был возглавить именно Ганс Рейнерт. Если такой приказ и был отдан, то только в устной форме, без какого-либо письменного подтверждения.

В этих условиях в Бремене с 28 сентября по 6 октября 1936 года проходило второе заседание «Имперского союза древней истории». Это мероприятие, как никакое другое, характеризовалось напряженными отношениями между двумя группировками национал-социалистических ученых.

Альфред Розенберг был одним из противников «исторических проектов», которые осуществлялись в СС

На этот раз фронт борьбы проходил не между «академистами» и «дилетантами», а между сторонниками и противниками Розенберга (а стало быть, и Рейнерта). Несмотря на то, что ни один из ведущих специалистов-историков, состоявших на службе в СС или «Наследии предков», на это мероприятие не был приглашен, руководство «охранных отрядов» было хорошо осведомлено обо всех перипетиях и конфликтах, которые возникали в эти несколько дней. Во многом это происходило благодаря тому, что на заседании присутствовал кельнский историк Вернер Буттлер. Судя по всему, его появление на данном мероприятии было случайностью, так как оно не было никак согласовано с Александром Лангсдорфом.

Самой примечательной была, конечно же, речь Ганса Рейнерта, который с высокой трибуны поносил историков Западной Германии, никак не желавших вливаться в состав «Имперского союза». За несколько дней до этого он характеризовал их как «реакционные круги, готовые не только на

саботаж, но даже на братание с евреями и политическим католицизмом». При этом досталось и Вильгельму Тойдту, который рассчитывал передать на определенных условиях журнал «Германия» «Имперскому союзу древней истории». В одном из своих гневных пассажей Ганс Рейнерт, заявил, что журнал «Германия» по своему научному уровню был не на много выше, чем развлекательное издание «Имперская сцена». Это был очень тяжелый удар для Тойдта — он понял, что впредь никакое сотрудничество с Рейнертом не было возможно.

6 ноября 1935 года Вильгельм Тойдт напрямую обратился к руководству «Наследия предков» с предложением приобрести издаваемый «Объединением друзей германской праистории» журнал «Германия». В «Аненэrbэ», в отличие от «Имперского союза древней истории», сразу же заинтересовались данным предложением. Начались переговоры о том, чтобы получить под свой контроль «Германию».

Дальнейшее развитие событий в документах представлено весьма противоречиво. Согласно документам «Аненэrbэ», переговоры о приобретении журнала шли своим чередом, когда в них 20 декабря 1935 года внезапно попытался вмешаться Ганс Рейнерт, видимо, осознавший допущенную им ошибку. Документы ведомства Альфреда Розенберга рисуют совершенно иную картину. «Объединение друзей германской праистории» как одна из структур, все-таки вошедших в состав «Имперского союза древней истории», вело переговоры о продаже журнала «Германия» именно с Рейнертом. Переговоры были близки к успешному завершению, когда представитель «Объединения друзей», являвшийся ко всему прочему служащим СС, прекратил диалог.

Сотрудник Юлиуса Андреа Брайтхольц у барельефа «Снятие с Креста». 1934 год

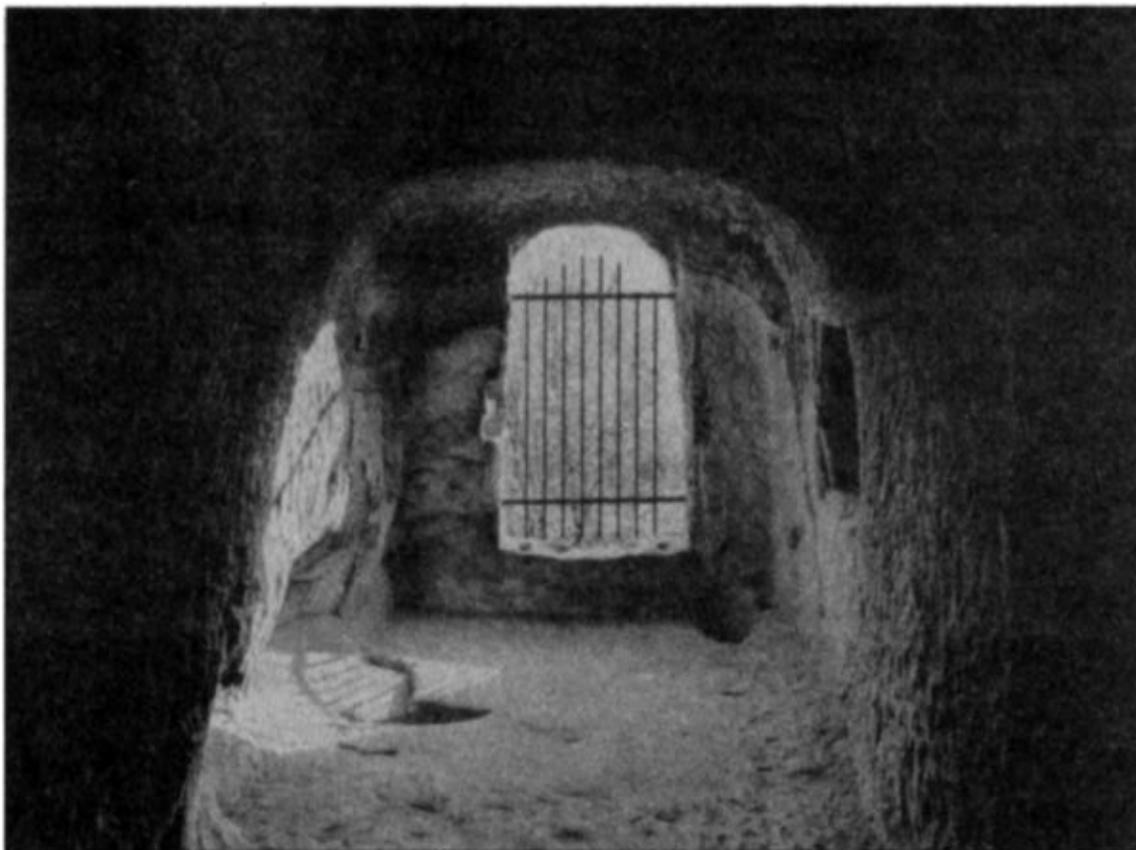
Первый вариант истории выглядит более правдоподобным, хотя детали этих событий остаются неизвестными и по сей день. Не исключено, что Вильгельм Тойдт вел двойную игру, предлагая одновременно журнал и «Наследию предков», и «Имперскому союзу древней истории». Если это было так, то значит, что он пытался извлечь максимальную выгоду из продажи своего журнала.

К слову сказать, переговоры о судьбе журнала «Германия» пришлось именно на 75-летний юбилей Вильгельма Тойдта, который получил поздравления не только от Генриха Гимmlера, но и от Ганса Рейнерта. Кроме этого, он получил почетное звание профессора. В данном случае не представляется возможным установить, кто приложил усилия, чтобы Тойдту преподнесли такой «подарок». Вместе с этим Тойдт получил титул, который позволял ему делать к своему имени приставку фон. Впрочем,

документы декабря 1935 года не отражают ни одного предписания национал-социалистического руководства о подобном награждении. Дело в том, что только в 1938 году был подписан указ о том, что титул мог присваиваться к юбилею тем людям, которые достигли больших успехов и отличились по своей специальности.

Если возвратиться к переговорам с «Наследием предков», то Тойдт мог считать своим отдельным успехом, что ему удалось добиться назначения на пост начальника одного из отделов «Аненэrbэ». Поначалу отдел назывался, как и книга Тойдта, — «Германские святыни». Позже он был переименован в учебно-исследовательский отдел германистики. Кроме этого, Гиммлер пообещал Тойдту, что Экстернштайн станет его «вотчиной», а именно в Германии будет запрещено издание массовым тиражом книг об этих скалах, принадлежавших перу других авторов и исследователей. После этого «Объединение друзей» как бы плавно перетекло из «Имперского союза» в «Наследие предков». Для того чтобы не распускать «Объединение друзей», было принято решение сделать его председателем организационного руководителя «Аненэrbэ» Вольфрама Зиверса, а Вильгельма Тойдта назначить начальником отдела «Наследия предков». Эта рокировка произошла 18 января 1936 года.

Теперь, когда у «Наследия предков» был собственный журнал, надо было решить одну небольшую проблему — изменить его подзаголовок. Полностью журнал назывался «Германия. Ежемесячник древней истории и постижения немецкой сущности». В данной ситуации Вольфрам Зиверс весьма опасался очередных «происков» со стороны профессора Ганса Рейнерта. Дело в том, что после того, как Розенберг написал возмущенное письмо Генриху Гиммлеру, оба высокопоставленных национал-социалиста договорились о том, что рейхсфюрер СС не будет вмешиваться в область древней истории, которая приказом Гитлера была отведена в компетенцию «министра без портфеля».

Один из гротов в скалах Экстернштайна

Как результат, было решено изменить не только название журнала, но и полное название «Аненэробэ» (исследовательское общество *древней истории* «Немецкое наследие предков»), а также подконтрольного «Объединение друзей германской *праистории*». Так на свет появилось исследовательское общество «Наследие предков». Организации Тойдта предлагалось несколько названий: «Объединение друзей германоведения» или «Объединение друзей немецкого наследия предков». Сам же журнал стал полностью именоваться следующим образом: «Германия. Ежемесячник по вопросам германоведения и постижения немецкой сущности».

Именно под таким названием журнал и стал печатным органом «Аненэробэ». Примечательным является тот факт, что если верить архивам, то переименование журнала и «Объединения друзей» никак не согласовывалось ни с Генрихом Гиммлером, ни с Александром Лангсдорфом.

Получив под свой контроль журнал «Германия» как весьма популярное научное издание, «Аненэробэ» зарабатывало несколько

преимуществ. Во-первых, «Наследию предков» не надо было заниматься регистрацией нового печатного средства массовой информации. Кроме этого ээсовское исследовательское общество существенно сэкономило на организационных и кадровых вопросах. Также не стоило забывать, что у «Германии» в 1936 году имелось около 2 тысяч подписчиков (в основном из числа сторонников идей Вильгельма Тойдта). Почти год спустя Гиммлер решил, что «Германия» будет также бесплатно рассылаться всем старшим офицерам СС. Надо также учесть, что вместе с журналом в «Аненэробэ» переходило и большинство финансовых источников, как государственных, так и частных, за счет которых издавался журнал. По приблизительным подсчетам эта сумма составляла около 21 тысячи рейхсмарок ежегодно. Принимая во внимание достаточно шаткое хозяйственно-экономическое положение «Наследия предков» в те дни, получение новых спонсоров и жертвователей было отнюдь не лишним.

Глава 4. Рассвет и закат Вильгельма Тойдта

Летом 1936 года Юлиус Андрее с большим трудом смог издать свою монографию, посвященную археологическим раскопкам в Экстернштайне. Выходу в свет этой работы во многом содействовала помощь западного университета имени Вильгельма. Поскольку на тот момент не было никакой необходимости согласовывать с кем-либо текст рукописи, то можно предположить, что Андрее не показывал ее ни партийным органам, ни представителям СС. В августовском номере «Германии» 1936 года вышла на эту книгу благожелательная рецензия Йозефа Плассмана, видимо, в «Аненэрбэ» все-таки предполагали, что рано или поздно монография Андрее увидит свет. Кроме «Германии», поначалу на эту книгу почти никто не обратил внимание. Исключение, пожалуй, составила «Кёльнская народная газета», которая опубликовала большой обзор, содержащий в том числе весьма критичные замечания в адрес Андрее. На тот момент эта статья не вызвала никакого резонанса ни в среде историков, ни в среде партийных функционеров, ни в СС. Ситуация в корне поменялась в ноябре 1936 года. Именно тогда появилась новая статья, которая вызвала бурную реакцию Генриха Гиммлера. Дело было даже не в содержании критической статьи, а в том, где она была напечатана. Речь шла об одном из первых номеров издаваемого Гансом Рейнертом журнала «Германское наследие» («Германенербе»). В «Аненэрбэ» сразу же сочли, что им пытаются составить конкуренцию. Действительно, журнал Рейнерта по своему названию напоминал нечто среднее между журналом «Германия» и выпускавшим его «Наследием предков» — «Аненэрбэ». Ситуация осложнялась еще и тем, что статья, собственно, принадлежала самому Юлиусу Андрее. 11 декабря 1936 года Гиммлер вновь распорядился подвергать самым суровым наказаниям тех, кто решился нарушить запрет на публикацию материалов об Экстернштайне. В одном из писем рейхсфюрер напоминал организационному руководителю «Наследия предков» Вольфраму Зиверсу, что в Германии были также запрещены любые публичные дискуссии и общественные обсуждения проблем, связанных с Экстернштайном.

Копию данного письма для ознакомления получил и Александр Лангсдорф. В данном случае требование вмешаться в ситуацию исходило не столько от коллег Андрее, сколько от «Наследия предков». Именно «Аненэрбэ» Гиммлер передал функции по надзору за соблюдением запрета

на публикации, касавшиеся Экстернштайна. Появление монографии Юлиуса Андрее и его статьи в журнале «Германское наследие» наглядно показывало, что «Аненэrbэ» не справлялось с порученной ему задачей, собственно, как и в последующие годы.

Андрее не был готов безропотно выполнять приказы Гимmlера. В ответном письме он сообщал: «Я как университетский профессор и политический руководитель не подчиняюсь приказаниям рейхсфюрера СС. Кроме того, запрет на написание книги и статей является неприемлемым для меня, так как существенно ограничит мою научную деятельность. Вдобавок я не публикую ничего, что не соответствовало бы научному уровню или противоречило национал-социалистическому мировоззрению». Но, видимо, понимая чреватость ссоры с Гимmlером, Юлиус Андрее в конце своего письма делал некий реверанс в его сторону, заявив, что не имеет никакого интереса к тому, чтобы делать какие-то новые публикации, посвященные Экстернштайну. Само письмо производило очень странное впечатление. В его первой части Андрее пытался продемонстрировать, что не подчинялся приказам рейхсфюрера СС. Однако в последних предложениях он вновь выражает готовность соблюдать «секретность», касавшуюся Экстернштайна. Впрочем, эта покорность на самом деле была мнимой. Юлиус Андрее никогда не планировал соблюдать запреты, наложенные Гимmlером на вестфальские утесы. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в 1937 и 1939 годах вышли переработанные и дополненные версии его монографии. Причем их выход в свет не привел к какой-то очередной бурной реакции со стороны СС, то есть можно предположить, что действия Юлиуса Андрее фактически никто не отслеживал.

Во время реконструкции сооружений у «скалы гротов»

Несколько дней спустя после возобновления запрета на публикации об Экстернштайне, Бурно Гальке, являвшийся куратором «Наследия предков», сообщил Гиммлеру о намерении Александра Лангсдорфа ввести в состав правления Фонда «Экстернштайн» обершарфюрера СС Буттлера, что позволило бы ему иметь в этом учреждении «своего человека». При этом Гальке спрашивал Гиммлера: «Может быть, имело смысл передать культурное руководство Экстернштайном „Наследию предков“?» При этом указывалось, что Александр Лангсдорф был полностью согласен с этой идеей. Кроме этого, Гальке в очередной раз предлагал предусмотреть «самые строгие санкции в отношении тех, кто нарушал запрет на публикации об Экстернштайне». Касательно нового назначения Буттлера с подачи Лангсдорфа Гиммлер сразу же ответил решительным отказом. Но над остальными предложениями он некоторое время думал. Несмотря на то, что предложение о передаче Экстернштайна «Аненэрбэ» показалось Гиммлеру перспективным, ведать делами Фонда «Экстернштайн» продолжил бригадефюрер СС Освальд Поль, отвечавший за все экономические проекты, которые были интересны рейхсфюреру СС. Если оценивать отказ Гиммлера, то он прежде всего относился не к самому Лангсдорфу, а к Буттлеру — рейхсфюрер СС не собирался вводить в свое

окружение человека, который считался ставленником Имперского министра воспитания Бернхардта Руста. Гиммлер предложил ввести в состав правления Фонда «Экстернштайн» д-ра Вакера, который несколько позже стал начальником Буттлера.

В то время как ученые-специалисты пытались подорвать доверие Ганса Рейнерта к Альфреду Розенбергу и даже думали о том, как бы к этой деятельности привлечь Генриха Гиммлера, рейхсфюрер СС решил применить совершенно иную тактику. Глава СС планировал уже с середины января 1937 года настроить Розенберга против Ганса Рейнерта. Поводом для этого стали попытки Рейнерта вмешаться в дела Экстернштайна.

Непосредственным толчком для действий Гиммлера в задуманном направлении стала информация, поступившая от Фрике, который, напомним, был не только экскурсоводом, но и эсэсовским осведомителем. Одно из сообщений было направлено Фрике в «Наследие предков», откуда уже попало на стол Генриха Гиммлера. В данном случае речь шла о письме Рейнерта, которое было адресовано непосредственно Фрицу Фрике. В нем говорилось: «Я хотел передать Вам (Фрике), что сегодня получил от бургомистра Келлера в Детмольде предложение начать активное обсуждение вопросов германской древней истории. Одним из первых вопросов должно стать обсуждение проблемы Ирминсула, прежде всего предполагаемого места его нахождения в прошлом на основании письменных источников. Я всеми силами буду поддерживать этот план, о котором бургомистр мне сообщил впервые на имперском съезде „Нордического общества“. Бургомистр полагает, что в Детмольд должны прибыть множество выдающих исследователей, в том числе из соперничающих между собой группировок».

Вид первой скалы Экстернштайна во время раскопок

До сих пор остается не понятно, действительно ли эта идея принадлежала бургомистру Келлеру, или она была инициативой одного из людей, входивших в окружение Вильгельма Тойдта. В любом случае это «заманчивое предложение» показывает, насколько плохо на нижнем уровне представители власти знали о противоречиях, царивших на высшем уровне.

После того как копия этого письма оказалась в руках у Гиммлера, реакция не заставила себя ждать. Известно, что Зиверс передал рейхсфюреру СС это сообщение 20 декабря 1936 года. Уже 13 января 1937 года Гиммлер в письменной форме обращался к Альфреду Розенбергу. В письме говорилось: «От моих людей в Экстернштайне я знаю, что профессор Рейнерт планирует устроить обсуждение Экстернштайна и стоявшего там некогда Ирминсула». После этого в адрес Рейнерта был выдвинут целый ряд обвинений. Кроме всего прочего, Гиммлер указывал на то, что своими действиями Рейнерт отнюдь не снискал любовь и уважение своих коллег. Рейхсфюрер СС любыми средствами пытался опередить неофициальное развитие событий, а потому отдал приказ Вольфраму Зиверсу в очередной раз уведомить общественность, о запрете публичных обсуждений проблемы Экстернштайна. Об этом через Фрике надлежало сообщить и Гансу Рейнерту.

В данных обстоятельствах Розенберг начал что называется «юлить». В ответном письме он, с одной стороны, выражал благодарность рейхсфюреру СС за «его согласие вести борьбу с противниками национал-социалистического подхода к древней истории, в частности с реакционными силами, ополчившимися на „Имперский союз древней истории“». Розенберг весьма лукаво говорил, что «крайне нуждался в такой поддержке, так как в последнее время большое количество профессоров выступают против моих (Розенберга) планов и планов партайгеноссе Руста относительно „Имперского института древней и ранней истории“». Но при этом идеолог партии перекладывал всю вину за эту «подрывную работу» на профессора Лангсдорфа (!), который «действовал, конечно же, без Вашего (Гимmlера) ведома». Розенберг прибег к типичному приему национал-социалистической политики — он сделал «козлом отпущения» одного из чинов СС, который находился в непосредственном подчинении у Генриха Гимmlера. Сам же Гимmlер, видимо, ничего не знал о действиях своих офицеров. В данном случае мы видим «лукавые» вариации мифа о «хорошем царе» и «плохих боярах», о проделках которых самодержец якобы ничего не знает.

Кроме этого, Розенберг, защищая своего ставленника Ганса Рейнерта, прибег к еще одному хитрому ходу. Чтобы снять все обвинения с Рейнерта, он приложил к своему сообщению копию письма, которая поступила от бургомистра Келера, то есть подчеркивалось, что инициатива обсуждения проблем Экстернштайна исходила отнюдь не от руководителя «Имперского союза древней истории». Пикантность ситуации заключалась в том, что бургомистр Келер был оберштурмфюрером СС! Мало того что Гимmlеру намекали, что он не владел полнотой информации, так еще и бросали упрек, что его же собственные эсэсовцы не выполняют приказы, отданные главой СС (в данном случае не соблюдали запрет на обсуждение Экстернштайна).

Дело в очередной раз закончилось тем, что Гимmlер огласил запрет на обсуждение Экстернштайна и любых публикаций по данной тематике. Сам же Рейнерт в своих последующих заявлениях утверждал, что даже не намеревался нарушать запрет, а потому решил осведомиться о правомочности подобного мероприятия у Фрица Фрике.

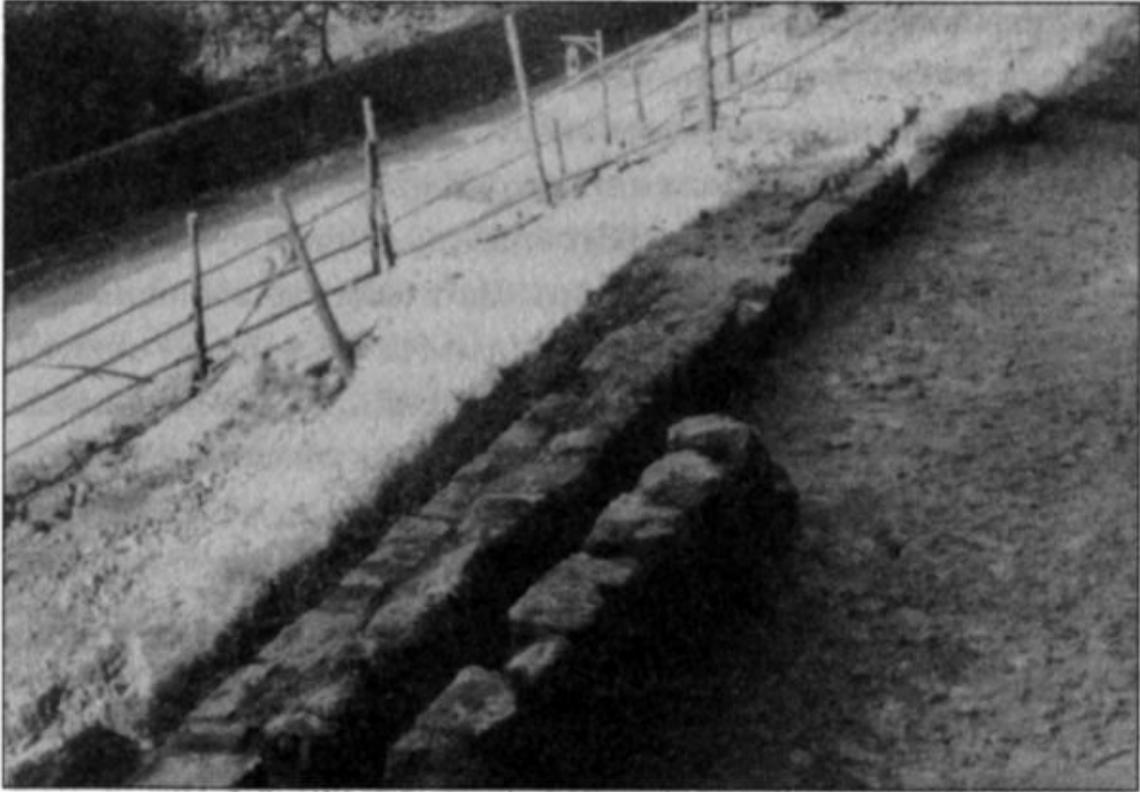
В начале 1937 года «Наследие предков» ожидала очередная «напасть» в виде споров с Вильгельмом Тойдтом, который не намеревался подчиняться требованиям, которые предъявлялись к служащим СС. В своих аргументах Тойдт следовал пожеланиям гауляйтера Вестфалии Альфреда Майера, который полагал, что пожилой исследователь должен был

представлять так называемое «детмольдское направление». В своих разговорах Тойдт неоднократно указывал на то, что ошибкой Третьего рейха было повсеместное введение «фюрер-принципа». Он говорил: «Фюрер-принцип, конечно же, хорошо для почты и для армии, но отнюдь не для других дел. Имеется слишком много руководителей, а потому их решения по большей части не выполняются». В качестве одного из примеров Тойдт приводил как раз изучение проблем древней истории. При этом Тойдт утверждал, что если в этом начинании его «не поддержит „Наследие предков“, то труд его жизни будет уничтожен». В частности, Тойдт не понимал, надо ли ему было вести войны против Ганса Рейнерта. Как итог Вильгельм Тойдт угрожал, что откажется от руководства отделом «Аненэробэ», который находился в Детмольде. Впрочем, он своевременно сигнализировал о том, что готов «пересмотреть свои отношения с „Имперским союзом древней истории“».

18 февраля 1937 года организационный руководитель «Аненэробэ» Вольфрам Зиверс в своем разговоре с Вильгельмом Тойдтом заверил пожилого исследователя, что его отдел получит свое официальное название (это была одна из претензий), а также подчеркнул, что в отношении Рейнерта можно занимать только «боевую позицию». После этого Тойдт объявил, что незамедлительно выведет «Объединение друзей» из состава «Имперского союза», а также прекратит все контакты с Рейнертом.

В тот момент создатели «Аненэробэ» полагали, что добились огромного успеха, так как «Объединение друзей», насчитывавшее более тысячи сторонников, было самым крупным коллективным членом «Имперского союза древней истории». Выход из «Имперского союза» существенно бы подорвал позиции Рейнерта. На практике это означало бы, что «Имперский союз» лишился бы 13 % своих членов. Про реакцию всех остальных говорить не приходилось. Вольфрам Зиверс и Бурно Гальке фактически одновременно сообщили Генриху Гиммлеру о том, что в сложившейся ситуации «Наследие предков» должно было поддержать Вильгельма Тойдта. Однако Генрих Гиммлер имел иные соображения относительно возможного выхода «Объединения друзей» из состава «Имперского союза». Он предложил подождать. Во-первых, он опасался очередного открытого конфликта с Розенбергом.

Остатки стен близ Экстернштайна

Во-вторых, Гиммлер планировал получать через сторонников Вильгельма Тойдта сведения о том, что происходило внутри «Имперского союза древней истории», то есть иметь осведомителей и «агентов влияния».

Сам же Рейнерт в то время решил устроить небольшую провокацию, желая проверить, какой будет реакция на нарушение запрета, касавшегося Экстернштайна. В изданном «Имперским союзом» томике «Пять тысяч лет Германии» он намеренно упомянул вестфальские скалы как одно из «сакральных мест», откуда велись астрономические наблюдения. Однако никакой реакции ни со стороны Гиммлера, ни со стороны «Аненэробэ», ни со стороны Тойдта не последовало. Впрочем, затишье было недолгим.

Весна 1937 года в очередной раз ознаменовалась инцидентом, в котором был «повинен» Вильгельм Тойдт. 13 апреля 1937 года Вольфрам Зиверс узнал о том, что «Объединение друзей» готовило к изданию книгу, которая должна была называться «Детмольдское направление в изучении древней истории». Зиверс проинформировал об этом Бурно Гальке, который был немало возмущен этим проектом. Сам Зиверс полагал, что должна была быть «совершенно некритичная книга, которая являлась

неприкрытой лестью в отношении профессора Тойдта и его теорий». Более того. Организационный руководитель «Наследия предков» полагал «это издание не только неподходящим для нашей работы, но даже вредным». Зиверс опасался, что изданная под таким названием книга вызвала бы немалые споры, в которые бы оказались втянутыми не только «Имперский союз древней истории», но многие другие противники «Наследия предков». В качестве варианта решения Зиверс предлагал Бурно Гальке запросить текст этой книги, дабы удалить из него любые упоминания рейхсфюрера СС и «Наследия предков». В ответ Гальке настаивал на том, что если из книги не будут «удалены сомнительные моменты», то придется полностью запретить ее к печати и распространению. Гиммлер, которому был предоставлен макет издания, после скорого изучения отдал распоряжение: «Я прошу предупредить профессора Вильгельма Тойдта, чтобы он впредь воздерживался от упоминания моего имени в изданиях „Объединения друзей“, так как этим он может вызвать на себя огонь критики со стороны его противников. При этом я не готов защищать его от этой критики». Как видим, Гиммлер был полностью согласен с мнением подчиненных ему сотрудников.

Несмотря на то что Гиммлер и руководство «Наследия предков» однозначно высказались против издания книги «Детмольдское направление в изучении древней истории», она все-таки была напечатана в одном из национал-социалистических издательств. Вопреки опасениям, что выход этой книги приведет к очередному витку напряженности между «Наследием предков» и ведомством Розенберга, этого не произошло. Можно предположить, что ни в ведомстве Розенберга, ни в «Имперском союзе древней истории» просто-напросто не обратили внимания на эту книгу.

Осенью 1937 года в деле изучения Экстернштайна наступила новая фаза. По приглашению руководства «Наследия предков» к скалам были направлены специалисты Института минералогии Франкфуртского университета. Им предстояло изучить сооружения и барельефы скал на предмет их примерной датировки. Кроме этого, они должны были исследовать места, где археологи нашли места разведения больших костров. Выводы оказались удивительными. При помощи специальных методов исследования выяснилось, что некоторые из полустершихся изображений были созданы в бронзовом веке. В данном случае большинство исследований проводилось не за счет средств «Аненэрбэ», а за счет дирекции Немецкого учреждения золотодобычи, что было своего рода спонсорской помощью. Вольфрам Зиверс смог самостоятельно

договориться об осуществлении всех изысканий. В данном случае он решил воспользоваться интересом Гиммлера к минералогии.

Когда начались исследования пепелищ, то рейхсфюрер СС высказал свою точку зрения на возможные причины их происхождения. «Во-первых, они могли являться следами огня, при помощи которого пытались расколоть известняк (?). Во-вторых, как предполагает бригадефюрер СС Вайстор, и я склонен разделять эту точку зрения, огонь в определенной мере служил астрономическим целям, так как при помощи него можно было отмерять месяцы, а возможно даже и дни». Припомнив свое посещение Экстернштайна во время раскопок 1934 года, Гиммлер также изъявил желание, чтобы пробы были взяты у одной из задних скал. Он писал: «Если я не ошибаюсь, то у шестой или седьмой скалы, которая очень сильно выступает вперед, вероятно могло быть жилище с очагом, предположительно датируемое очень ранним временем». Эти исследования продолжались вплоть до весны 1938 года, то есть фактически до того момента, когда «Аненэрбэ» лишило всякой власти Вильгельма Тойдта.

Несмотря на то, что еще в ноябре 1937 года Вольфрам Зиверс получил указание от Освальда Пауля сконцентрировать все основные проекты, осуществляемые «Наследием предков» и отдельными отделами «Аненэрбэ» в одном месте, в действительности ситуация выглядела совершенно иной — эсэсовская исследовательская структура выглядела раздробленной, ее подразделения были раскиданы по всей Германии. Лишь несколько недель спустя, после возвращения Генриха Гиммлера из служебной командировки в Италию, обстановка стала меняться. В связи с тем, что рейхсфюрер СС поставил перед «Аненэрбэ» новые задачи, было решено сосредоточить все его отделы в Детмольде.

Гиммлер предварительно связался с гауляйтером Майером, после чего отдал приказ Освальду Паулю начать подготовку переезда центральных учреждений «Наследия предков» из Берлина в Детмольд. «Переселение» должно было быть закончено к тому моменту, как в районе Хиддеской горы планировалось закончить строительство нескольких высотных зданий. Ни для кого не было секретом, что «Аненэрбэ» очень остро нуждалось в рабочих помещениях. В Детмольде общество должно было получить в свое распоряжение около 60 помещений общей площадью свыше 10 тысяч квадратных метров, в том числе выставочные залы, производственные цеха и лектории. Именно здесь должна была расположиться библиотека, которая собиралась в замке Вевельсбург. Именно в связи с возможным переездом «Аненэрбэ» из Берлина в Детмольд началось активное сотрудничество «Наследия предков» и замка Вевельсбург как отдельного эсэсовского

проекта.

Вдвойне примечательным является то обстоятельство, победителем в конкурсе на застройку Хиддеской горы стал «личный архитектор рейхсфюрера» Герман Бартельс, который кроме всего прочего занимался реставрацией и реконструкцией замка Вевельсбург. Именно он вместе с приятелем Феликсом Гантефюрером должен был возвести «восемь величественных сооружений» близ Детмольда. Формально это должны были быть памятные знаки, посвященные «победоносному шествию» НСДАП на местных выборах, которые проходили 15 января 1933 года. Впрочем, принимая во внимание тот факт, что Бартельс, фактически не прилагая никаких усилий, выиграл конкурс, объявленный земельным правительством, можно предположить, что Гиммлер планировал использовать эти постройки для собственных целей, а победитель конкурса был известен с самого начала. Жюри возглавлял Альберт Шпеер. В этой коллегии кроме личного архитектора Гитлера состоял также гауляйтер Майер и Генрих Гиммлер. Итоги конкурса должны были быть утверждены лично Гитлером. В любом случае проект создания целого комплекса зданий рассматривался рейхсфюрером СС как будущее месторасположение «ведомства германоведения», которое со временем должно было превратиться в централ «Аненэrbэ».

8 февраля 1938 года в Мюнхене произошло серьезное обсуждение дел Фонда «Экстернштайн», на котором правительство Липпе было представлено крайсляйтером Веддервилле и правительственным директором Опперманом. Группенфюрер СС Освальд Пауль не смог принять участие в совещании, а потому послал на него своего заместителя. В итоге о данной встрече сохранились упоминания в двух источниках, которые соответственно представляли точку зрения липпского правительства и СС. Именно на этой встрече стало очевидно, что между местными властями и «охранными отрядами» назревал конфликт, хотя на тот момент чиновники Липпе еще пытались следовать в русле решений рейхсфюрера СС. По крайней мере за несколько недель до этого липпское правительство было весьма озабочено тем, что искало подходящий земельной участок, на котором можно было бы возвести комплекс зданий, в которых бы расположились ведомства «Аненэrbэ». Но именно в этот момент партийное руководство Детмольда решило, что в городе подобных участков не было, а потому «Наследие предков» должно было перебраться в один из небольших соседних городков. Именно на февральском совещании должно было быть обсуждено данное предложение, но документы указывают, что представители СС фактически не проявили к

нему никакого интереса. По крайней мере 7 февраля 1938 года с их стороны не последовало никакой жесткой реакции. Лишь несколько месяцев спустя в Детмольд было направлено письмо, в котором руководство СС заявляло, что «не заинтересовано в перенесении площадки» в один из соседних городов.

Совещание, произошедшее в Мюнхене, представляет интерес хотя бы с той точки зрения, что именно 8 февраля 1938 года местные партийные и государственные чиновники впервые открыто подвергли критике стиль руководства в правлении Фонда «Экстернштайн», точнее гегемонию в нем Генриха Гиммлера. В частности, говорилось, что правление Фонда не собиралось в полном составе почти три года, а все решения принимались единолично рейхсфюрером СС. На это представители «Наследия предков» отвечали, что большинство вопросов решалось в рабочем порядке, то есть Гиммлер урегулировал их в частных беседах с отдельными членами правления, а потому не могло быть и речи о том, будто бы кого-то из членов правления намеревались лишиться полномочий. Несмотря на то что Освальд Пауль не присутствовал на встрече, он сообщал в своем письме Гиммлеру следующее: «У меня складывается впечатление, что в делах работы Фонда мы рискуем столкнуться с усиливающимся сопротивлением липпского правительства. Очевидно, что нельзя давать спуску „некоронованному властителю“ доктору Опперману. Досадной является позиция имперского наместника и гауляйтера Майера. Мне кажется сомнительным, что в будущем конфликт урегулируется сам собой, если к этому не предпринять решительных действий. Противодействие деятельности Фонда „Экстернштайн“ надо оценивать как противодействие работе „Наследия предков“, которое предпринимается со стороны профессора Тойдта. Для переноса этих двух предприятий в городок Липперн^[9] никак не подходит. Ситуация может быть урегулирована только после серьезной беседы, которую Вам надлежит провести с гауляйтером Майером».

Для участия в данных переговорах Гиммлер привлек Вальтера Вюста, Вольфрама Зиверса и Освальда Пауля. Прозвучавшие на совещании формулировки наглядно показали, чтобы между СС и местными властями Детмольда назревал конфликт. На это намекало очень многое и ранее, например, возникновение «детмольдского направления в древней истории», однако совещание, посвященное проблемам Фонда «Экстернштайн», переполнило чашу терпения рейхсфюрера СС. Критика в его адрес и в адрес «Аненэrbэ» не могла остаться безнаказанной. Неделию спустя после того как прошло совещание в Мюнхене, Гиммлер окончательно решил — Вильгельм Тойдт должен был быть исключен из состава «Наследия

предков». Теперь оставалось найти удобный повод, чтобы эта опала не выглядела внезапной и надуманной. Чтобы это не было «сюрпризом» для местных властей, Освальду Полю было поручено обсудить все детали с гауляйтером Вестфалии Майером. Однако 20 февраля Гиммлер решил лично побеседовать с этим партийным руководителем.

До нас дошло два описания этой встречи. Причем они настолько сильно отличаются друг от друга, что поначалу можно было бы предположить, что речь в документах шла о совершенно двух разных встречах. В протоколе, который вел крайсляйтер Веддервилле, утверждалось, что на встрече в первую очередь речь велась о запланированном в Детмольде строительстве, а также о делах Фонда «Экстернштайн». В части разговора, касающейся предстоящего строительства, шла дискуссия о том, в какой мере рейхсфюрер СС должен был участвовать деньгами в возведении зданий, которые по большей части в будущем должны были перейти в распоряжение «Наследия предков». Если верить протоколу, то относительно Фонда «Экстернштайн» разбирались только финансовые проблемы, при этом в документе не было ни разу упомянуто имя Вильгельма Тойдта.

Совершенно иначе картина выглядит в письме, которое Гиммлер после этого совещания написал Освальду Полю. Гиммлер охарактеризовал встречу с Майером и Веддервилле как «очень длинные, но успешные переговоры» (согласно протоколу крайсляйтера они длились не более часа!). В этом письме Гиммлер изображал ситуацию, в которой он смог навязать местным партийным чиновникам свое мнение. В их адрес не поступило никаких обвинений: «Они не только не намерены чинить нам каких-то препятствий, но, напротив, стремятся быть лояльными и хотят с нами работать». По словам Гиммлера, именно эта встреча поставила точку в карьере Вильгельма Тойдта: «В вопросе с Тойдтом они заняли предельно ясную позицию — они против него. Я не думаю, что Тойдт сможет получить от них поддержку после нашего энергичного вмешательства в ситуацию».

Впрочем, если посмотреть на события, которые происходили на протяжении последующих нескольких недель, то более достоверной может показаться именно протокол, сделанный крайсляйтером, так как в действительности оказалось, что множество проблем были далеки от своего разрешения.

Собственно, «энергичное вмешательство», о котором в своем письме говорил Гиммлер, произошло фактически сразу же после окончания переговоров в Детмольде. 25 февраля 1938 года Вильгельм Тойдт был

освобожден от всех занимаемых постов в «Наследии предков». В вину ему было поставлено нарушение дисциплины. В частности, критика, которую в «последнее время» позволял себе Тойдт в адрес Гиммлера и «Аненэрбэ». Повод для его изгнания был найден самый что ни на есть удобный. В конце 1937 года Вильгельм Тойдт посещал голландскую организацию «Фадерен Эрфддель» (с голландского дословный перевод «Наследие предков»), с которой активно сотрудничало «Аненэрбэ».

После визита гестапо изъяло несколько писем Тойдта, которые были адресованы голландцам. В них Тойдт позволял себе в нелицеприятной форме критиковать работу своего начальства и «Аненэрбэ» в целом. Поскольку данные письма могли помешать сотрудничеству немцев и голландцев, то это стало достаточным поводом для «изгнания» Вильгельма Тойдта.

Вместе с Тойдтом из «Аненэрбэ» были также уволены Вильгельм Кинкелин, входивший в состав Президиума «Наследия предков» (он считался человеком Рихарда Вальтера Дарре) и экскурсовод Фриц Фрике. Судя по всему, в СС полагали, что Франц Фрике слишком много знал, а потому сразу же после исключения из «Аненэрбэ» его арестовали и направили в концентрационный лагерь Ораниенбург. Долгое время считавшийся учеником Вильгельма Тойдта Йозеф Пласман тут же предпочел дистанцироваться от своего учителя. Пласман решил, что будет гораздо спокойнее, если он будет выполнять поручения научного руководителя «Аненэрбэ» профессора Вальтера Вюста, в лице которого он нашел нового друга и покровителя. Одновременно с этим Генрих Гиммлер обратился в суд Детмольда с просьбой уведомить его, если «профессор Тойдт будет планировать регистрацию новой организации, по своим целям и задачам напоминающую „Объединение друзей германской праистории“». Как видим, рейхсфюрер СС, несмотря на изгнание Тойдта из «Наследия предков», намеревался и далее контролировать деятельность опального профессора.

О том, что изгнание Тойдта было заранее спланированной акцией, говорит хотя бы тот факт, что за несколько дней до того, как профессор был официально лишен всех постов в «Аненэрбэ», Вольфрам Зиверс внес некоторые правки в содержание и оформление мартовского выпуска журнала «Германия». Во-первых, из номера фактически исчезли все упоминания Детмольда. Во-вторых, из выходных данных журнала и с обложки исчезла фраза «Основан профессором Вильгельмом Тойдтом». Впрочем, подобные меры, равно как и само изгнание Тойдта, не пошли на пользу журналу. Именно с марта 1938 года количество его подписчиков

стало уменьшаться прямо на глазах. Это было легко объяснимым явлением, так как большинство подписчиков «Германии» являлись либо сторонниками Тойдта, либо членами «Объединения друзей».

Арест Фрица Фрике также принес немало проблем. В первую очередь они касались того, кто после этого должен был осуществлять административную работу, связанную с Экстернштайном. Как оказалось, у «Наследия предков» не было подходящей кандидатуры. Ситуация осложнялась тем, что в летний период к Экстернштайну фактически ежедневно прибывали различные делегации. В данном случае руководство «Аненэробэ» считало «неприемлемым постоянно использовать научных сотрудников „Аненэробэ“ в качестве гидов и экскурсоводов». Предполагалось, что эти функции можно было поручить Ульриху фон Моцу. В данном случае никак не были учтены пожелания Вольфрама Зиверса, который еще в январе 1938 года выступил против использования Ульриха фон Моца в рамках «Аненэробэ», так как тот «придерживается мировоззренчески-религиозных установок, которые не могут приветствоваться в СС». «Эти люди, со своими детскими духовными представлениями, могут помешать пониманию нашей святыни — Экстернштайна», — делал свой вывод Вольфрам Зиверс. Впрочем, Зиверс признавал, что вся пропагандистская деятельность СС должна была начинаться именно у Экстернштайна (!). В силу кадрового голода было решено сделать экскурсоводом и смотрителем Экстернштайна все-таки Ульриха фон Моца. В данном случае его давнишнее знакомство с Вильгельмом Тойдтом не смогло помешать его новому назначению.

Изгнание из «Аненэробэ» Вильгельма Тойдта и Кинкелина не были единственными перестановками, которые произошли в феврале 1938 года в ээсовских ведомствах, занимавшихся научными и мировоззренческими проблемами. Так, например, в то же самое время из состава Главного управления СС по вопросам расы и поселений был выведен отдел древней и ранней истории, а из Личного штаба рейхсфюрера СС — отдел раскопок. Все они оказались влитыми в «Наследие предков».

Некоторые перестановки в «Аненэробэ», естественно, не могли остановить постоянно усиливавшийся конфликт между Гиммлером и Розенбергом. На этот раз в него оказался втянут Рудольф Гесс. Дело в том, что Гесс передал на ознакомление и вынесение заключения проект законопроекта охраны культурного достояния и предложения относительно Имперского института древней и ранней истории, которые были подготовлены в недрах ведомства Альфреда Розенберга. В ответ на это возмущенный Розенберг заявил, что Гесс как заместитель фюрера по

партии своими действиями грубо нарушил субординацию и утвержденную Гитлером компетенцию деятельности отдельных партийных и государственных чинов. Вместе с тем Гесс как бы косвенно подтвердил право Гиммлера заниматься вопросами древней истории, что изначально не относилось к компетенции рейхсфюрера СС. Розенберг в очередной раз прибегал к помощи аргумента о том, что согласно национал-социалистическим принципам государственного и партийного строительства не могло существовать двух параллельных структур, занимавшихся проблемами древней истории. Как видим, Розенберг неуклонно терял свои позиции. В любом случае именно его во многом вызывающее поведение стало причиной того, что в апреле 1938 года Гиммлер запросил у Рейнхардта Гейдриха досье на Ганса Рейнерта. Кроме этого, сам Рейнерт попал под неусыпный контроль СД, что позволило руководству СС обнаружить у историка «непростительные профессиональные и личные слабости».

И пока СД собирало сведения на Ганса Рейнерта как главного конкурента «Наследия предков», само «Аненэrbэ» занималось тем, что пыталось свести к минимуму последствия недолгого сотрудничества с Вильгельмом Тойдтом. Для этого планировалось осуществить по меньшей мере два мероприятия. Первое из них было попыткой наладить учебную работу у Экстернштайна, который должен был восприниматься в «СС как священное место». В руководстве «Аненэrbэ» планировали, что «подобная деятельность должна была лишить приверженцев Тойдта всяческого влияния в Экстернштайне». Забегая вперед, скажем, что проект не был осуществлен даже отчасти — это еще раз доказывает, как во многих случаях планы «Наследия предков» были далеки от реальности. Вторым мероприятием должна была стать реорганизация «Объединения друзей», что должно было произойти в 1938 году на ежегодном собрании этой организации.

После изгнания Вильгельма Тойдта из «Аненэrbэ» руководство СС не сразу же решилось сообщить эту новость общественности. Поначалу в письменной форме об этом был уведомлен только командир 72-го штандарта СС Мартин и бургомистр Детмольда Келлер, который кроме всего прочего являлся служащим СС. Планировалось, что эта новость будет доведена до сведения публики на ежегодном собрании «Объединения друзей», которое в 1938 году предполагалось вновь провести в Детмольде. Именно тогда научные круги с подачи СС должны были дистанцироваться от Тойдта и его окружения. По этой причине Зиверс приложил немало усилий, чтобы на ежегодном собрании оказались подконтрольные ему

ученые из числа сотрудников «Наследия предков», которые, собственно, и должны были сообщить о разрыве отношений с Вильгельмом Тойдтом. Кроме прочих, на это мероприятие был приглашен археолог Герберт Янкун, который был известен всей Германии благодаря своим раскопкам располагавшегося на границе с Данией крупного поселения викингов — Хайтхабу. Сам Янкун еще в 1937 году вступил в СС и считался одним из самых ценных специалистов «Наследия предков». Когда археолог получил предложение «разоблачить» Вильгельма Тойдта, он испытал немалое облегчение — он уже давно полагал, что Тойдт только компрометировал «Аненэробэ».

В ответном письме, адресованном Зиверсу, Герберт Янкун написал: «То, что касается моего доклада в Детмольде, то я весьма охотно готов предоставить себя в Ваше распоряжение. Это для меня является само собой разумеющимся. До настоящего момента я отказывался от приглашений, приходивших из Детмольда, так как не хотел давать поводов полагать, что якобы как-то был связан с Тойдтом и его планами. Своим докладом я хотел бы показать, как точное описание отдельных находок при небрежении научной объективностью может привести к весьма большим последствиям. Мне кажется важным оказаться в кругу приверженцев Тойдта, так как там господствует представление о том, что точные научные изыскания не могли бы привести к таким результатам, как следование необузданным фантазиям».

Ежегодное собрание «Объединения друзей» проходило с 7 по 10 июня 1938 года и по времени совпадало с проводимой в Детмольде четвертой «Вагнеровской неделей». Руководство СС решило сохранить прежнюю организацию ежегодных собраний «Объединения друзей» — сначала шли доклады, затем экскурсии. Поначалу обстановка была достаточно тихой. В еженедельном приложении к «Липпской государственной газете» (4 июня 1938 года) Вильгельму Тойдту была предоставлена возможность опубликовать большую статью, которая называлась «Исследования древней истории как народная задача». На той же самой газетной странице было опубликовано очень короткое сообщение о приблизительном распорядке ежегодного собрания «Объединения друзей». Эта маленькая заметка была составлена служащим СС Фридрихом Кайзером. Но куда более показательной была заглавная статья, которая была опубликована на первой странице «Липпской государственной газеты». Она была посвящена открытию обоих мероприятий (ежегодное собрание и «вагнеровская неделя»), которое происходило в одном и том же месте — театре Детмольда. В начале приветственного слова бургомистр Келлер

свидетельствовал свое почтение гостям города, а затем указывал на мероприятие, проводимое по линии «Аненэrbэ», подчеркивая, что эта организация являлась исследовательским обществом, которое по приказу рейхсфюрера СС занималось вопросами древней истории. Свое выступление Келлер завершал словами: «К жизни вновь вызваны гордые свидетельства германской праистории. Они, уходящие в глубину тысячелетий, демонстрируют нам неизменные основы нашего немецкого рода».

Если бургомистр Келлер в своем выступлении упомянул и «Наследие предков», и «Объединение друзей», то гауляйтер Майер предпочел не сказать о них ни слова. Забегая много вперед, можно утверждать, что некоторые современные историки полагали, что конфликт между Гиммлером и Майером разгорелся только 1941 году. На самом деле это не совсем соответствует действительности. В 1941 году конфликт между СС и местными партийными властями достиг фактически своего пика, а сам он уходил своими корнями в 1938 год, постепенно набирая силу. Нет никаких сомнений относительно того, что его отправной точкой стало исключение Вильгельма Тойдта из «Аненэrbэ».

По сложившейся традиции ежегодное собрание «Объединения друзей германской праистории» открывало выступление Вильгельма Тойдта. Почти сразу же после этого местная пресса опубликовала репортаж, в котором говорилось, что «доклад почетного гражданина города Детмольда был очень живым и интересным». После этого состоялась экскурсия к Экстернштайну. Затем слово было предоставлено Карлу Керстену, рассказывавшему об исторической топографии Шлезвиг-Гольштейна, и Герберту Янкуну, который должен был поведать о нахождении жертвенников близ Торберга.

Второй день ежегодного собрания начался с поездки к позднесредневековому валовому сооружению Альт-Штернберг, который Тойдт преподносил исключительно как древнейший объект (он не принимал его средневековую датировку). Затем экскурсия прошла по Ляйstrupерскому лесу и закончилась у Бломберга. Репортаж об этом дне заседания заканчивался словами о том, что «сейчас работа в „Наследии предков“ и Институте германоведения набирает обороты». Журналист призывал к тому, чтобы «деятельность „Аненэrbэ“ стала делом всех немцев, которые хотели осознать свои корни и свое расовое происхождение».

Если о конфликте между Вильгельмом Тойдтом и «Наследием предков» еще не сообщалось широкой публике, то его отголоски можно

было услышать в статьях, которые печатались по поручению руководства СС. Так, например, Фридрих Кайзер опубликовал в вестфальской газете «Красная земля» статью, посвященную открытию ежегодного собрания, в которой имелось немало выпадов в адрес Вильгельма Тойдта. В ней, в частности, говорилось: «Когда в 1937 году впервые под эгидой „Наследия предков“ в Гельзенкирхене впервые встретились мужчины и женщины из окружения Тойдта, которые занимаются германскими исследованиями, то были лишь намечены контуры нового проекта, уточнение которых предстоит сегодня и завтра. Уже поэтому от мероприятия в Детмольде надо ожидать разъяснения позиции и установления фронтов. Опекаемая рейхсфюрером СС исследовательская бригада „Немецкое наследие предков“ имеет в своем багаже не только вдохновение, но и более сильное оружие — научную ясность и точность, которые предстоит привить окружению Вильгельма Тойдта, чтобы оно стало достойным наследником дела».

Куда более отчетливо критика в адрес Тойдта звучала в описании его доклада «Культурное крушение 800 года». Например, говорилось: «Вновь исследователь германских древностей предстал перед общиной своих благоговейных друзей. И вновь он озвучивал уже известные тезисы. Если докладу не хватало ясности формулировок и упорядоченности в структуре, то Тойдт пытался возместить это блеском своего появления и горячностью речи». У читателя должно было сложиться очень четкое представление о том, что доклад Тойдта не мог идти ни в какое сравнение, например, с выступлением того же Герберта Янкуна, который согласно данной статье «праздновал свой триумф как представитель точной науки». Сознательное противопоставление «путаного доклада пожилого Тойдта» и «живых выступлений» других ученых должно было расставить «плюсы» и «минусы». Только под конец ежегодного заседания, когда было опубликовано достаточное количество критических материалов, появилась статья, в которой сообщалось, что «Аненэробэ» в ближайшей перспективе предполагало работать без Тойдта и его «друзей». Само же «Объединение друзей» было названо «организацией друзей друзей, нежели действительно друзей германской истории». «Будущее принадлежит „Аненэробэ“, — писал автор статьи, — а потому мы можем требовать, чтобы с его пути были устранены все препятствия, которые нередко чинят наиболее рьяные сторонники „Объединения друзей“ Тот, кто хочет вновь обрести для нас, а значит, для всего народа наследие отцов, которое искажалось и коверкалось на протяжении столетий, должен отбросить в сторону чувствительность и женские страсти, отдав предпочтение только лучшим методам научной

работы».

На первый взгляд могло показаться, что разрыв отношений между Тойдтом и «Наследием предков» был намечен только летом 1938 года. На самом деле это было уловкой, призванной настроить публику против опального профессора. Отчасти это удалось — один из участников ежегодного собрания «Объединения друзей» после окончания мероприятия записал в своем дневнике: «Этот Вольфрам Зиверс — отличный парень. С ним можно хоть в огонь, хоть в воду». Однако руководство СС так и не смогло достигнуть своей изначальной цели — оно не смогло полностью лишить какого-либо влияния Вильгельма Тойдта. Он продолжал все еще пользоваться уважением в Детмольде, полагая, что Экстернштайн являлся его «вотчиной».

На фоне негласного выяснения отношений между «Аненэробэ» и Вильгельмом Тойдтом мы оставили в стороне очередной виток конфликта между Гиммлером и Розенбергом, в который оказался втянут Рудольф Гесс. Поскольку, несмотря на возмущенные высказывания Розенберга, Рудольф Гесс не «внял его просьбам», а равно не предпринял никаких шагов, чтобы приостановить деятельность Гиммлера в области древней истории, Розенберг решил направить несколько писем протеста, в том числе самому Гиммлеру. В них в очередной раз звучало обвинение в нарушении компетенции, утвержденной фюрером. Судя по всему, других доводов у Розенберга более не было. Поводом для одного из этих писем стало начало археологических раскопок у Герденской горы, которые активно поддерживались эсэсовскими структурами. В ответ на эти обвинения Гиммлер иронично ответил в письме: «Я могу только удивляться и завидовать, с какой быстротой до Вас доходит информация. Неужели профессору Рейнерту больше нечем заняться, кроме как постоянно следить за мной? Он появляется буквально везде, где СС начинает раскопки. Я Вас прошу, намекните ему тактично, что он может мне доверять как старому партайгеноссе».

Поводом для второго письма Розенберга, которое было направлено Генриху Гиммлеру, стали перспективные планы «Аненэробэ». Можно предположить, что в данном случае предполагалось создание «центра» «Наследия предков» в Детмольде, что обсуждалось рейхсфюрером СС и гауляйтером Майером в феврале 1938 года. Откуда об этих планах стало известно Розенбергу, сейчас доподлинно установить очень сложно. Впрочем, можно выдвинуть версию о том, что когда между Гиммлером и гауляйтером Вестфалии возникли трения, последний уведомил об этом Розенберга. Впрочем, это не более чем предположение. В любом случае в

августе 1938 года «идеолог партии» и «министр без портфеля» высказывал мнение, что расширение деятельности «Наследия предков» могло «повлиять на духовное и мировоззренческое воспитание в НСДАП», что относилось компетенции рейхсляйтера Розенберга.

А пока вернемся собственно к Экстернштайну. Несмотря на все усилия Гимmlера и Освальда Поля урегулировать финансовую ситуацию в Фонде, к лету 1938 года все работы у этих скал были приостановлены. Тем не менее СС не оставляло Экстернштайн без внимания. Эти утесы стали использоваться в качестве некоего ритуального места, что, видимо, было уже давно задумано Гимmlером. Так, например, именно у Экстернштайна 9 ноября 1938 года принимали присягу «новобранцы» 72-го штандарта СС. Показательно, что на обратном пути эсэсовцы приняли участие в погромах, которые вошли в историю как «хрустальная ночь».

О том, в каком виде должен был предстать Экстернштайн после окончания раскопок и благоустроительных работ, можно узнать из письма Освальда Поля. Он писал: «Остается лишь закончить работы по переустройству. Для этого надо довести шоссе и объездные дороги до все еще открытых сооружений и создать входные ворота. Трамвайные линии должны быть полностью сняты. Но для этого требуются значительные средства. Все имеющиеся в моем распоряжении в настоящее время источники почти полностью иссякли. Но, с другой стороны, надо в срочном порядке заканчивать обустройство, чтобы к весне территория предстала в предусмотренном Вами, рейхсфюрер, виде. В данном случае я вижу выход в привлечении к работам заключенных, о чем у меня уже достигнута договоренность с группенфюрером Эйке».

В случае если бы благоустройство Экстернштайна происходило силами вольнонаемных рабочих, то финансовые затраты составили бы 100 тысяч рейхсмарок. В случае использования бесплатного труда заключенных они были в десятки раз меньше. Этот аргумент показался весьма убедительным, и он санкционировал использование труда заключенных концентрационных лагерей в Экстернштайне, как то и предлагал Освальд Пауль.

Возникновение организации «Круг любителей древней истории» («Крайсринг»; дословно с немецкого «районный кружок», или «Окружной союз»), именно в Липпе имело несколько объективных предпосылок. Во-первых, в Липпе располагался городок Ёрлингхаузен, где еще в свою бытность Ганс Рейнерт наладил хорошие контакты с местными властями, чтобы после окончания археологических раскопок можно было создать подобие музея «Германская усадьба». Кроме этого, имелся Вильгельм

Тойдт со своими сторонниками, который после исключения из «Аненэrbэ» отнюдь не предполагал оставлять занятий древней историей. В его планы как раз входило создание новой организации, в чем-то напоминающей «Объединение друзей германской праистории». В этой связи в ведомстве Розенберга решили использовать в собственных интересах Тойдта, который более не поддерживал контактов с рейхсфюрером СС. В-третьих, в Детмольде и Липпе местные партийные и государственные власти предпочитали игнорировать «Наследие предков», которое претендовало на главенство в вопросах изучения древней истории. О том, что конфликт нарастал, говорят сведения, приведенные начальником одного из отделов «Аненэrbэ». В своем письме он сообщал, что «гауляйтер обычно без согласования с „Наследием предков“ направлял своих гостей непосредственно к Экстернштайну». Хотя очень сложно судить о том, знали ли в 1938 году Ганс Рейнерт о противоречиях, которые существовали между «Аненэrbэ» и местными властями.

Первые упоминания о «Круге любителей древней истории» относятся к февралю 1939 года. Именно в это время начальник курсов повышения квалификации гау Север-Вестфалия обращался к коллеге из Липпе с сообщением о том, что, «возможно, в ближайшее время в Детмольде профессор Рейнерт создаст „Круг любителей древней истории“». По непонятным причинам эти сведения попали в руки Вильгельма Тойдта, который, будучи уже целый год изгнанным из «Аненэrbэ», не преминул обратиться к Гансу Рейнерту. Ответное письмо не заставило себя ждать. В марте 1939 года Рейнерт подтвердил, что «в Детмольде просто необходимо создавать „Круг любителей древней истории“».

Последующая переписка показывает, насколько сложными были отношения даже между сторонами, которые намеревались вести «игру» против «Аненэrbэ». В письме, адресованном начальнику курсов повышения квалификации, Ганс Рейнерт просил не привлекать слишком активно Вильгельма Тойдта к сотрудничеству, по крайней мере до того момента, пока не будет создан «Круг любителей». Одновременно с этим он направил письмо самому Тойдту, в котором сообщал, что с радостью готов начать сотрудничество, но не ранее того, как будут решены организационные моменты, связанные с созданием «Круга любителей». Как видим, Рейнерт был очень заинтересован в многочисленных сторонниках Тойдта, но не намеревался допускать пожилого профессора к управлению новой организацией.

Учредительное собрание «Круга любителей» состоялось 11 апреля 1939 года. На нем, кроме представителей «Имперского союза древней

истории», местных чиновников и Ганса Рейнерта, также присутствовал Юлиус Андрее, который некогда руководил раскопками в Экстернштайне. На собрании было заявлено, что «Круг любителей» должен был являться официальным органом партии, но это были не более чем громкие слова. Эта организация отнюдь не воспринималась всерьез никем, кроме некоторых местных партийных чиновников. Кроме этого, Ганс Рейнерт слишком поздно стал предпринимать попытки создать новое объединение — к тому моменту Розенберг утратил большинство своих позиций.

Судя по всему? Тойдт понял хитрую игру Рейнерта, а потому не стал пытаться во что бы то ни стало попасть в правление «Круг любителей». После того как он не был приглашен на учредительное собрание этой организации, Тойдт собрал своих сторонников, чтобы подготовиться к созданию «Общества Оснингмарк». Оно было учреждено 20 мая 1939 года. Против этого никто не возражал. К тому моменту из лагеря был выпущен Фриц Фрике, который тут же присоединился к «Обществу Оснингмарк», став одним из его самых видных активистов. Таким образом, Тойдт, утратив контроль над «Объединением друзей», смог сплотить своих последователей в рамках «Общества Оснингмарк».

Гауляйтер Майер сопровождает во время экскурсии по Экстерштайну военного министра Бломберга

Как уже говорилось выше, в 1938 году Гиммлер «просил» суд Детмольда поставить его в известность, когда Вильгельм Тойдт запланирует создание новой организации. Эта «просьба» была оставлена без внимания, что еще раз характеризует отношения между местными властями и руководством СС. Но тем не менее наметившееся сотрудничество «Круг любителей», «Общества Оснингмарк» и ведомства Розенберга не осталось незамеченным в «Наследии предков». Более того, конфликт стал разгораться с новой силой, что было в очередной раз связано с Экстернштайном. Оказывается, без уведомления Гиммлера или «Аненэрбэ» у скал было запланировано провести сбор так называемой «старой гвардии». В «Наследии предков» сочли, что это было предельным неуважением, проявленным со стороны местных властей к руководству СС. Разбираясь в ситуации, сотрудники «Аненэрбэ» «добыли» сведения о

возможном сотрудничестве ведомства Розенберга и «Общества Оснингмарк». После этого новую организацию Вильгельма Тойдта уже не выпускали из-под контроля. «Наследие предков» получило приказ направлять на все мероприятия общества хотя бы одного своего сотрудника, который должен записывать всё, что высказывалось и заявлялось. Как результат, несколько дней спустя после основания «Общества Оснингмарк» начальник отдела германоведения «Аненэробэ» сообщил в Берлин: «Оно должно интересовать нас. „Общество Оснингмарк“ ни в коем случае нельзя оставлять без контроля. При этом мы должны продемонстрировать, что только наши изыскания в Экстернштайне имеют абсолютную научную ценность».

Несмотря на все эти соображения, «Наследие предков» так и не смогло воспользоваться случаем, который представился во время так называемой экскурсии «Вестфальской старой гвардии», чтобы выгодно продемонстрировать итоги своей деятельности. Причем именно данное мероприятие сделало очевидными для многих многочисленные противоречия, которые существовали между «Наследием предков» и местными властями. В те дни задуманное переселение «Аненэробэ» в Детмольд в силу различных причин затягивалось, а потому «старой гвардии» это эсэсовское общество не могло предложить даже некое подобие музея Экстернштайна. Сам исторический комплекс являлся фактически только скалами, которые находились непосредственно под открытым небом. Единственное, что было сделано в этом месте — плетеная изгородь да небольшие деревянные ворота, на которых была вывешена написанная готическим шрифтом вывеска «Соблюдайте тишину у святыни предков».

«Соблюдайте тишину у святыни предков». Надпись на воротах, которая была сделана по приказу Гиммлера

Экскурсия «Вестфальской старой гвардии» была одним из мероприятий, которые были приурочены к очередной годовщине прихода к власти Гитлера, что должно было укрепить национал-социалистическую мифологию. Событиям 30 апреля 1933 года всегда уделялось очень большое внимание в национал-социалистической пропаганде, а потому в Вестфалии их организацию и проведение курировал лично гауляйтер Майер. Он составил программу торжеств, которая в том числе предусматривала визит партийцев-ветеранов к скалам Экстернштайна. Здесь должна была быть проведена экскурсия.

Изгородь у Экстернштайна, поставленная в конце 30-х годов

Поначалу скалы должны были быть показаны на некотором удалении, предположительно, из окон экскурсионных омнибусов. Данный вариант не должен был вызвать какого-либо конфликта. В данном случае крайсляйтер предполагал, что эта обзорная экскурсия займет не более 15 минут. Но тут в дело вмешался гауляйтер Майер. Он не только настоял на том, чтобы делегация «ветеранов НСДАП» приблизилась к скалам, но и увеличил время экскурсии до 45 минут. Группу из семисот человек должен был также сопровождать костюмированный почетный караул с двуручными мечами.

На тот момент Экстернштайн не имел специфического «германского обрамления», как это было с памятником Герману или музеем в Детмольде, где была устроена специфическая выставка «Свет идет с Востока». В рамках данной выставки утверждалось: все, что прибывает с Востока, является «неполноценным» (прежде всего подразумевалась еврейская культура). Германцы же, по мнению устроителей выставки, должны были быть обращены на север, где «зарождалась истинная культура». Однако

национал-социалистическая пропаганда не могла обойти стороной результаты раскопок у Экстернштайна. «Старой гвардии» рассказывалось, что археологические раскопки дали «однозначные доказательства того, что здесь еще в незапамятные времена жили люди, которые оставили после себя следы, датируемые 500–700 годами до нашей эры». Кроме этого, участники экскурсии узнали о том, что скалы и прежние их сооружения очень сильно пострадали во время христианизации Германии.

Поскольку визит к скалам нескольких сотен человек никак не был согласован ни с руководством СС, ни с «Наследием предков», во время экскурсии пришлось сделать несколько реверансов в их сторону. В частности, утверждалось, что Экстернштайн находится под личной опекой рейхсфюрера СС, а «Аненэrbэ» пытается решить все загадки, которые связаны с этими утесами.

Действительно, в «Наследии предков» планировали продолжить изучение Экстернштайна. Для начала предполагалось привести в порядок и обработать все археологические находки. Для этого филиалу «Аненэrbэ», располагавшемуся в Хорне, было предписано тесное сотрудничество с ээсовским археологом Вильгельмом Йорданом, который служил в замке Вевельсбург^[10].

На самом деле филиал «Наследия предков» как таковой возник в Хорне только в сентябре 1939 года. В здании бывшего детского дома расположились отдел, занимавшийся Экстернштайном, и «Архив рун и символов».

Эсэсовский археолог Вильгельм Йордан

Если говорить о предпринятых «Аненэробэ» в это время исследованиях Экстернштайна, то они во многом носили весьма сомнительный характер. Так, например, один из немецких кладоискателей, который использовал метод биолокации, смог навязать начальнику одного из отделов «Наследия предков» Бруно Швайцеру мысль о том, что перед одной из скал, на глубине 7 метров, находятся искусственные пустоты, которые могли использоваться в далеком прошлом в качестве могильников. Будучи уверенным в правдивости подобных «предсказаний», Бруно Швайцер начал готовить новые археологические раскопки. Предполагалось изъять приблизительно 12 метров земли, чтобы обнаружить в указанном месте полости, которые могли содержать в себе бесценные находки. Уже одно это начинание наглядно демонстрирует, что «Аненэробэ» постепенно отошло от методов «точной науки», отдав предпочтение способам, более подобающим «дилетантам» и «шарлатанам», коих в свою бытность очень жестко критиковали в эсэсовском обществе.

Если говорить о конфликте между СС и властями Детмольда, который имел непосредственное отношение к Экстернштайну, то он фактически стал достоянием общественности летом 1939 года. Поводом для очередного

витка конфликта стал выбор места для проведения праздника летнего солнцестояния летом 1939 года. Эсэсовцы проводили его у Экстернштайна, при этом на этот праздник демонстративно не пришел ни один из представителей местных властей. В нем принимали участие служащие и учащиеся юнкерской школы СС в Брауншвейге, а также местное подразделение «Союза немецких девушек». Одновременно с этим по инициативе крайсляйтера Веддервилле местные власти проводили свой собственный праздник, который проходил на Хиддеской горе близ Детмольда.

На тот момент в «Наследии предков» решили, что местные власти утратили интерес к «германской святыне», а потому задумали в очередной раз ее преобразовать. Обсуждение планов, связанных с Экстернштайном, проходило в рамках так называемой «научной недели», проходившей по инициативе «Аненэробэ» в конце августа 1939 года в Киле. Именно на этом мероприятии состоялась продолжительная беседа между Бруно Швайцером и только что назначенным на должность начальника отдела германских построек «Наследия предков» Мартином Рудольфом. Мартин Рудольф находил, что территория, примыкающая к скалам Экстернштайна, почти идеально подходила для того, чтобы создать там музей под открытым небом в «нордическом стиле». Музей должен был представлять собой 20–30 самых различных «германских построек», среди которых особое место должно было отводиться немецким крестьянским дворам в старой манере. Кроме этого, планировалось возвести несколько исторических имитаций, изображавших архитектуру давнего прошлого. В частности, должны были быть возведены «нордическое святилище» и здание храма, характерное для Северной Европы. По большому счету этот проект был конкурентом музея, который Ганс Рейнерт планировал возвести в Ёрлингхаузене. Но об этом, естественно, не говорилось ни слова.

Глава 5. Экстернштайн в годы Второй мировой войны

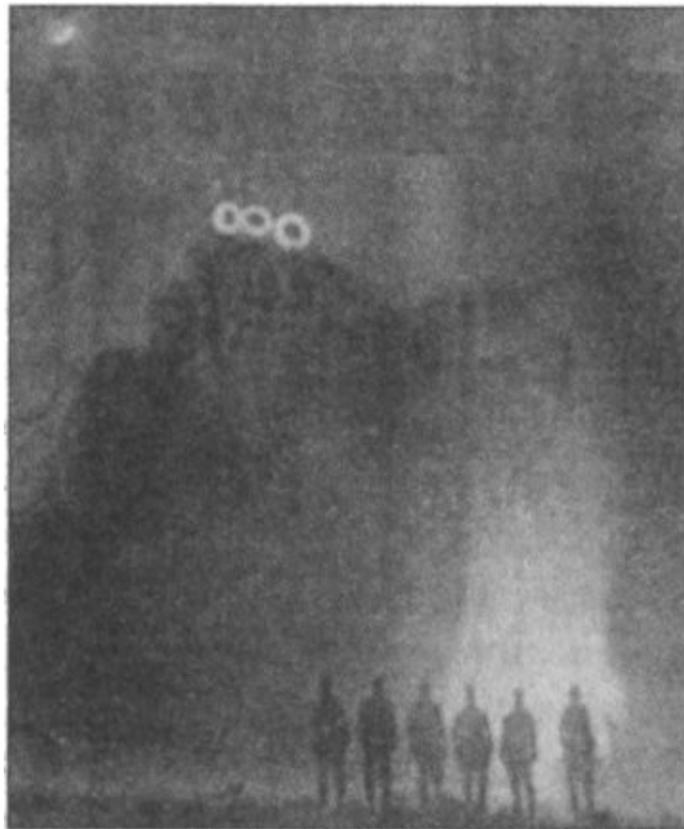
Начало Второй мировой войны отнюдь не положило конец многочисленным противоречиям, которые касались не только Экстернштайна. Напротив, оккупация Германией части европейских территорий привела к тому, что между ведомством Розенберга и «Наследием предков» начались новые конфликты. Представители этих организаций в буквальном смысле слова следовали за солдатами вермахта, пытаясь закрепиться на «новых землях», а это в свою очередь приводило к новым трениям. Состоявшие на службе в СС исследователи и научные специалисты планировали, что в Польше они займут места польских ученых, вытеснив их из университетов, музеев и библиотек. О том, какими методами планировалось вести «вытеснение», говорит спецакция «Краков», которая была осуществлена 6 ноября 1939 года. Во время ее осуществления было арестовано около 200 польских профессоров, которые были направлены сначала в концентрационный лагерь Заксенхаузен, а затем в Дахау. Нет никакого сомнения в том, что многие немецкие археологи вынашивали мечту о том, что после окончания войны они смогли бы открыть для себя «terra incognita», а именно пространства Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Кроме того, оккупационная политика, которую проводили немцы, давала для многих исследователей подобные «головокружительные возможности».

Начало Второй мировой войны в Германии, кроме всего прочего, было ознаменовано ограничением общественных мероприятий. Так, например, оказался закрыт доступ к скалам Экстернштайна. Это произошло четыре недели спустя после того, как Германия напала на Польшу. Руководство отдела «Аненэробэ», который располагался в Хорне, посчитало, что данное распоряжение существенно ограничивало его деятельность. Впрочем, это предписание не мешало «Объединению друзей» и непосредственному управляющему руководству Экстернштайна проводить некоторые мероприятия. Это указывало на то, что «Наследию предков», несмотря на лишение Вильгельма Тойдта всех постов в ээсовской организации, так и не удалось свести до минимального уровня влияние опального профессора на Экстернштайн.

В декабре 1939 года Имперское министерство пропаганды издало указ, согласно которому праздник зимнего солнцестояния мог проводиться

только в тех областях, где не требовалось соблюдать светомаскировку. По этой причине в гау Север-Вестфалия празднество было фактически запрещено. Традиционно проводимое у четвертой скалы Экстернштайна празднество солнцестояния (как летнего, так и зимнего) фактически оказалось под запретом.

Дальнейшее преобразование Экстернштайна и прилегающих к нему территорий застопорилось фактически после начала Второй мировой войны. Впрочем, начало боевых действий в Европе не было главной причиной этих задержек. Задуманный Рудольфом Мартином и Бруно Швайцером музей под открытым небом с несколькими десятками «древнегерманских построек» требовал немалых финансовых средств, которые пребывавшее в бедственном положении «Аненэрбэ» едва ли могло самостоятельно отыскать.

Делегация Имперской трудовой службы у Экстернштайна в 1939 году

Также можно было бы предположить, что этот дорогостоящий проект пришелся не по вкусу Гиммлеру, который был известен своей бережливостью и рачительным отношением к деньгам. Однако письмо, которое рейхсфюрер СС написал в апреле 1940 года, показывает, что Гиммлер отчасти поддерживал идею создания музея под открытым небом.

Он лишь несколько трансформировал ее в соответствии с собственными представлениями о том, как должна была выглядеть «германская святыня — Экстернштайн».

У двух проходов к скалам предполагалось возвести несколько строений в вестфальском крестьянском стиле. Попасть к Экстернштайну можно было, пройдя через них. В этих зданиях посетитель должен был приобрести буклет, посвященный скалам. Этот буклет должен был выполнять функцию входного билета. Гиммлер писал: «Таким образом, тетрадка с описанием утесов и их истории может быть оставлена на память в библиотеке, а кроме этого мы будем освобождены от необходимости продавать к германской святыне бесформенные билеты». Рейхсфюрер СС предполагал, что в каждом из помещений «крестьянских зданий» будут находиться картины и изображения Экстернштайна, рисунки того, как он выглядел в далеком прошлом. «Посетитель, который направится к Экстернштайну, будет духовно и психологически подготовленным». Кроме этого, Гиммлер планировал существенно изменить подъемы к первым трем скалам Экстернштайна. «Мы должны хотя бы в некоторой степени привести их в состояние, в котором они пребывали в глубоком прошлом. Я поручаю „Аненэрбэ“ привлечь специалистов по деревянному германскому зодчеству, которые должны спроектировать новые лестницы, изготовленные из дерева. Это должно происходить в тесном сотрудничестве с штурмбанфюрером Вайгелем. Мы должны избавиться от этих ужасных чугунных конструкций. Все проекты должны быть согласованы лично со мной. Каждый из них должен быть утвержден мною лично».

Как видим, Гиммлер озвучил целую программу преобразования Экстернштайна, который должен был отвечать его представлениям о «германской святыне». Само собой разумеется, эта программа должна была воплощаться в жизнь после предполагаемой победы Германии во Второй мировой войне. Само же ее выполнение было поручено нескольким ээсовским подразделениям, в том числе «Аненэрбэ». Данный проект существенно отличался от представлений того же Юлиуса Андрее, который также планировал в свое время преобразить окрестности Экстернштайна. Остается открытым вопрос, собирался ли Гиммлер устанавливать Ирминсул близ Экстернштайна или на одной из его скал. Этот момент был едва ли не центральным в проектах Юлиуса Андрее, но о нем фактически ничего не было сказано в письме Гиммлера. Планам Гиммлера не было суждено сбыться. Единственным осуществленным пунктом его программы стало вручение всем посетителям Экстернштайна небольшого буклета,

стоимость которого входила в цену входного билета. Гиммлер всегда предполагал, что Экстернштайн был не просто достопримечательностью, а объектом, призванным служить мировоззренческой и духовной обработке немцев, в первую очередь служащих СС.

Сохранившиеся в архивах документы показывают, что весной 1940 года Экстернштайн вновь стал объектом противостояния между «Аненэrbэ» и «Крайсрингом». Во многом это было связано с тем, что отдел германоведения «Наследия предков» должен был перебраться в Хорн. Кроме этого, конфликт усиливался очевидными противоречиями, которые существовали между «Аненэrbэ» и местными партийными чиновниками. Эти противоречия обострялись благодаря тому, что «Крайсринг», связанный с ведомством Розенберга, стал претендовать на финансовые средства местных властей, изначально предполагавшиеся для выделения «Наследию предков».

Если до начала Второй мировой войны сторонний наблюдатель мог только предполагать, что между эсэсовской организацией и местными властями существовали какие-то недоговоренности, то после февраля 1940 года о них могли знать многие люди. Именно в это время Карл Теодор Вайгель, являвшийся начальником расположенного в Хорне исследовательского отдела по изучению письменности и символики, предложил правительству Липпе свои услуги в качестве лектора. Он предполагал, что возглавляемый им отдел мог бы делать доклады для солдат вермахта и служащих партийных инстанций. Поскольку не сохранилось никаких указаний относительно того, что подобное предложение поступило от руководства «Аненэrbэ», можно предположить, что это была личная инициатива самого Вайгеля. По большому счету это подтверждается письмом, которое Вайгель направил Вольфраму Зиверсу в Берлин. В нем начальник исследовательского отдела сообщал организационному руководителю «Аненэrbэ» о том, что «Вильгельм Тойдт и „Общество Оснингмарк“ активно планирует серию докладов, которые будут прочитаны офицерам вермахта». Далее следовало предложение, что «Наследие предков» само могло бы перехватить эту инициативу.

Когда Вайгель с подобным предложением обратился к крайсляйтеру НСДАП, то получил однозначный отказ. Кроме этого, ему как официальному представителю «Аненэrbэ» было заявлено, что «в целом неизвестно, может ли использоваться Ваша организация для подобного рода деятельности». Одновременно с этим крайсляйтер одобрил серию докладов, которая читалась сотрудниками «Круга любителей». Однако Вайгель не сделал сам собой напрашивавшийся вывод о том, что местные

партийные чиновники открыто продемонстрировали свое пренебрежение «Аненэrbэ». Он наивно полагал, что это было предложением присоединиться к деятельности «Круга любителей». Впрочем, само по себе это предложение было оскорбительным для исследователей, состоявших на службе в СС. А потому некоторое время спустя крайсляйтер Веддервилле получил решительный отказ, со словами: «Данное предложение является неприемлемым». Кроме этого, Вайгель указывал в своем письме, что возглавляемый им отдел «Аненэrbэ» был известен по всей Германии. Указания на «известность» не произвели никакого впечатления на партийных функционеров. Именно этим можно объяснить то, что крайсляйтер впредь пытался избегать любых контактов в «Аненэrbэ».

С самого момента своего основания «Круг любителей древней истории» пытался всячески перетянуть на себя финансовые средства, которые выделялись правительством Липпе для Фонда «Экстернштайн» и «Наследия предков». Пытаясь отстранить от этой «кормушки» эсэсовские структуры, «Круг любителей» намеревался самостоятельно осуществлять исследования в области древней истории. Принимая во внимание подобные установки, не было ничего удивительного в том, что в определенный момент руководство «Круга любителей» обратилось к гауляйтеру Вестфалии с просьбой обеспечить финансирование, достаточное для собственных изысканий. При этом указывалось на то, что Фонд «Экстернштайн» ежегодно получал около 8 тысяч рейхсмарок. Руководство «Круга любителей» ставило под сомнение, что данные средства тратились именно на раскопки и изучение Экстернштайна. Было заявлено, что за более скромную сумму «Круга любителей» готов был более эффективно выполнять те же самые задачи. Но «Круг любителей» не намеревался ограничиваться Экстернштайном. В качестве первоочередных задач кроме всего прочего назывались раскопки в Гортенбурге и изучение так называемой «головой Пипина», которая располагалась близ Дёрентрупа. В дальнейшем планировалось изучение Ёстерхольца и Ляйstrupерского леса. Уже перечисление этих объектов однозначно указывает на то, что в игру вступил Вильгельм Тойдт — именно он уделял им повышенное внимание. Более того, утверждалось, что подготовительные работы для изучения названных мест велись с 1938 года, то есть с того момента, когда Вильгельм Тойдт был изгнан из «Аненэrbэ». Это предположение подтверждается тем, что в ведомстве Розенберга ничего не знали об этих планах, а потому их инициатива могла исходить только из Детмольда.

Несмотря на то что некоторое время в ведомстве Розенберга ничего не знали об упомянутых выше переговорах, сведения о них утаить не удалось.

О данном начинании Ганса Рейнерта проинформировал его давнишний приятель Штампфусс, который входил в состав «Круг любителей».

Рейнерт был весьма обрадован запланированными раскопками в Гротенбурге, не меньшее воодушевление испытывал и Штампфусс.

Археолог показывает, сколько каменных блоков было выбито из лестницы у «каменной гробницы»

Однако последний в одном из частных писем спрашивал Рейнерта, что происходило нового в сфере древней истории? Этот вопрос говорит о том, что Штампфусс фактически ничего не знал о противоречиях и конфликтных ситуациях, которые имелись в Липпе и Вестфалии. Более того, Штампфусс беспочвенно опасался, что «Аненэрбэ» «слишком глубоко запустило свои щупальца в вестфальские земли».

На тот момент «Аненэрбэ» пыталось привлечь к сотрудничеству Августа Штирена. Но ученый отказывался идти на службу в СС. Он предпочитал заниматься самостоятельными исследованиями, лишь косвенно поддерживая «Аненэрбэ» в части мероприятий, которые были направлены против Альфреда Розенберга. Но в «Наследии предков» не оставляли надежды, что известный ученый все-таки изменит свое мнение. В «Аненэрбэ» предполагали, что сотрудничество можно было наладить

именно по проблеме Экстернштайна. Ученого пытались даже заинтриговать «новыми археологическими находками». Так, например, Йозеф Пласман сообщал в одном из своих писем Штирену, что «в скалах были найдены следы многочисленных искусственных приспособлений, который можно датировать эпохой древней или ранней истории». Пласман описывал небольшие ниши, которые были обтесаны острым резцом. Предполагалось, что это могло быть связано с изучением движения Земли и астрономическими наблюдениями. Пласман очень настойчиво приглашал Штирена ознакомиться с этими находками. Кроме этого, он отмечал: «Рейхсфюрер СС весьма заинтересован в продуктивных результатах изучения Экстернштайна, которое до настоящего момента являлось недостаточным». Несмотря на то что ответного письма Штирена не сохранилось, можно предположить, что он отверг данное предложение, предпочитая сохранять четкую дистанцию от «Наследия предков».

Если же говорить об упоминавшихся в письме Пласмана «открытиях», то очень сложно установить, шла ли речь о находках, которые были сделаны в 1940 году гауптштурмфюрером СС Вильгельмом Йорданом, либо же о более ранних находках.

Между тем произошли события, которые в очередной раз привели к ухудшению отношений властей Детмольда и «Аненэrbэ». В данном случае речь идет о праздновании 80-летия Вильгельма Тойдта, которое проходило в декабре 1940 года. Сторонники пожилого профессора и ведомство Розенберга решили использовать этот юбилей в собственных целях. Ганс Рейнерт даже планировал провести торжества не только в Детмольде, но и в Берлине. В «Аненэrbэ» предпочитали не вмешиваться в ситуацию, наблюдая за развитием событий из Хорна, где располагалось несколько отделов «Наследия предков». Эсэсовскую структуру интересовали не столько действия Розенберга и его «паладинов», сколько деятельность «Общества Оснингмарк». О ситуации в обществе докладывал школьный советник Волленхаупт, который не только входил в окружение Вильгельма Тойдта и был одним из активистов «Немецкого союза», но и с 1938 года состоял на службе в СС.

Между тем восхищенные поклонники Тойдта планировали превратить 80-летие профессора в некое пропагандистское действие по чествованию «старого бойца». Для этого они обратились к крайсляйтеру Веддервилле с просьбой оказать Тойдту особые почести, а также выделить отдельное финансирование для «Общества Оснингмарк» и «Круг любителей», которые изображались ими как «действительно действующие в Детмольде германоведческие структуры». Остается неизвестным, передал ли эту

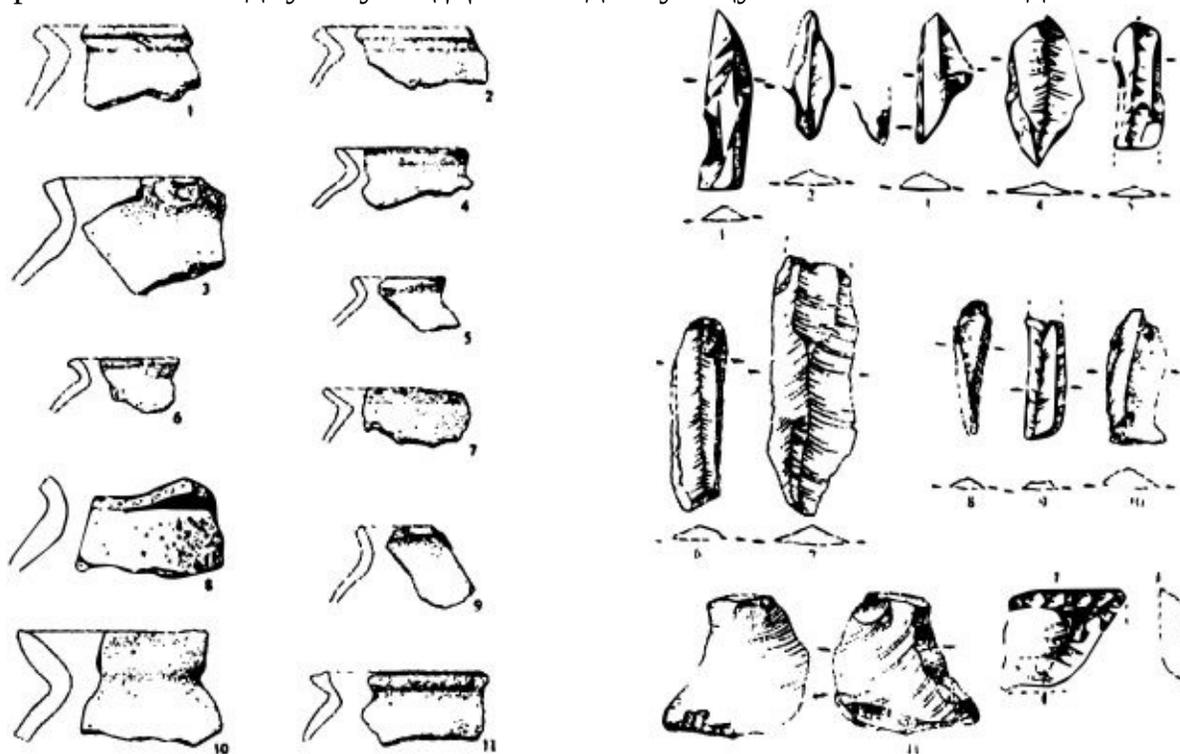
просьбу крайслейтер гауляйтеру Майеру. Однако в ноябре 1940 года Майер обратился в Имперское министерство воспитания с ходатайством о награждении Вильгельма Тойдта «Медалью имени Гёте». Сразу же надо оговориться, что и Имперское министерство воспитания, и гауляйтер Майер поддерживали Вильгельма Тойдта еще с 1933 года. Когда об этом обращении узнали в «Наследии предков», то в министерство было направлено несколько протестов. Руководство «Аненэробэ» хотело любыми силами помешать награждению Тойдта. В одном из этих протестов говорилось: «Профессор Тойдт полностью перешел на сторону профессора Рейнерта, а с некоторых пор намеревается издавать конкурирующий журнал „Германия“. Награждение его „Медалью имени Гёте“ дало бы для его немногочисленного окружения новый стимул для противодействия объективным исследованиям, что было бы крайне нежелательно». В этих письмах «Аненэробэ» пыталось разыграть карту Ганса Рейнерта, который издавна считался противником Имперского министерства воспитания. По сведениям, поступившим в СС от Волленхаупта, Рейнерт намеревался произнести большую речь во время поздравления юбиляра.

Ганс Рейнерт

Несмотря на то что руководство «Аненэробэ» однозначно высказалось

против награждения Вильгельма Тойдта, эсэсовская структура не смогла предотвратить вручение «Медали имени Гёте» пожилому профессору. В этой аппаратной игре «Наследие предков» проиграло гауляйтеру Майеру. Медаль была вручена Тойдту в торжественной обстановке 8 декабря 1940 года. На грудь ее пожилому исследователю повесил крайсляйтер Веддервилле. В своем выступлении этот партийный чин заявил, что «партия никогда не забудет его (Тойдта) борьбу за дело обновления немецкого духа, за немецкую честь». После этого было предложено переименовать одну из улиц Детмольда в улицу Вильгельма Тойдта.

*Страница из каталога археологических находок близ Экстернштайна.
Рубила каменного века*

Во время юбилейного мероприятия Юлиус Андрее, который выступал в роли представителя «Имперского союза древней истории», не только поздравил Тойдта, но и сделал небольшой доклад, сопровождавшийся показом диапозитивов. Андрее в очередной раз рассказал о результатах, проводимых им в 1934–1935 годах раскопок у Экстернштайна, неоднократно подчеркнув, что они подтвердили истинность теорий юбиляра. Несколько дней спустя торжественное мероприятие произошло в Берлине. На нем присутствовали в основном представители «Имперского союза древней истории» и члены столичного филиала «Общества

Оснингмарк».

Об итогах данных мероприятий 11 декабря 1940 года Волленхаупт доложил Карлу Теодору Вайгелю, как официальному представителю «Аненэrbэ». В первую очередь Волленхаупт обратил внимание на то, что Тойдт появился на людях не в эсэсовской форме (несмотря на лишение постов в «Наследии предков», из СС профессора никто не исключал), а в гражданской одежде со знаком «Немецкого союза» на лацкане.

В своем отчете о состоявшейся беседе Вайгель делал следующие выводы: «За всей этой чрезмерно активной деятельностью „Общества Оснингмарк“ стоит профессор Рейнерт. Крайслайтер, который не имеет ни малейшего понятия о делах культуры, упрямо следует указаниям Рейнерта, которые поступают „сверху“. Для него Рейнерт является представителем ведомства Розенберга, а потому полученные указания воспринимаются как обязательные к исполнению. Становится вполне отчетливым, что в работе против нас активно используется Тойдт». Кроме этого, были приведены слова Волленхаупта о том, что «Общество Оснингмарк» «однозначно действует против „Аненэrbэ“». В частности, приводились сведения о распространении слухов, будто бы в «Наследии предков» «окопались скрытые католики». После этого деятельность Вильгельма Тойдта была взята под контроль СД. После нескольких месяцев наблюдений эсэсовская служба безопасности сообщала, что «после того, как Тойдт был награжден „Медалью имени Гёте“, деятельность „Общества Оснингмарк“ стала явственно ориентирована против „Наследия предков“».

Опасения, которые испытывали в «Наследии предков», не были пустыми страхами. Фактически после празднования 80-летия Вильгельма Тойдта местные партийные власти предприняли отчетливую попытку лишить «Аненэrbэ» его позиций в Экстернштайне, то есть отстранить эсэсовскую структуру от исследования «культовых скал».

9 января 1941 года в Липпе прибыл Артур Зейсс-Инкварт, имперский комиссар Нидерландов. Стандартная культурная программа во время визита высоких гостей предполагала осмотр Экстернштайна. Крайслайтер Веддервилле в данном случае обратился с просьбой провести экскурсию не к структурам «Аненэrbэ», располагавшимся в Хорне, а непосредственно к Вильгельму Тойдту. Тот же в свою очередь во время рассказа пытался представить дела так, будто бы «Наследие предков» занималось малозначительными вещами. При этом сам Тойдт не преминул несколько раз подчеркнуть, что его теории были подтверждены археологическими находками. После этого раздраженный Карл Теодор Вайгель высказал пожелание, чтобы партийные органы более никогда не использовали «для

подобного рода экскурсий» престарелого Вильгельма Тойдта. Но эта настойчивая просьба не была услышана — все последующие экскурсии проводились если не самим Тойдтом, то его учениками. Подобная «наглость» переполнила чашу терпения Вайгеля, и тот обратился с письмом к организационному руководителю «Аненэrbэ» Вольфраму Зиверсу. В нем он говорил, что «Общество Оснингмарк» фактически начало открытую кампанию против «Наследия предков». В качестве ответной меры Вайгель обратился с просьбой к командованию эсэсовского штандарта, расположенного в Детмольде, чтобы то выделило нескольких человек для использования их в качестве экскурсоводов. Кроме этого, предполагалось, что сотрудники «Аненэrbэ» будут организовывать визиты в Экстернштайн раненных во время боев солдат и офицеров ваффен-СС. После этого правление Фонда «Экстернштайн» направило крайсляйтеру сообщение о том, что «во время экскурсий у скал необходимо соблюдать строгую научность, так как их трактовка вызывает множество споров». Крайсляйтер Веддервилле понял это письмо как запрет проводить экскурсии у Экстернштайна без сопровождения сотрудников «Аненэrbэ».

К тому моменту докладные, которые были подготовлены Вайгелем, через руководство «Аненэrbэ» попали на стол Гиммлеру. Реакция рейхсфюрера СС была очень жесткой. 24 марта 1941 года Гиммлер направил официальное письмо к гауляйтеру Майеру, в котором заявил, что «в последний раз обращается по проблеме Экстернштайна». Ссылаясь на «партийное товарищество» и старое знакомство еще со времен выборов в ландтаг 1932–1933 годов, Гиммлер просил устранить «непонятное ему сопротивление липпского правительства». Далее в письме Гиммлер сообщал: «Меня смущает отнюдь не 80-летний упрямый старик, который может быть и не совсем вменяем. Я нахожу досадным, что некоторые чины поддерживают нападки этого старика на „Наследие предков“. Партайгеноссе Майер, я не хочу и не ищу ссоры с Вами. По этой причине я отказался полностью переводить „Аненэrbэ“ в Детмольд. Подобное решение привело бы только к новым противоречиям и к взаимным укорам. Однако если я хочу избежать конфликта, то отнюдь не должен покидать Ваше гау со всеми филиалами „Аненэrbэ“. Это едва ли возможно, так как на Экстернштайн, к которому я проявляю личный интерес, затрачено слишком много финансовых средств охранных отрядов НСДАП».

На этот раз угрозы Гиммлера были вполне ощутимыми, чтобы на них нельзя было прореагировать. Несмотря на то что разногласия между «Аненэrbэ» и местными властями возникли еще в 1938 году, на этот раз партийными органами было проведено некое подобие «расследования».

Майер направил копию письма Гимmlера в правительство Липпе с просьбой подготовить ответ. Ответ оказался длинным письмом на 11 страницах. В нем крайслейтер Веддервилле пытался изложить свои аргументы против сотрудничества с «Аненэrbэ» по проблеме Экстернштайна. Во-первых, он указывал на то, что в период с 1934 года земельные власти затратили на Экстернштайн более миллиона рейхсмарок. Кроме этого, он говорил о том, что во время работ в Экстернштайне СС активно помогало местное управление лесов, а потому обвинение в недостаточном уровне сотрудничества сторон было «беспочвенным». Во-вторых, упоминалось о том, что ежегодно отделу «Наследия предков», находившемуся в Детмольде, выплачивалось 3 тысячи рейхсмарок. Эта сумма продолжала поступать на счета «Аненэrbэ» даже после того, как из организации оказался исключен Вильгельм Тойдт («хотя местные власти не получили об этом никаких уведомлений»). При этом Веддервилле не исключал, что в будущем правительство Липпе будет оказывать финансовую поддержку «Обществу Оснингмарк», как одной из структур, занимавшейся краеведческими изысканиями. Поскольку правительство Липпе рассматривало новую организацию Вильгельма Тойдта как «благотворительную», то ей безвозмездно было передано в пользование два помещения.

В своем ответе Веддервилле отнюдь не собирался оправдываться, напротив, он даже пытался перейти в «контрнаступление». В частности, указывалось, что «Наследие предков» не слишком активно привлекало для работы в Экстернштайне членов Национал-социалистической партии. Награждение же Тойдта почетной медалью, по мнению Веддервилле, нельзя было рассматривать как «происки», направленные либо против «Аненэrbэ», либо против рейхсфюрера СС лично. В целом крайслейтер изображал ситуацию так, будто бы именно правительство Липпе несло на себе основную тяжесть финансовых затрат, связанных с изучением и преобразованием Экстернштайна.

На самом деле в своем ответе крайслейтер Веддервилле нашел очень уязвимое место в позиции Гимmlера, что в перспективе позволяло местным органам фактически лишить «Аненэrbэ» власти в Экстернштайне. В дальнейшем это стало поводом для того, чтобы правительство Липпе не раз пыталось ограничить деятельность «Наследия предков». Крайслейтер Веддервилле нашел достаточное количество аргументов для того, чтобы доказать, что скалы Экстернштайна имели «исключительное значение для национал-социалистической идеологии». Опираясь на эти выводы, он предлагал, чтобы в будущем скалы Экстернштайна стали местом

проведения общеимперского праздника летнего солнцестояния. В нем должны были принимать участие первые лица НСДАП и ее подразделений. Расположенная под открытым небом группа утесов подходила для этих целей не только с «эстетической» точки зрения. Согласно теориям Вильгельма Тойдта, в прошлом Экстернштайн являлся местом проведения подобных празднеств у саксов. Предложение «привязать» скалы Экстернштайна не столько к СС, сколько к партийным органам, нашло активную поддержку в гауляйтера Майера. В ноябре 1941 года он начал соответствующие переговоры с представителями Фонда «Экстернштайн», которые на тот момент находились в Берлине. Из протокола встречи значилось, что возмущенные представители СС покинули данное совещание.

После этого в декабре 1941 года в Детмольде состоялось новое совещание, на котором уже не было ни сотрудников «Аненэрбэ», ни представителей Фонда «Экстернштайн». На этом мероприятии местные государственные и партийные чиновники фактически решали, как ограничить влияние СС и «Наследия предков» в Экстернштайне. Для этого предполагалось внести изменения в Устав Фонда «Экстернштайн». При этом должно было быть подчеркнuto, что скалы Экстернштайна являются уникальным культовым сооружением не только для Вестфалии, но Германии в целом. Эти выводы должны были быть приправлены выкладками Вильгельма Тойдта о том, что здесь еще в доисторические времена происходило празднование летнего солнцестояния. По этой причине Национал-социалистическая партия должна была использовать эти утесы для мировоззренческого воспитания своих членов.

Раскопки 1935 года

В этой связи только НСДАП должна была обладать правом проведения празднеств в Экстернштайне. В данном случае предполагалось, что созданием музея и архива Экстернштайна будет заведовать «Общество Оснингмарк», которое и должно было со временем стать хранителем скал.

Как видим, в конфликте интересов местные власти однозначно увязывали свои начинания с именем Вильгельма Тойдта. При этом в исследовательской литературе гауляйтер Майер изображался как «верный союзник Альфреда Розенберга, который установил интенсивные контакты с рейхсляйтером еще до 1933 года». Действительно, в своих дневниках Розенберг не раз весьма положительно отзывался о гауляйтере Майере, но это отнюдь не значит, что за реорганизацией Фонда «Экстернштайн» и попытками отстранить «Аненэрбэ» от культовых скал стоял именно главный идеолог Национал-социалистической партии.

В упоминавшихся выше переговорах не принимал участие ни один представитель ведомства Альфреда Розенберга.

Прежде чем гауляйтер Майер начал реализацию своих планов,

произошло событие, которое внесло в них очень сильную коррективу. 5 января 1942 года скончался Вильгельм Тойдт. Один из членов городского совета Детмольда в те дни записал в своем дневнике: «Умер весьма уважаемый горожанин Тойдт. Немецкий народ и наша Родина обязаны ему прежде всего очень важными исследованиями в области духовной и культурной жизни наших предков». После смерти пожилого профессора местные органы власти стали готовить поминальное мероприятие, на котором должны были присутствовать, кроме всех прочих, представители «Имперского союза древней истории». Предполагалось, что из Берлина прибудет Ганс Рейнерт, однако он прислал своего заместителя.

Поминальное мероприятие проходило 21 января 1942 года в ратуше Детмольда. Представитель ведомства Розенберга, Штрёбель, использовал свое выступление как повод для очередных нападок на консервативных ученых, которые «продолжали придерживаться устаревших концепций и лозунга „свет идет с Востока“». В своем выступлении Штрёбель два раза упомянул раскопки в Экстернштайне, которые осуществлялись Юлиусом Андрее. В первом случае он произнес: «Восприятие Тойдтом скал как дохристианской святыни было доказано результатами раскопок Юлиуса Андрее. Он смог обнаружить в Экстернштайне следы культовых действий, которые происходили задолго до христианизации страны, еще во времена саксов». Уже в этих словах чувствовалось некое недоверие к скалам как «германской святыне». Несколько минут спустя Штрёбель выскажется более однозначно: «И даже если скалы Экстернштайна на самом деле не являются никакой „германской святыней“, то в любом случае борьба Вильгельма Тойдта не была напрасной, так как он продвинул вперед все специализированные исследования, чтобы явить нашему народу исторический материал, которым до этого момента пренебрегали многие ученые». Очевидно, что представитель ведомства Розенберга открыто выражал сомнения относительно истинности теорий покойного Тойдта, предпочитая видеть в них не научное открытие, а лишь инструмент общественно-политического воздействия на немцев. «Самым существенным является то, что Тойдт зажег огонь в сердцах многих немцев своим призывом поиска „германских святынь“. Это и является его бессмертным вкладом в нашу историю, что было отмечено даже фюрером. У нас в науке не хватает отнюдь не умных голов, а смелых сердец. Фюрер считает, что такое смелое сердце было у Вильгельма Тойдта — человека пожилого по своему возрасту, но очень юного по своему духу».

Упоминания Гитлера в этой речи, возможно, не были случайными, равно как и некая подспудная критика теорий относительно

предназначения Экстернштайна. Можно было бы предположить, что после смерти Вильгельма Тойдта Гиммлер укрепит свои позиции в Экстернштайне, а «Общество Оснингмарк» фактически прекратит свое существование. В действительности все произошло с точностью до наоборот. Численность «Общества Оснингмарк», которое в 1941 году насчитывало 651 члена, к концу 1942 года составляла почти 800 человек. Гиммлер же после 1942 года фактически никогда не проявлял открытого интереса к скалам Экстернштайна. Не исключено, что это было связано с критикой в адрес теории «культового предназначения» этих скал, которую в присутствии рейхсфюрера СС в феврале 1942 года высказал Гитлер.

Весьма сомнительно, что Гиммлер отказался от своих прежних воззрений, но факт остается фактом, после этого события ни он сам, ни «Аненэробэ» фактически не занимались проблемой Экстернштайна. Не исключено, что было решено отложить все эти дела до «после победы». Однако после поражения Германии во Второй мировой войне немецкие ученые предпочли в целом «пересмотреть» концепцию Экстернштайна, видя в скалах всего лишь подобие христианской часовни, созданной в Средние века.

Часть III Трактовки и интерпретации

Глава 1. Тайные эксперименты в «охотничьем замке»

Традиция получать древние знания и передавать внутри «тайных организаций» существует на протяжении тысячелетий. Она присуща почти всем странам и континентам. Во все времена имелись закрытые сообщества, которые провозглашали себя хранителями истинных знаний, универсальных принципов мироздания. Список «тайных организаций» можно составлять очень долго: друиды, тамплиеры, розенкрейцеры, масоны, ученые эпохи Возрождения и т. д. Если посмотреть на историю Экстернштайна именно с этой точки зрения, то события, происходившие в XVII веке, получают очень неожиданное звучание.

Посмотрим на летописную составляющую той эпохи. В 1611 году, во время Реформации, Экстернштайн перешел из владения монастыря Абдингхоф в Падерборне в собственность вестфальской династии фон Липпе. Однако в 1627 году по приказу императора Липпе были вынуждены вернуть эти земли монастырю. Монахи из Абдингхофа по какой-то странной причине посчитали, что эти уединенные скалы, находившиеся в стороне от всех крупных торговых путей и населенных пунктов, были для них очень важны. После того на протяжении нескольких десятилетий династия Липпе вела тяжбу за право обладать Экстернштайном. Они закончились в пользу вестфальских дворян в 1648 году.

По большому счету фон Липпе вели тяжбу на протяжении нескольких поколений. 37 лет за право владеть скалами Экстернштайна сначала судился граф Симон VI, а затем его сын Симон VII. Официально речь велась о «доходах бенефициария». Хотя сразу же возникает вопрос, какие доходы мог приносить Экстернштайн? В любом случае Экстернштайн был вновь передан династии фон Липпе именно в тот момент, когда в Европе был подписан знаменитый Вестфальский мирный договор. Уже это говорит о том, что появление нового владельца у ритуальных скал расценивалось как важное политическое событие.

Загадки приумножились, когда в 1654 году великий герцог Фердинанд II Флорентийский изъявил желание приобрести скалы Экстернштайна. Опять же возникает вопрос: зачем было известному итальянскому герцогу интересоваться заброшенными скалами где-то на территории Северной Германии? Переговоры о возможности продажи Экстернштайна тянулись более пяти лет (с 1654 года по 1659 год). Показательно, что каждый раз,

когда представители династии фон Липпе давали отрицательный ответ, великий герцог Фердинанд II предлагал более высокую сумму, нежели называлась ранее. То есть это была не просто прихоть итальянского герцога, он был точно ориентирован на то, чтобы приобрести Экстернштайн.

Когда попытки купить Экстернштайн в 1659 году закончились ничем, граф Герман Адольф фон Липпе начал у скал строительство «охотничьего замка». Строение, более напоминавшее небольшую крепость, располагалось между первой и третьей скалами.

Остатки стены «охотничьего замка»

Название «охотничий замок» для этого здания не подходило никак — оно ничем не напоминало охотничьи замки той эпохи. Не исключено, что граф изредка прибывал туда для того, чтобы поохотиться, но уже сама конструкция замка указывала на его иное предназначение.

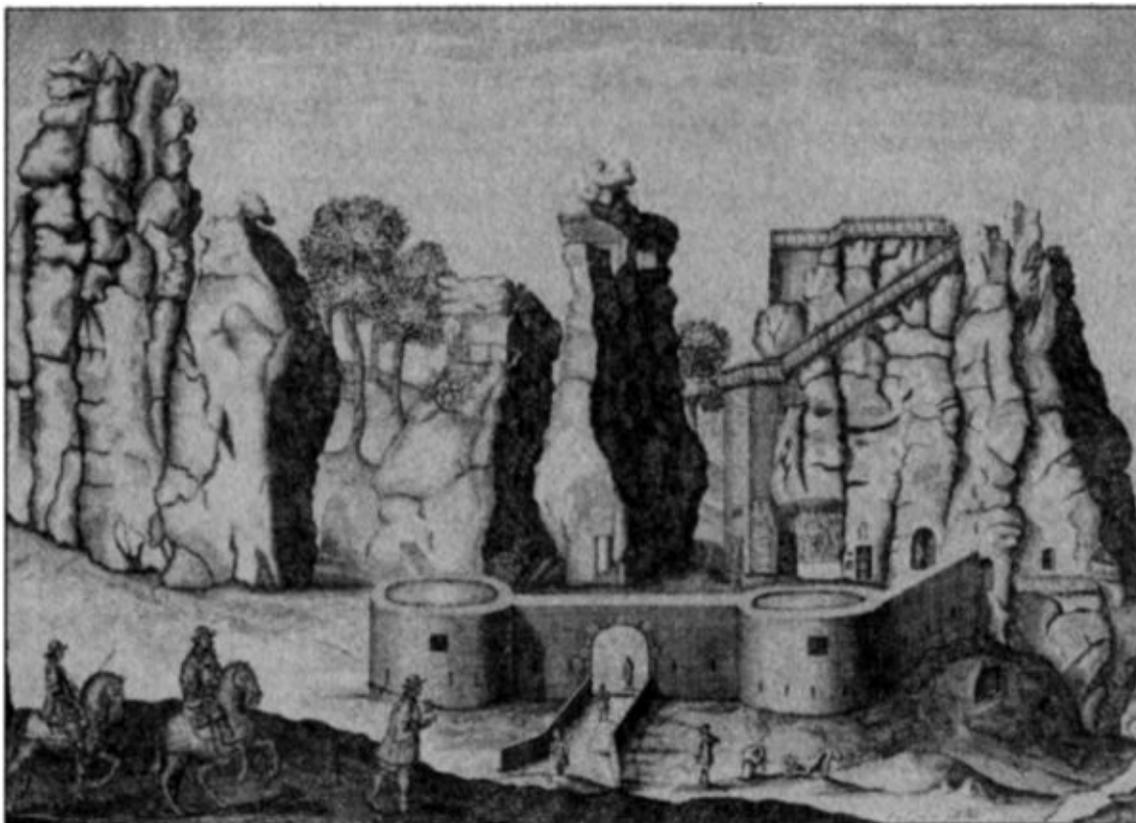
В своей брошюре, посвященной истории Экстернштайна, Карл Герман описывал этот строительный проект следующим образом: «Восточная сторона первой башни была несколько отесана — там была сооружена башня с винтовой лестницей. Из башни при помощи другой лестницы, которая была построена лишь частично, можно было попасть на вершину

первой скалы. Смотровая площадка была снабжена перилами. Была восстановлена лестница в третьей скале, по которой некогда можно было подняться на обрушившийся мост, ведущий ко второй скале. Украшением нижней части лестницы в скале стали изображения трех свитков, а также атлант и герб династии Липпе, расположенные во второй скале. В 1813 году герб был высечен в четвертой скале, где находится и по сей день.

Завершение строительных работ закончилось в 1665 году. Первая скала получила форму платформы, окруженной балюстрадами. На площадке перед первой скалой, где, вероятно, еще во времена мегалита находились жилища людей, возник павильон в стиле барокко. Именно в 1665 году граф Герман Адольф поручил Элиасу фон Леннепу создать гравюру на меди, которая бы изображала Экстернштайн».

Именно благодаря этой дошедшей до наших времен гравюре мы можем судить о строительных работах, которые велись в Экстернштайне в середине XVII века. Судя по всему, осуществленными оказались отнюдь не все задумки графа Германа Адольфа. Так, например, на гравюре мы не видим никаких признаков моста, который вместо разрушенного был бы перекинут между второй и третьей скалами Экстернштайна. Однако это не исключает возможности того, что он не был еще построен на тот момент, когда создавалась гравюра. Собственно, в данном произведении искусства нас интересует совершенно иной объект, нежели мост.

На гравюре детально показаны все строения и скалы, а также дана их величина, которую можно определить по фигуркам людей. Исключение составляют лишь трое людей, которые были изображены на переднем плане: двое всадников и один пешеход. Они передвигаются либо по области падающей от соседних скал тени, либо по возвышенности. В любом случае всадники не могли бы проехать по данной территории близ Экстернштайна, так как она была слишком резко снижающейся, чтобы по ней можно было ездить на лошадях. При ближайшем рассмотрении можно обнаружить, что идущий пешком человек держит в руках странный предмет.

Гравюра Элиаса фон Леннепа с изображением Экстернштайна (1663 год)

Устремленность этого человека, напряженный взгляд, устремленный в сторону Экстернштайна, позволял некоторым из исследователей говорить, что это была фигура некоего «посвященного в тайные знания».

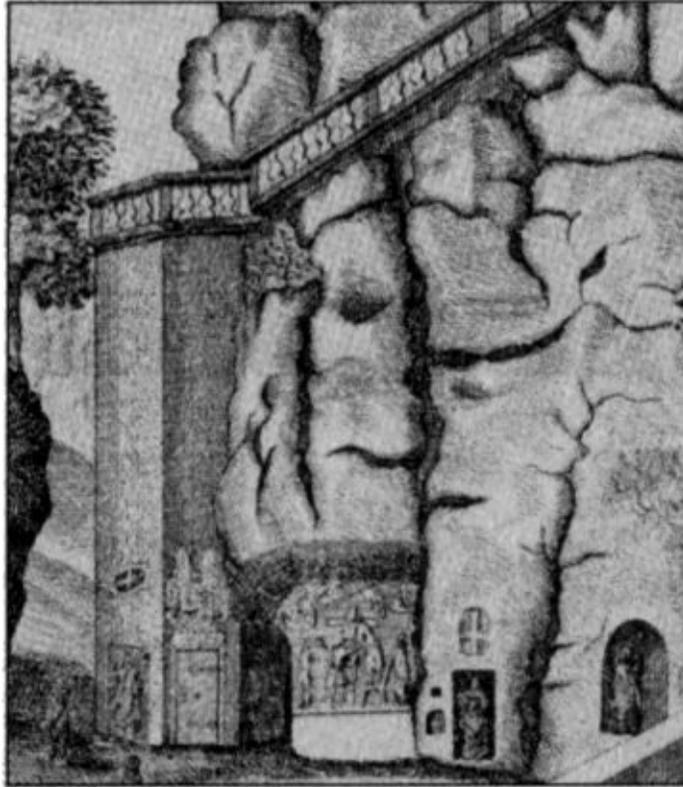
На этой гравюре очень много странного. Во-первых, необычной является сама архитектура замка, который фактически ограничивает своими строениями некоторую площадку, расположенную перед Экстернштайном. В двух круглых строениях, которые соединены между собой стенами, фактически нет оконных проемов. По внешней форме они напоминают угловые башни средневековых крепостей. Однако, принимая в расчет тот факт, что возводился именно охотничий замок, данная конструкция кажется почти бессмысленной. В этих башнях после охоты знати пришлось бы сидеть почти в полной темноте. В середине XVII века традиция проводить пиры после охоты при свете свечей и факелов фактически полностью себя изжила.

Кроме этого, в глаза бросается, что автор гравюры детально вырисовал некоторые детали, но при этом полностью пренебрег другими элементами. Весьма обстоятельно вырисована шестиугольная башня, которая была

пристроена к первой скале Экстернштайна. Кроме этого, нельзя не заметить, что сбоку от барельефа «Снятие с Креста», в проходах, которые вели в гроты первой скалы, находятся несколько скульптурных изображений. Они кажутся более древними, чем сам барельеф. Если рассматривать «Снятие с Креста», то можно заметить, что под ним находится пустое пространство, хотя на самом деле там должно было находиться изображение дракона, который терзал фигурки двух людей.

Шестиугольная башня является отнюдь не единственным строительным сооружением близ первой скалы Экстернштайна. Положение перил на верхней части скалы («смотровой площадке») явно свидетельствует о том, что эта площадка была расширена. К тому же она отнюдь не напоминает павильон в стиле барокко, так как данный стиль предполагал наличие арок. Площадка для перил была также создана ниже маленького окна, расположенного в правой части, фактически у самого основания скалы. Несмотря на то что эта часть скалы располагалась за стенами «охотничьего замка», можно предположить, что она все-таки была включена в его комплекс.

При изучении второй скалы, которая, собственно, и располагалась во внутреннем дворе замка, можно обнаружить изображение знаменитой «трибуны». Проблема заключается в том, что если ступени, ведущие к ней, были переданы достаточно точно, то сама каменная «трибуна» по меньшей мере вдвое выше. То есть, чтобы попасть на нее, надо было использовать какие-то приспособления, либо же «трибуна» была переделана во время строительства замка.

Шестиугольная башня у первой скалы Экстернштайна

На гравюре она выглядит не прямоугольной, а круглой, даже блестящей, что выделяет ее на фоне остальных скал и камней (в том числе каменных ступеней).

В данном случае необходимо вернуться к изображению на переднем плане «пешехода», который несет в своих руках странный предмет. В предмете можно угадать очертания некоего измерительного прибора. Если провести линию перспективы, в том числе тех измерений, которые должен был осуществлять «пешеход», то мы получим квадрат, который связывает своими углами четыре важных точки Экстернштайна: нишу с отверстием в «высотной палате», «трибуну» «кафедру», край смотровой площадки на первой скале и проем в первой скале, в котором было выставлено некое скульптурное изображение. Если посмотреть на нижнюю и верхнюю стороны этого квадрата, то обнаружится, что верхняя сторона является линией, на уровне которой расположена смотровая площадка, а нижняя как раз отделяет нижнюю часть барельефа «Снятие с Креста» от уровня «земли», при этом ниже «земли» почему-то не было передано изображение монстра. Можно предположить, что на этой гравюре не было случайных деталей — каждая из них, в том числе фигуры людей, выполняли

определенные функции.

Если взять в расчет современные открытия, а именно тот факт, что отверстие в нише «высотной камеры», «трибуна», «шахта» в песчаном основании были ориентированы на точку восхождения солнца в момент летнего солнцестояния, то легко заметить, что именно в этом направлении ориентированы и въездные ворота в замок. Кроме этого, если сориентировать боковые поверхности шестиугольной башни, которая была пристроена к первой скале Экстернштайна, то обнаружится, что четыре из них были направлены точно по сторонам света.

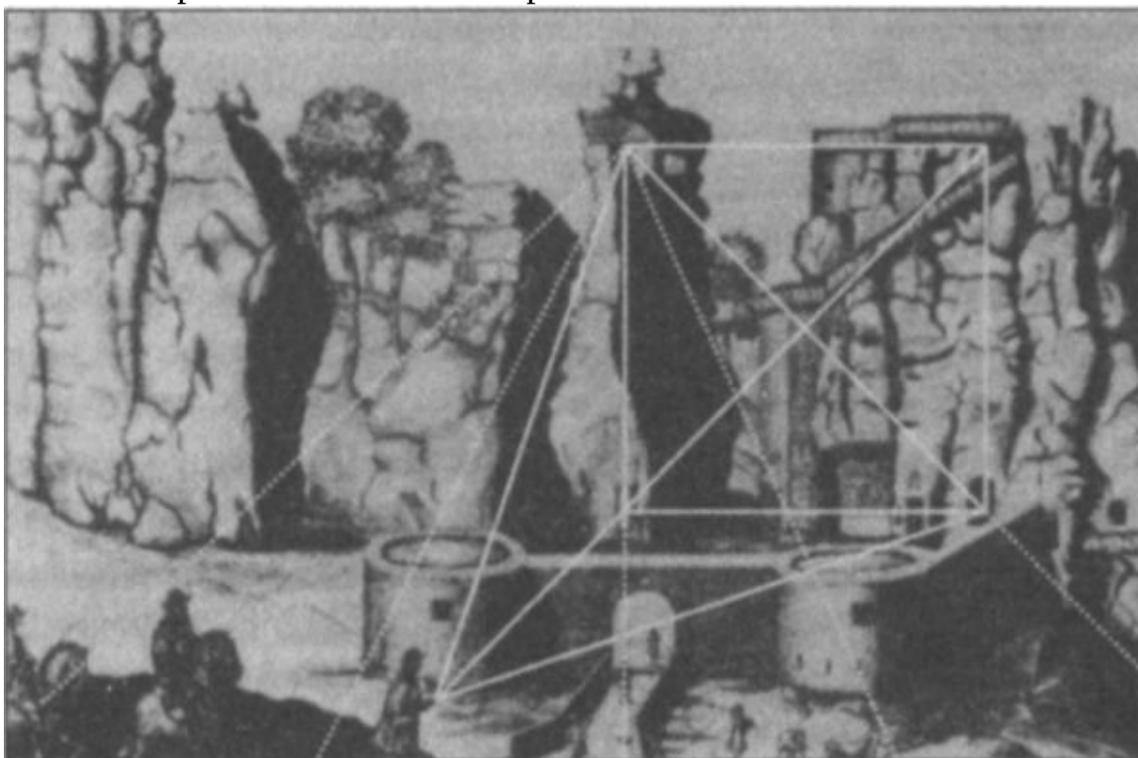

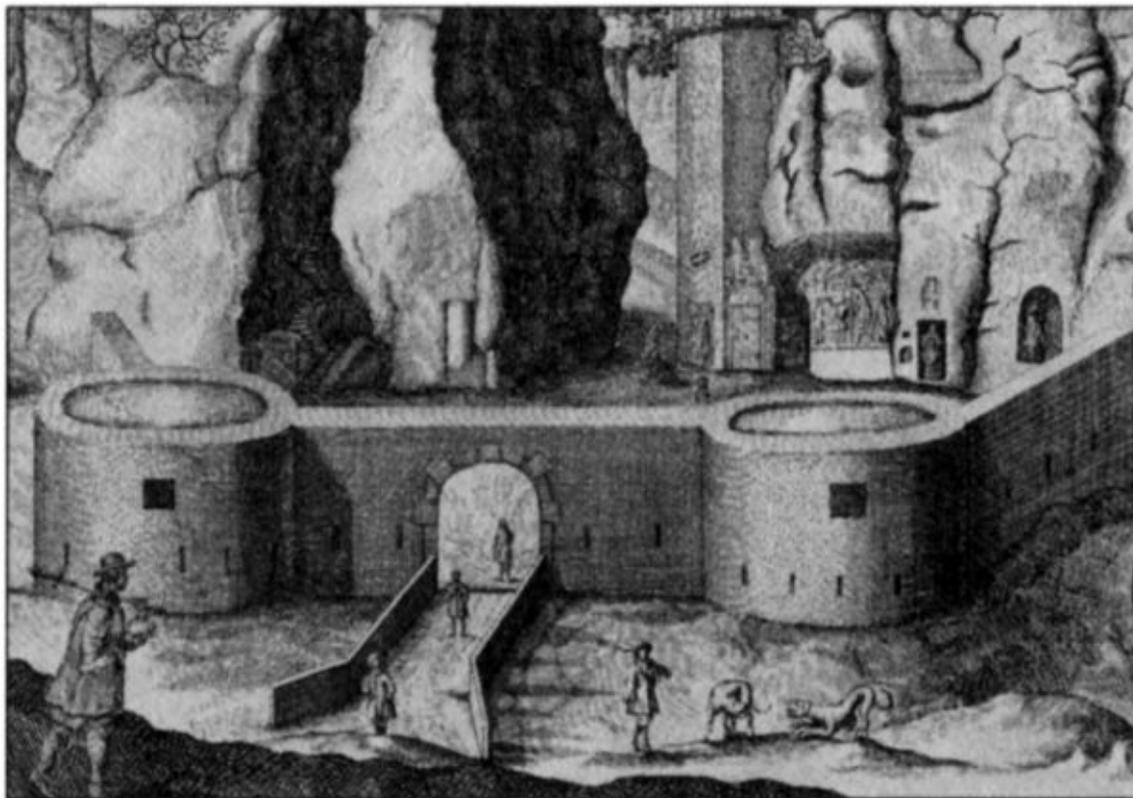
Схема геометрических вычислений, которые были заложены в гравюру Элиаса фон Леннепа с изображением Экстернштайна

Загадкой остается, почему данной башне не была придана восьмиугольная форма.

Аналогии можно найти, если сравнить данное строение в Экстернштайне с «башней ветров», которая располагалась некогда в Афинах. В античные времена на ней находился флюгер и водные часы, то есть «башня ветров» служила древним грекам для метеорологических наблюдений. В античности не только исследовали направления ветров и пытались установить их взаимосвязь с погодой, но и рассматривали воздух в качестве одного из четырех «природных элементов», природных стихий.

По большому счету европейская наука долгое время руководствовалась построениями Эмпедокла Сицилийского, который не только провозглашал себя магом и волшебником, но и первым ввел в философию понятие «элементы», под которыми понимались те начала, из которых состоит все сущее, все вещи — земля, воздух, вода и огонь. Эмпедокл учил, что есть четыре стихии (элемента, формы), и они неизменны, божественны и живы. Зевс — огонь, Гера — воздух, Аид — земля, Нестис (сицилийский бог) — вода. Неизменны они и все время меняются, сочетаясь и распадаясь. Все в мире духовно, душевно, телесно и живо одновременно, видимо все и невидимо. Элементы, движимые силой, постоянно носятся, сталкиваются, сливаются и расходятся; рожденные их игрой миры возникают и рассыпаются, чтобы снова возникнуть, из живой лавы прекрасных просветленных стихий. Все элементы равны, но равнее других огонь, он стоит особняком, сбивая остальные три элемента в оппозиционную группу. Огонь и воздух по Эмпедоклу мужские стихии, вода и земля — женские.

Если учесть, что конструкция башни, пристроенной к первой скале Экстернштайна, должна была быть восьмиугольной, но только из-за соседства со скалой имела шесть углов, то, вне всякого сомнения, можно провести параллели между нею и замком Кагель-дель-Монте, который в середине XIII века был построен вернувшимся из шестого крестового похода императором Фридрихом II Штауфеном.

Фрагмент гравюры с изображением «охотничьего замка»

До настоящего момента этот замок является одним из самых таинственных сооружений средневековой Европы. После возвращения из крестового похода и успешного захвата Иерусалима император хотел подтвердить свои претензии на власть в Священной Римской империи. Этот мотив, как и характер императора, должен был отразиться в архитектуре здания. Если смотреть на замок издали, то большие углы восьмиугольника (в плане) превращаются в круг, а выступающие угловые шестиугольные (восьмиугольные в завершённой проекции) башни предстают в виде зубцов каменной короны. Подходя к замку все ближе, начинаешь утрачивать впечатление круглой формы и различать настоящую его структуру. Снаружи Кастель-дель-Монте не только оставляет ощущение замкнутости, но и закрытости от внешнего мира: в массивных башнях нет ни окон, ни дверей, и даже привычных глазу бойниц.

Замок Кастель-дель-Монте

Такое же ощущение производит и башня у первой скалы Экстернштайна. Она не имеет никаких оконных проемов, она имеет шестиугольную форму, хотя должна была бы быть в идеале восьмиугольной. Оба сооружения ошибочно характеризуются как «загородные замки». При планировании обоих сооружений использовалось не только золотое сечение, но и такие мистические символы, как «пентаграмма» и «печать Соломона». Кроме этого, по версии некоторых исследователей, именно в Кастель-дель-Монте должно было находиться изображение «Бафомета» — говорящей головы, которой якобы поклонялись тамплиеры. Совпадений между замком Фридриха II и «охотничьим замком» в Экстернштайне слишком много, чтобы они были простыми совпадениями.

В этой части нашего рассказа надо вернуться к сюжету, связанному с именем Фердинанда II, а именно попыткой в середине XVII века приобрести Экстернштайн. Кем же был великий герцог Фердинанд II? Почему этот флорентийский правитель проявлял столь настойчивый интерес к удаленным землям Северной Германии? Что связывало его с графом Германом Адольфом фон Липпе? Предположение о том, что между

этими двумя династиями существовала какая-то взаимосвязь, подтверждается народными сказаниями, в которых говорилось о том, что граф Симон Филипп проиграл Экстернштайн в карты при дворе Медичи (сказание приведено в первых главах книги).

Фердинанд II Флорентийский был высокообразованным человеком, потомком знаменитой итальянской династии Медичи. В 1559 году он получил в правление великое герцогство Тоскана. При своем дворе во Флоренции он принимал многих известных ученых того времени, например Галилео Галилея. Помощь ученым и меценатство были давнишней традицией династии Медичи.

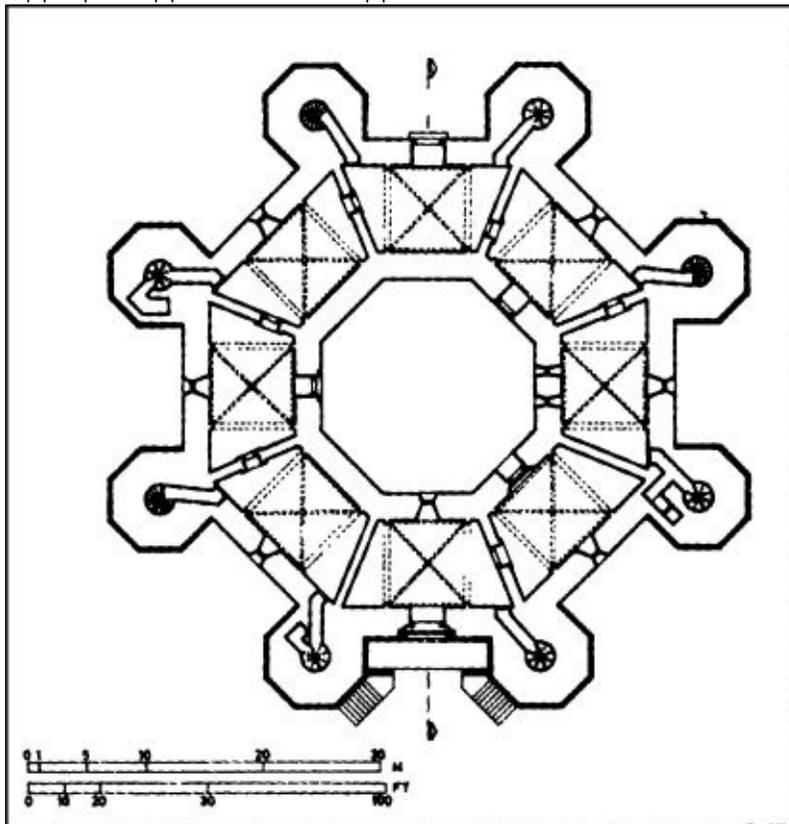

Схема замка Капель-дель-Монте. Отчетливо видны шестиугольные башни

В тесной дружбе с Галилео Галилеем состояла еще бабушка Фридриха II, Кристина Лотарингская. Галилей был приглашен Кристиной ко двору, чтобы стать преподавателем ее сына Козимо Медичи. Именно Кристине Лотарингской в 1615 году Галилей, чьи гелиоцентрические идеи уже обсуждались представителям инквизиции в Риме, написал свое знаменитое письмо, в котором говорилось: «Мне кажется, что при обсуждении естественных проблем мы должны отправляться не от авторитета текстов

Священного Писания, а от чувственных опытов и необходимых доказательств. Природа неумолима и никогда не нарушает границ предписанных ей законов: она не заботится о том, доступны ли её сокрытые причины и методы творчества человеческому уму или нет. Я полагаю, что всё, касающееся действий природы, что доступно нашим глазам или может быть уяснено путём логических доказательств, не должно возбуждать сомнений, ни тем более подвергаться осуждению на основании текстов Священного Писания, может быть даже превратно понятым».

Это было время, когда совершался переход от геоцентрической к гелиоцентрической модели мира. Именно в это время, несмотря на преследование католической церковью Коперника и Галилео, возникали новые науки, расширялся научный фундамент у философии, астрономии, физики и химии. В те дни Флоренция была одним из центров научного мира. В этом итальянском городе находилась одна из самых богатейших библиотек того времени. В ней были собраны античные труды, а также множество копий и списков с трудов ученых античного времени.

По инициативе великого герцога Фердинанда II лучшие умы того времени, оказавшиеся во Флоренции, в 1654 году объединились в рамках «академии эксперимента», которая замышлялась для пропаганды науки и должна была способствовать расширению познаний в области физики путем коллективной экспериментальной деятельности своих членов, следуя методу, установленному Галилеем, на работы которого она прямо опиралась.

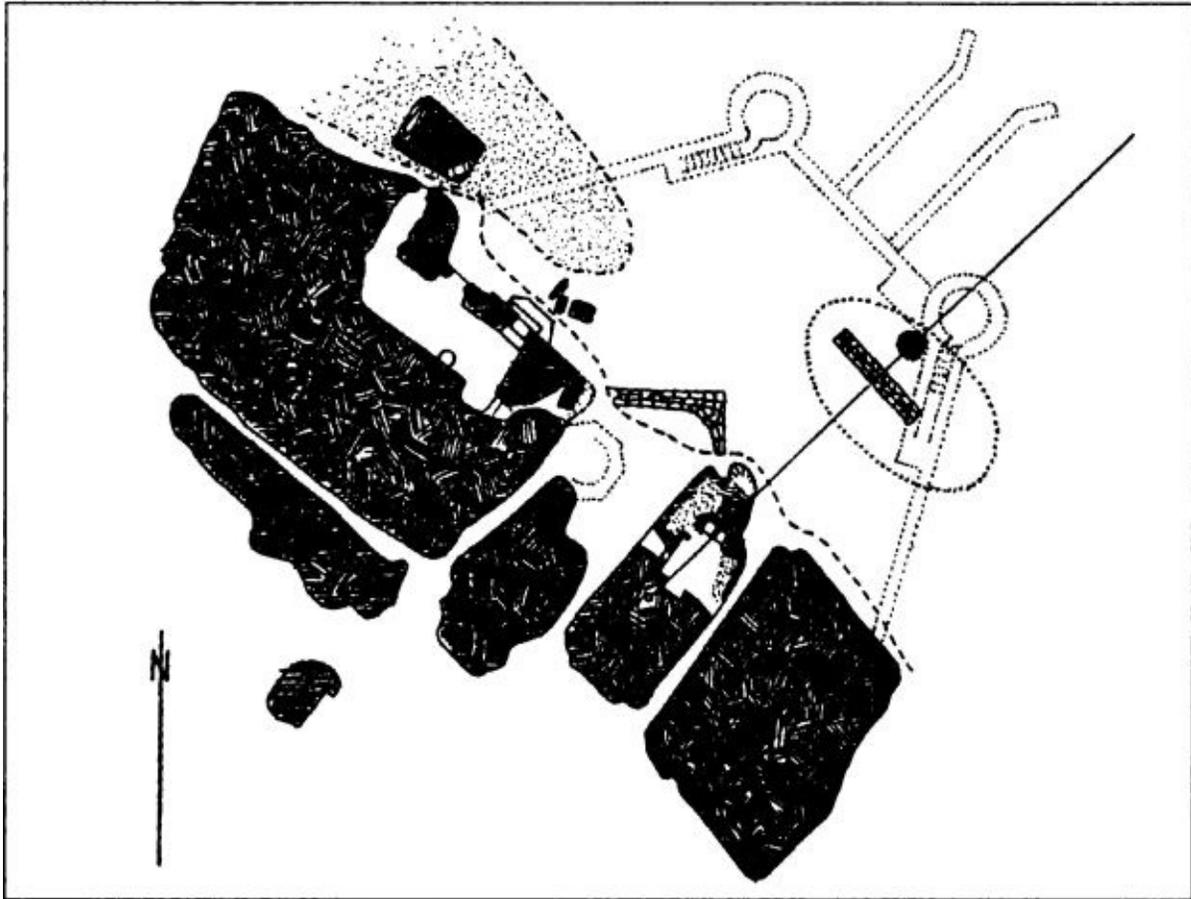

Схема скал Экстернштайна с учетом ориентации его объектов на точку восхождения солнца в момент летнего солнцестояния. Точечной линией обозначены контуры «охотничьего замка» графов фон Липпе

Ее гербом была печь с тремя тиглями, над которой помещена надпись — изречение Данте «provando e riprovando» (доказательство и еще раз доказательство). Именно эта академия стала местом, где фактически зародилась современная метеорология.

Действительными членами Академии были Винченцо Вивиани, Джованни Альфонсо Борелли, Карло Ренальдини, Алессандро Марсили Паоло дель Буоно, Антонио Олива, Карло Дати, Лоренцо Магалотти. Потом к ним добавились многие итальянские и иностранные члены-корреспонденты. Лучшая часть многосторонней десятилетней научной деятельности Академии была представлена «ученым секретарем» Магалотти в знаменитой работе 1667 года «Saggi di naturali esperienze fatte nell'Accademia del Cimento» («Очерки о естественно-научной деятельности Академии эксперимента»). На английский язык эта работа была переведена в 1684 году, а на латинский — в 1731 году. Еще более полное

представление о работе Академии было дано Джованни Тарджони Годзетти в четырех томах «Atti e Memorie inedite dell' Accademia del Cimento e notizie aneddoti dei progressi delle scienze in Toscana» («Труды и неизданные отчеты Академии опытов», Флоренция, 1780).

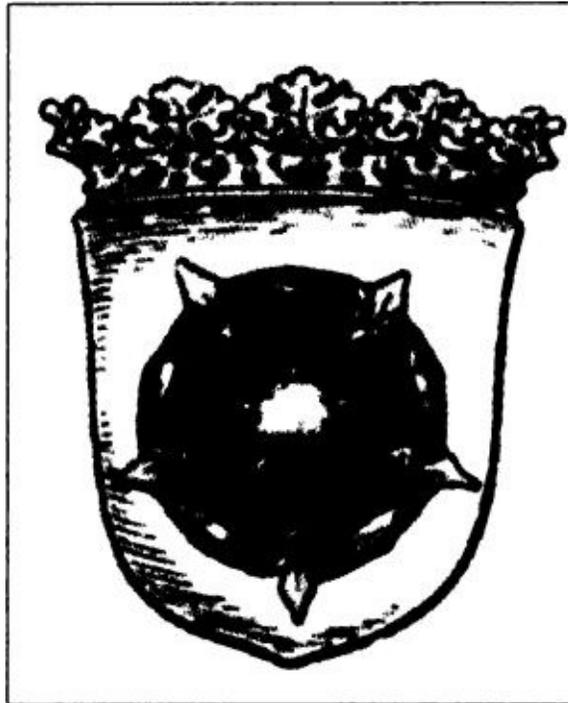
После общего введения в «Очерках» приводится описание термометров и методов их конструирования. Затем дается описание гигрометров, барометров и способов применения маятников для измерения времени. Далее идут четырнадцать серий систематических экспериментов: исследования атмосферного давления, затвердевания, термического изменения объема, пористости металлов, сжимаемости воды, предполагаемой «положительной легкости», магнитов, электрических явлений, цвета, звука, движения брошенных тел.

Примитивный воздушный термоскоп Галилея Торричелли преобразовал в жидкостный (спиртовый) термометр. Его конструкция была настолько улучшена Торричелли и членами Академии и оказалась столь удобной для различных применений, что в XVII веке «флорентийские термометры» стали знамениты. Они были введены в Англии Бойлем и распространились во Франции благодаря астроному Бульо (1605–1694), получившему в дар такой термометр от польского дипломата. В 1694 году один из членов Академии опытов Карло Ренальдини (1615–1698) первый предложил принять в качестве фиксированных температур при градуировке термометра температуру таяния льда и температуру кипения воды. Ренальдини был поддержан в 1742 году астрономом Цельсием (1701–1744), предложившим стоградусную шкалу с точкой «0», соответствующей кипению воды, и точкой «100», соответствующей ее замерзанию. Изменение направления шкалы было произведено в 1750 году другим астрономом, Мартином Штремером (1707–1770).

Но вернемся к взаимоотношениям династий Медичи и фон Липпе. При изучении этого сюжета, можно сразу обратить внимание на то, что предложение о покупке Экстернштайна поступило от Фердинанда II в 1654 году, то есть в тот самый год, когда была создана «академия эксперимента». Впрочем, это могло быть всего лишь стечением обстоятельств. Некоторые исследователи выдвигали версию, что Фердинанд Флорентийский заинтересовался Северной Германией с подачи своего брата Матиаса де Медичи, который характеризовался современниками как человек, «обладающий художественным чутьем». Именно он пребывал в войсках, которые во время Тридцатилетней войны осаждали владения герцога Брауншвейгского в Северной Германии. Именно здесь и находились скалы Экстернштайна. Из документов известно, что Матиас де Медичи в Кобурге

захватил несколько предметов искусства, которые позже он увез к себе на родину. Впрочем, итальянские документы говорили об этом событии как о «спасении», так как потомок знаменитой династии хотел «спасти в безопасном месте произведения искусства от хаоса войны».

Не исключено, что среди вывезенных предметов также значились книги, рукописи и письма, которыми некогда обладали монахи из монастыря Абдингхоф. Сохранились упоминания о том, монахи во время войны по собственной инициативе отдали эти письменные документы в «надежные руки». Предполагается, что это был Атаназиус Кирхер, один из преподавателей известного далеко за пределами Германии университета. В немецком городе Падерборн до настоящего момента празднуется день «великого сына» Атаназиуса Кирхера. Однако этот человек был не просто университетским ученым, он был иезуитом, чьи научные увлечения могли вызвать немалое удивление.

Герб фон Лунне

Кирхер проявлял интерес к египтологии, геологии, магнетизму, оптике, алхимии (!), востоковедению, медицине и музыке. Позже он был университетским преподавателем в Вюрцбурге и в Риме, где занимался изучением инфекционных болезней, а также пытался перевести египетские иероглифы, составлял тракты о музыке.

Других связей между Северной Германией и Флоренцией в настоящий момент установить не удалось. Все остальное теряется в области догадок,

но даже здесь можно выстроить несколько версий. Для этого достаточно сравнить гербы династий фон Липпе и Медичи. Вплоть до XIX века государственным гербом Тосканы был так называемый «крест Стефана», который также считался «крестом тамплиеров». Это сравнение не было случайным, так как на гербе висела цепь, которая весьма напоминала отличительный знак гроссмейстера ордена храмовников. Гораздо более интересные выводы можно сделать из изучения герба династии фон Липпе, который на протяжении долгого времени (1779–1918) считался символом «вольной провинции» Липпе.

Герб Медичи

Геральдическая роза нередко встречается в европейских гербах. Однако изображение розы, какое приведено на гербе Липпе, во многом является уникальным. В средневековой традиции такая роза считалась символом «рыцарей Грааля». В геральдической трактовке эта роза и ей подобные являются изображением круглого стола, на который положено десять мечей. Пять мечей направлены клинками в центр стола, еще пять — наружу. В контексте нашей истории пять рыцарей, согласно этому гербу, должны были жить в провинции, носившей данный герб (Липпе). Еще пять рыцарей (мечи, направленные наружу) должны были находиться где-то в другой местности. В качестве таковых могли выступать пять ученых, которые являлись формальными учредителями «академии эксперимента»

во Флоренции.

Однако геральдическая роза династии фон Липпе может иметь и другую трактовку. Пять мечей, направленных вовнутрь, — это пять человек, занимающихся «внутренними», эзотерическими изысканиями, а пять мечей, обращенных вовне, — это пять человек, которые пытаются утвердиться во «внешней», светской власти.

Поздняя версия герба династии фон Липпе

В более позднее время герб династии фон Липпе претерпел изменения. Он не только распространился отчасти на территории Голландии, но и оказался «скрещенным» с гербом дома Шваленбергов-Штернбергов.

Если взглянуть еще раз на гравюру XVII века с изображением Экстернштайна, то можно обнаружить, что герб Липпе был высечен над входной дверью в шестиугольную башню, которая была пристроена к «скале гротов». С другой стороны от барельефа «Снятие с Креста» виднеется помещенный в нишу рукотворной башни еще один барельеф. Однако установить, что на нем было изображено, по данной гравюре не представляется возможным. В 1813 году герб «переехал» на четвертую скалу, где его можно видеть даже в настоящее время. Его можно сравнить с гербом, который некогда находился на шестиугольной башне. На первый взгляд нет никаких различий. Герб является совмещением геральдических фигур двух родов: фон Липпе (роза) и Шваленбергов (изображение птицы, сидящей на звезде). Однако при более детальном изучении можно обнаружить, что на гравюре XVII века птица изображена восседающей на пятиконечной звезде, а на гербе 1813 года — уже на шестиконечной. Несколько изменилась и форма геральдического шлема, который венчает собой данный герб. В более позднем варианте мы видим рыцарский шлем с

изображением двух повернутых друг к другу орлов, а на более ранней версии шлем был «крылатым», то есть имел два высокоподнятых крыла с каждой из сторон. По традиции Арминий из племени херусков изображается именно в «крылатом шлеме». Именно такой шлем водружен на его изваяние, которое сооружено в честь битвы в Тевтобургском лесу.

Можно было бы ограничиться вполне удовлетворяющей версией о том, что Флоренция и Экстернштайн были связаны между собой неким «орденом рыцарей Святого Грааля», что нашло отражение в геральдике. В данном случае «высотная камера» весьма подходила для тайных собраний «рыцарей Грааля», а изображение «атланта», высеченное на колонне «палаты», могло на самом деле являться «бафометом» — говорящей головой тамплиеров. Действительно, лицо на вершине второй скалы является говорящим, о чем свидетельствует даже выразительно приоткрытый рот. Однако у этой версии есть множество слабых мест. Например, «атлант» появился приблизительно во время строительства «охотничьего замка», но никак не раньше.

В 1550 году была напечатана «Космогония» Себастьяна Мюнстерского, которая разошлась в последующие полвека огромными для тех времен тиражами. В этой книге был один весьма примечательный рисунок, а именно изображение Ирминсула. В «Космогонии» Ирминсул был изображен не как дерево, не как столп, подпирающий небо, а как человек, водруженный на пьедестал. В одной руке он держал весы и меч, а в другой знамя, на котором была изображена геральдическая роза фон Липпе! Это изображение позволяет предположить, что род фон Липпе на протяжении столетий являлся хранителем традиции Ирминсула. Не исключено, что представители этого рода продолжали справлять передаваемые из поколения в поколение ритуалы, которые были запрещены Карлом Великим во время христианизации Германии. То есть «охотничий замок» фон Липпе в действительности являлся чем-то вроде ритуального комплекса, что косвенно подтверждается взаимосвязью строений с «трибуной» и отверстием в нише для астрономических наблюдений. Еще одним доказательством в пользу данной версии являются наличествующие в окрестностях Падерборна имение (бывший монастырь) Бёддекен и капелла Дрюггельтер. Оба эти строения имеют однозначно ритуальную, но не христианскую планировку^[11].

Вне зависимости от различных трактовок «охотничьего замка» интересной представляется еще одна история, которая может быть использована для самых различных интерпретаций. Речь идет о брошюре Фердинанда Зайца, автора многочисленных публикаций, посвященных

«загадкам Экстернштайна». В этой брошюре упоминался архиепископ Фердинанд фон Фюрстенберг и «древнее таинственное место Кройцвех, что располагалось в окрестностях Ёстерхольца». Об архиепископе, в частности, говорилось, что «он имел в 1661–1683 годах резиденцию в новом соборе Падерборна». Этот церковный деятель проявлял немалый интерес к местной истории и краеведению. В его биографии есть очень много туманных мест.

Герб провинции Липпе, выбитый на скале

Так, например, известно, что он еще до рукоположения (1659) был хорошо знаком с папой Александром VII. В 1660 году Фердинанда посылают с миссией в Германию. Но в октябре того же года он вновь

срочно возвращается в Рим, чтобы доложить «о важных исторических открытиях». Многое время он проводит в закрытых библиотеках Ватикана, «извлекая на свет документы об обращении саксов-язычников в христианство». Автор трактата Фердинанд Зайц возносил огромные хвалы своему тезке-архиепископу, который якобы заботился об изучении истории Северной Германии.

В этой части истории на себя обращают внимание следующие моменты. Во-первых, только что рукоположенный в священники человек почти сразу же получает весьма почтенный церковный титул. Почти нет никаких сомнений в том, что он выполнял функцию «разведчика» при Римском папе. Во-вторых, едва оказавшись с Падерборне, новый архиепископ устремляется назад в Рим, где проводит немало времени в библиотеках Ватикана. По времени это внезапное возвращение совпадает с началом строительства «охотничьего замка» в Экстернштайне. Если принять за версию, что «охотничий замок» был новым ритуальным комплексом «ирминистского культа», то становится вполне понятным, зачем Фердинанд фон Фюрстенберг изучает именно документы обращения саксов в христианство — он ищет признаки и отличительные черты древних культов.

Общий вид скалы, на которой висит герб провинции Липпе

Не менее интересной является и вторая часть этой истории. В 1669 году архиепископ Фердинанд фон Фюрстенберг нарисовал географическую карту своей епархии. На этой карте одно из мест, располагавшихся близ Ёстерхольца, было обозначено специальным символом — несколькими точками, которые образовывали подобие креста. Подобные обозначения были весьма нехарактерными для европейских карт того времени. В своей небольшой работе Фердинанд Зайц предположил, что речь шла «об окутанном легендами и мифами Кройцвехе» — месте, где располагалось святилище Остары. Многие мистики и эзотерики полагали, что Кройцвех был, возможно, самым таинственным местом в Северной Германии. Так, например, антропософ Рудольф Штайнер считал, что Кройцвех находился в окрестностях Оснинга. Интерпретируя данную версию, можно предположить, что в качестве такового мог выступать и Экстернштайн. Тем более что эти скалы были весьма тесно связаны с «распятым божеством» (и в христианской, и в дохристианской трактовке).

Остатки стен «охотничьего замка»

Вид на остатки «охотничьего замка» сверху

Согласно народным немецким сказаниям, Кройцвех был «самым языческим местом» на территории Северной Германии, очень тесно связанным с дохристианскими культами.

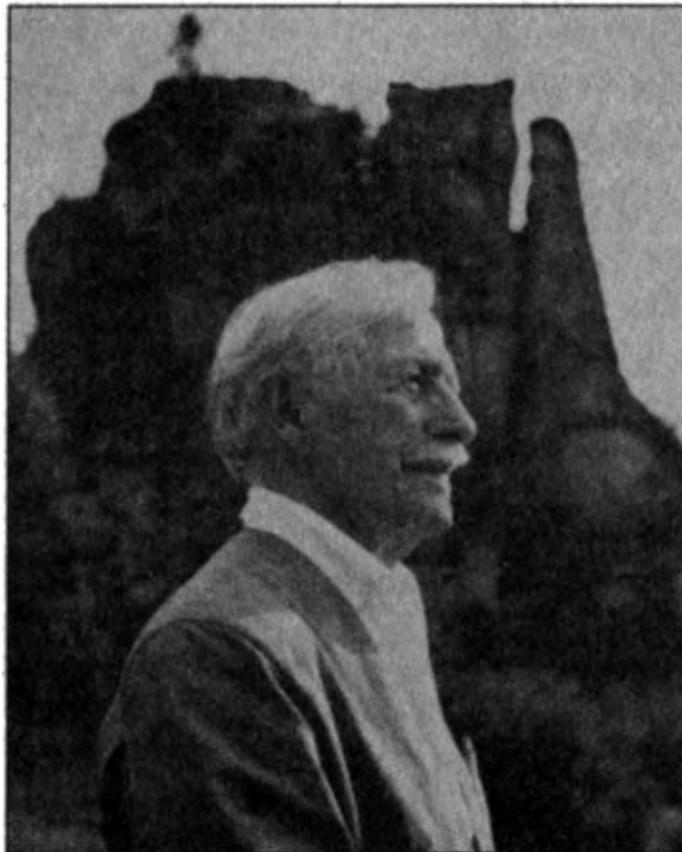
Многие германцы направлялись туда, чтобы совершить особые ритуалы. Застигнутые за этим они могли быть казнены без суда и следствия. Подобные жесткие наказания применялись на протяжении

нескольких веков. В этой связи является весьма показательным, что высокопоставленное лицо католической церкви наносило на карту приблизительное местоположение Кройцвеха. Но это отнюдь не противоречит версии о том, что Фердинанд фон Фюрстенберг мог заниматься по заданию Ватикана сбором сведений о древних культах, которым могла следовать местная знать.

Если завершать рассказ об «охотничьем замке» в Экстернштайне, то приведенные выше версии и трактовки позволяют по-новому взглянуть на эти круглые сооружения и многоугольную башню. Хотя в настоящее время сложно установить, был ли замок местом, где должны были справляться древние ритуалы, или же это было местом, где ученые должны были служить своей собственной религии. На самом деле строительные работы в Экстернштайне должны были быть более активными и более впечатляющими, нежели это изображено на гравюре Элиаса фон Леннепа. Это не могло укрыться от местного населения. Так, на гравюре 1762 года над скалами Экстернштайна было изображено некое подобие странных башен. Но это было явной выдумкой, возможно, мысленным воплощением некогда имевшихся планов графа Германа Адольфа. В действительности же граф Герман Адольф скончался фактически год спустя после того, как закончилось строительство «охотничьего замка» в Экстернштайне. Перед своей кончиной он отдал весьма странное указание, которое было неукоснительно соблюдено. Он приказал сразу же после своей смерти разрушить «охотничий замок». Так он решил унести с собой в могилу многие тайны. Век спустя, в 1749 году, на гравюре уже почти ничто не намекало на то, что у подножия скал стояло большое строение. Единственным намеком на него была сохранившаяся кладка сбоку от «скалы гротов» — остатки шестиугольной башни. Фундамент замка был обнаружен только во время раскопок 1934–1935 годов, но и это не позволило пролить свет на многие загадки, которые унес с собой граф Герман Адольф.

Глава 2. «Апокриф» Германа Вирта

Считается, что Герман Вирт, являвшийся одним из создателей «Аненэробэ», обратился к проблеме Экстернштайна достаточно поздно — в 50–60 годы XX века. Однако если мы изучим библиографию этого исследователя, то обнаружим, что данное предположение не соответствует действительности. Уже в 1929 году Вирт издает небольшую работу, которая называлась «Руны гротов Экстернштайна». Дата выхода в свет этой брошюры указывает, что ученый обратил внимание на культовые скалы приблизительно в то же самое время, что и Вильгельм Тойдт.

Герман Вирт у скал Экстернштайна

Впрочем, последующие десятилетия Герман Вирт не слишком часто обращался к проблеме Экстернштайна. Ситуация изменилась именно в 60-е годы, когда Вирт начинает работу над научным трудом, который назывался «Европейская прарелигия и Экстернштайн». В ней он высказал новые мысли относительно предназначения и трактовки загадочных скал.

Толкование Вирта во многих моментах отличается от того, что было принято даже в Третьем рейхе. Во-первых, он рассматривал Экстернштайн как комплекс из четырех, а не пяти скал. Во-вторых, он предпочитал давать скалам свои собственные названия. Так, например, первую скалу, «скалу гротов», Вирт предпочитал именовать «большим Экстернштайном».

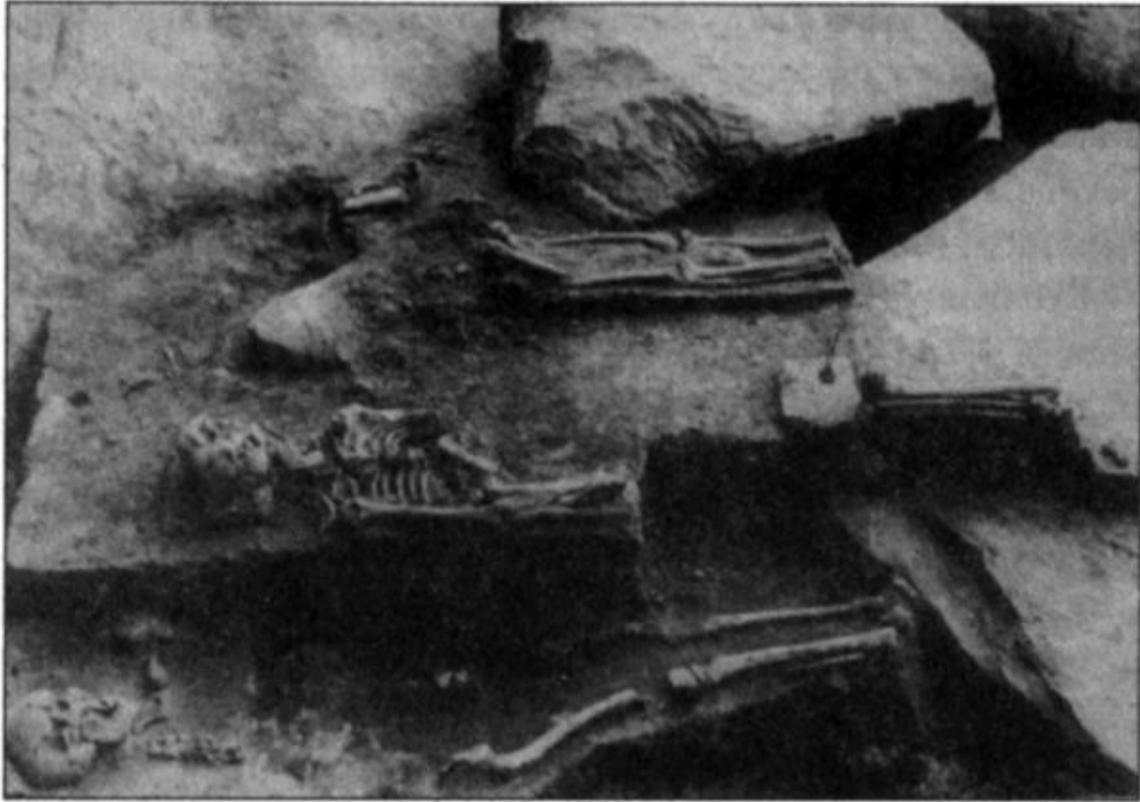
Рассуждая о названии Экстернштайна, Вирт исходил из того, что на ингвеонском (англо-фризском) наречии, которое было широко распространено в Европе в «германские времена», скалы обозначались как *эккештан*, то есть «материнский камень». В этом слове корень «экке» Вирт выводил от протоевропейской лексической формы «акка», что, по его версии, должно было значить «мать». Вирт подчеркивал, что речь шла не столько о биологической матери, сколько о «божественной Все-матери», «мифологической первоматери всех людей». Исследователь утверждал, что, во времена позднего каменного века, эпохи, когда создавались мегалитические гробницы, а земледельческие племена обращались в своих верованиях к матери земле, женщина обозначалась символом, напоминающим песочные часы (подчеркнутый сверху и снизу знак X). Он обнаружил его многократное повторение в Экстернштайне. Трехкратное повторение этого символа должно было символизировать «трех матерей», трех «акка», которые наблюдают за прошлым, настоящим и будущим, то есть как бы контролируют всю жизнь человека, животных и растений. Это было предопределено божественным принципом «вечного возрождения».

Вирт также обращал внимание на то, что в вестфальско-голландском диалекте существовало слово «экстер», которое соответствовало слову «эльстер» в верхненемецком языке. Это слово относилось к сороке, птице, которая в Средние века считалась спутницей ведьм. Высказывалось мнение, что под ведьмами нередко подразумевались служительницы «материнского культа». Подтверждением этому, по мнению Германа Вирта, служили сохранявшиеся вплоть до XIX века народные сказания о «трех женщинах», которые проживали в башне на скалах и были «прокляты». А на юге Германии и в альпийском регионе сохранились легенды о том, что данная башня исчезла от взора людей. Она являлась им только во время Рождества. Тогда людям представляли «три женщины». Одна из них была одета в черное, вторая — наполовину в черное, наполовину в белое, третья — только в белые одежды.

После безуспешных попыток католической церкви справиться с народными верованиями, которые сопровождались беспощадным преследованием ведьм (на этом поприще в XIII веке наиболее «отличился» Конрад Марбургский), «три женщины» были интегрированы в

католичество под видом Святой Эйнбед, Святой Варбед и Святой Вил(л)ьбед. В данном случае католическая церковь расписывалась в своей беспомощности, а потому была вынуждена санкционировать поклонение «трем женщинам», которым было придано «подобающее» истолкование.

В своих построениях Герман Вирт исходил из того, что Экстернштайн как «главное культовое место» Западной Европы был неразрывно связан с мотивом «распятого божества», очертания которого отчетливо читаются на четвертой скале. Исследователь полагал, что «распятое божество» было весьма распространенным символом во времена сооружения мегалитических объектов. В данном случае высказывалась мысль о том, что религия мегалитических гробниц была усовершенствованным космическим мифом, который уходил в культ предков, присущий Юго-Западной Европе (ориньякская культура). Если космическая проторелигия Западной Европы являлась мировоззрением охотников ледникового периода, то ориньякская культура была одним из проявлений мировой прарелигии, которая около 40 тысяч лет назад была распространена на просторах Северной Евразии. Постепенно эта мировая религия, по мнению Вирта, продвигалась на Восток. Религия мегалитических захоронений являлась ее «дочерним культом», второй западноевропейской религией, которая смогла распространиться в средиземноморском регионе, включая Северную Африку, Ближний Восток и Аравию-Ханаан.

Захоронения, найденные во время раскопок у первой скалы Экстернштайна

Таким образом, делалось предположение, что приблизительно в 3-м тысячелетии до нашей эры люди, проживавшие в Западной Европе и на Ближнем Востоке, имели приблизительно одни и те же религиозные представления. Протосемитская религия, которая обращалась к «Отцу-небу», «Божественной матери», «матери земле» и «сыну Бога», была всего лишь отголоском прарелигии Западной Европы, культовым центром которой являлись скалы Экстернштайна.

Эта мировая религия сохранилась лишь в индогерманских и индоевропейских преданиях. В литературной форме она нашла отражение в самых древнейших местах «Ригведы». Именно в них сообщалось о далекой «северной прародине», об Агни, который являлся «сыном» «небесного отца» и «матери земли», а также о троичности его рождения (Митра — Агни — Варуна). Согласно этим представлениям божество обходило вместе с Солнцем «три шагами» «три места» с «тремя ночевками» (стороны света, регионы и сезоны года). Этот путь отвечал божественному порядку — *рта*.

Это божество следовало на Запад, чтобы в конце концов упасть в воду

(мировой океан), а затем утонуть в складках «матери земли». Но это забвение длилось недолго, в момент зимнего солнцестояния должно было начаться возрождение. Возрожденное божество вело с собой души умерших, которые следовали «рта» — божественному порядку. В этой ситуации божество являлось провожатым душ по «северному пути», «небу», «дороге богов». Эти души должны были попасть на третье, самое высшее небо, после чего им надлежало возродиться подобно божеству через «мать землю».

Герман Вирт отмечал, что в Западной Европе отсутствовала прарелигиозная традиция создания литературных памятников в стиле гимнов древнеиндийской «Риг-веды». Их заменяла сугубо устная традиция. Со временем она была искажена с целью укрепить господство военных предводителей, выполнявших королевские функции. Эта новая вера в королей эпохи Великого переселения народов основывалась на принципе личной защиты, а потому неизменно привела к закату «космической» прарелигии. Тацит в своей книге «Германия» сообщал об устной традиции «древних песнопений», в которых еще сохранялись отголоски космической прарелигии. «В древних песнопениях, — а германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы, — они славят порожденного матерью-землей бога Туистона. Его сын Манн — прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине — гермионами, все прочие — истевонами. Но поскольку старина всегда доставляет простор для всяческих домыслов, некоторые утверждают, что у бога было большее число сыновей, откуда и большее число наименований народов, каковы марсы, гамбривии, свебы, вандилии, и что эти имена подлинны и древние». Однако в других главах «Германии» Тацит сообщает о том, что среди германцев распространялись новые культы, когда поклонение совершалось «новым богам», являвшимся «защитниками» вождей и воинов. Например, Водану, соответствующему древнескандинавскому Одину, — Тацит называет его Меркурием. Донара — Тора древнеримский историк относит к проекции Юпитера, «наивысшего бога». Именно об этих северных божествах повествуется в «Эдде», которая была написана тысячелетие спустя в Исландии. По мнению Вирта, «Эдда» была собранием поэтических мифов, относящихся к «новой религии». От прарелигии в ней осталось настолько мало, найти эти следы фактически не представляется возможным. Вирт считал, что единственным исключением являлся момент, где упоминалась прорицательница-вельва. Также в «Песне о Хюндле» сохранились пласты,

которые можно было бы сравнить с упоминавшимся Тацитом «древними песнопениями». В частности, в ней говорилось: «Родился один самый могучий, силы земли питали его; самый, как слышно, великий властитель, родич для всех людей на земле».

Вирт бы вынужден констатировать, что «Эдда» не была в состоянии дать ясного представления о «народной вере» северного крестьянства, календарной культовой символике, календарных рунах. «Эдда» вообще не являлась отражением культов, связанных с ежегодным воскрешением и умиранием «сына» «отца-неба» и «матери земли», что являлось основой прарелигии эпохи мегалитов.

Анализируя годовой цикл и связанную с этим троичность «мегалитического» божества, Вирт с опорой на «Ригведу» выстраивал следующую таблицу:

	Имя «сына» неба и земли	Сторона света	Эле- мент	Время года
На древнеиндийском	Митра	Восток	Воз- дух	Весна
На старогерманском	Фрей			
На древнеиндийском	Агни	Север	Небо	Лето
На старогерманском	Хагалл, Хайде- маль			
На древнеиндийском	Варуна	Запад	Вода	Зима
На старогерманском	Тюр			

Эти три стороны света, которые соответствуют сезонам годового цикла жизни «сына неба и земли», в исландских преданиях назывались «стороной света повелителя», «стороной света всезащитника», «стороной света бога». Им соответствовали три руны: фрей (феу), хагал и тюр.

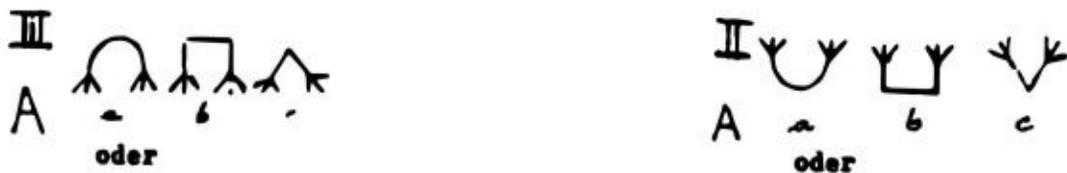
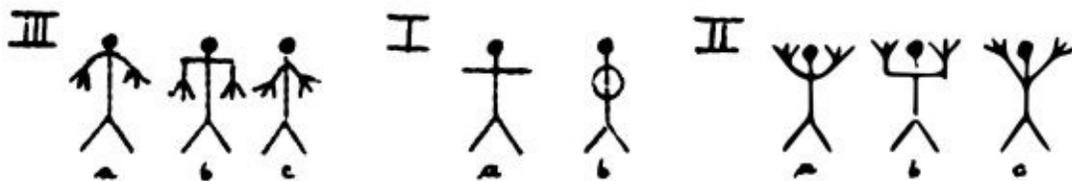
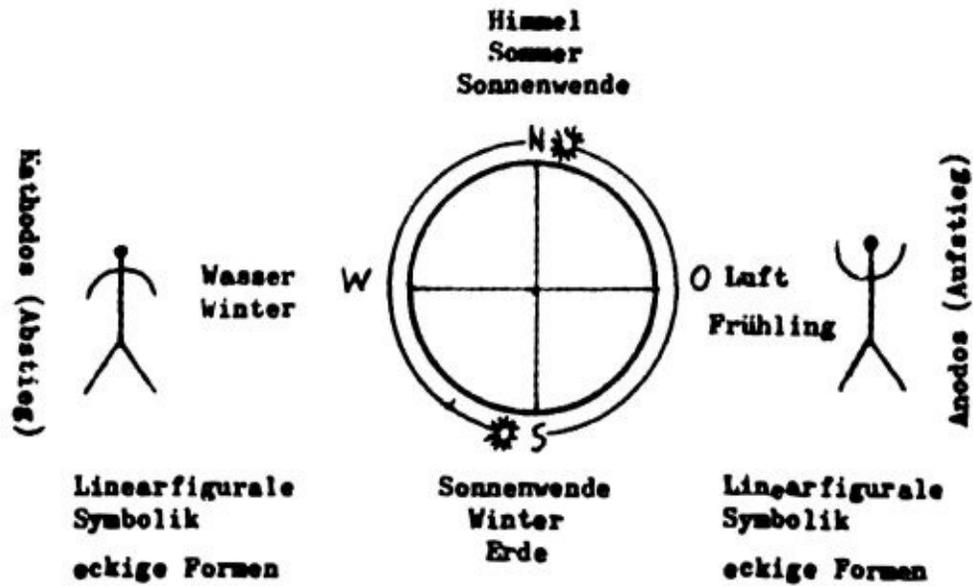
Наряду с этим делением года, которое состояло из трех ритуальных времен, происходило троичное деление человеческой жизни. Первый возраст — детство и юность (весна), второй возраст — зрелость (лето), третий возраст — старость (зима). Согласно Вирту, эта троичность была отражена в наскальных рисунках, выполненных в мегалитических гробницах. В первую очередь он выделял Бохуслен (Швеция). Кроме этого,

Вирт обращал внимание читателей на декоративную пряжку из Ойнге. Эти рисунки были важны для понимания сути Экстернштайна. По Вирту, Экстернштайн был особым культовым местом третьего времени года (зимы). Именно здесь должно было происходить празднование третьего (зимнего) рождения «сына неба и земли». То есть Экстернштайн был «стороной света бога».

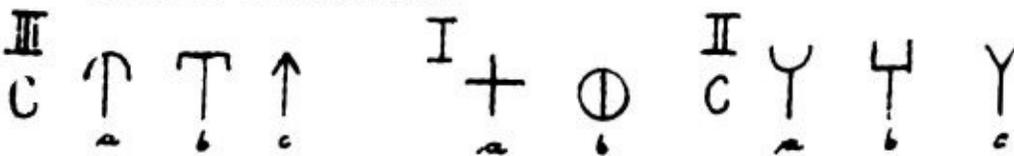
Ритуалы, связанные с третьим рождением, были самой мистической, наиболее возвышенной частью мегалитической прарелигии. В данной ситуации культовая символика была непосредственно связана с календарными циклами. По мнению Германа Вирта, их можно было проследить во всем ареале распространения мегалитической прарелигии, начиная от Западной Европы и заканчивая Ближним Востоком. Символы «сына неба и земли» всегда были привязаны к временам года. Первый из них означал «возвышение». В этом случае символ выражал возрождение. Он представлял собой человеческую фигуру с поднятыми «трехпальными» руками. Лето рисовалось в виде фигуры человека с простертыми в стороны руками, что весьма напоминало «распятие». «Закат» (зима) изображался как человек с опущенными руками, бок которого пронзало копье или стрела. Исходя из этого, Вирт предполагал, что символика «распятого божества» была отражением годичного цикла. В качестве подтверждения этой версии он упоминал о том, что в ингвеонской (англосаксонской) традиции «крест» сохранил значение «года». Аналогичным образом предлагалось трактовать и символику мегалитических «распятый», которые были распространены от Северного моря до Аравии.

Герман Вирт в своих теориях исходил из того, что все мифы были неким истолкованием символов. Признаком смерти «сына неба и земли» являлось сокращение светового дня. Когда день становился самым коротким (зимнее солнцестояние), то подразумевалось, что «сын неба и земли» достиг самых западных земель и умер. Именно этот сюжет был неоднократно отражен в скалах Экстернштайна.

С сюжетом о смерти и воскрешении «сына неба и земли» Вирт также связывает конструкцию «каменной гробницы».

einfache Linearzeichen:

Рисунки Германа Вирта, объясняющие символику сезонов года

В целом Вирт считал, что частое использование в Экстернштайне арок и арочных ниш было еще одним свидетельством того, что расшифровать название скал надо было как «материнский камень». Символ,

напоминающий руну «ур», в его системе был как раз обозначением «материнства». «Каменная гробница» была непосредственно связана с этим символом, так как «погребальная ниша» была выполнена именно в виде арки, то есть символа. По этой причине Вирт предпочитает называть этот объект «ур»-нишей в погребальной скале. Исследователь категорически отвергал версию о том, что «ур»-ниша была создана в Средние века как имитация Гроба Господня. По его мнению, в самые древние времена скала, в которой была выбита «каменная гробница», почиталась как «камень плодородия» или как «поворотный камень». Постепенно скала стала местом, тесно связанным с культом воскресающего «сына неба и земли». Только уже в Средние века католическая церковь разрушила это святилище, используя его остатки для собственных целей.

Глава 3. Экстернштайн — «место силы»?

Однажды Рудольф Штайнер, желая охарактеризовать Экстернштайн, произнес такую фразу: «Духовное средоточие Европы... местонахождение благородных духов... центр вдохновения, откуда проистекают самые мощные импульсы». По большому счету подобные характеристики этим краям давали не только мистики XX века. В немецких народных сказаниях нагорья, тянущиеся в Тевтобургском лесу, назывались «гребнем дракона». Окрестности Экстернштайна всегда почитались германцами как священное место. Но это относилось не только к скалам Экстернштайна, но и простирающейся на многие километры округе. Она отличается невероятно большим количеством могильников каменного века, родниками и многотонными мегалитами. В легендах и сказках эта местность с давних времен носит имя «Оснегги», которое позже трансформировалось в Оснинг.

Сзади первая скала Экстернштайна напоминает «ладонь великана»

Кажется, что Экстернштайн — это сердце сказочного края, где можно заметить бесчисленные странности, валовые насыпи, «священные рощи»,

загадочные каменные сооружения, которые, согласно преданиям, когда-то были созданы великанами.

Прогуливающийся пешком по Тевтобургскому лесу либо среди деревьев, либо по склонам гор Эгге едва ли может предположить, что тут и там мелькающие перед взором камни и удаленные места, как, например, Экстернтал (долина Экстерн), уже с давних времен являлись частью единой системы, которая была в незапамятные времена сформирована вокруг таинственных скал. С этой точки зрения Оснинг был не просто впечатляющим, а в истинном значении этого слова «сияющим» мистическим центром Европы.

Первое косвенное упоминание Экстернштайна можно было бы найти у римского историка Тацита, хотя он никогда и не употреблял этого слова. Именно Тацит сообщил о том, что около 14 года нашей эры римский полководец Германик разрушил святилище Танафаны, расположенное близ Оснинга. Святилище согласно летописям находилось в «священном месте, которое имело в диаметре десять немецких миль». Скорее всего сами летописцы, никогда не видели этих святилищ, а только пересказывали истории, которые им поведали после военных походов. Современные немецкие исследователи не смогли отыскать у Тацита подобных высказываний («о десяти милях»), несмотря на то, что они были широко распространены в более поздних документах.

Если обращаться к старым мерам длины, то немецкая миля соответствовала 7,5 километра. То есть «священная область», которая располагалась на севере Германии, должна была включать в себя: горные отроги около Билефельда на северо-западе; Гольцминден — на востоке; «Порта Вестфалика» — на севере; оконечность гор Эгге — на юге. Сейчас такие размеры могут показаться не просто большими, а гигантскими, и даже невероятными. Однако если рассматривать культовые сооружения эпохи неолита, которые возникали в Великобритании, Ирландии и Франции, то «священные места» этих стран окажутся приблизительно такими же по своей территории. Во времена Тацита германцы, вероятно, уже концентрировались во внутренних областях этой территории. Она была ограничена Лемго, Шваленбергом, Падерборном, Штукенброком, что составляло приблизительно пять немецких миль, то есть половину заявленного размера «священной области».

Сейчас очень сложно сказать, насколько геомантика развивалась и практиковалась в недрах «Наследия предков». Есть указания о том, что начавший ее разрабатывать Гюнтер Кирхгоф в «Наследии предков» особым авторитетом не пользовался. Его версию о существовании неких

«энергетических путей» считали фантастикой и шарлатанством.

В ответ Кирхгоф отвечал эсэсовским исследователям обвинениями в том, что они являлись «агентами католической церкви». Именно подобные (и на первый взгляд нелепые) обвинения прозвучали впервые, когда Вильгельм Тойдт оказался изгнанным из «Аненэробэ». В любом случае уже после войны геомантика, которая получила свое развитие, стала ориентироваться на возможность существования «линий силы» или лей-линий. Эти линии вычислялись прежде всего благодаря изучению местоположения культовых объектов (церкви, монастыри, святилища) и мест с явно мистической «нагрузкой» (родники, холмы, могильники). В некоторых ситуациях эти объекты как бы выстраивались в четкую линию, которая могла тянуться несколько километров, а иногда даже десятки километров.

Одна из таких лей-линий оказалась связана непосредственно с Экстернштайном. Она проходит через весь Оснинг и в народных преданиях именовалась чем-то вроде «священного пути». Он фактически вел от Падерборна до Экстернштайна. Если измерить это расстояние на карте, то оно составляет расстояние кратное «немецкой миле», то есть 7,5 километра. Путь проходил через населенные пункты Мариенлох, Липпшпринге, Шланге, Кохиштедт. Он составлял ровно три «немецкие мили», то есть 22,5 километра. Расстояние от Оснинга до холмов, где, предположительно, существовало святилище Остары, составляет ровно «немецкую милю». Святилище Остары — Кройцвех — неразрывно связано с Оснингом. Это место выполняет такую же функцию, как и Упсала в Швеции. Сравнение с Нью-Грейнджем в Ирландии более подходит все-таки для Экстернштайна.

На плане местности видно, что кроме лей-линии, ведущей от Падерборна к Экстернштайну, в окрестностях скал имеется большое количество мегалитов и курганов, на местах которых в Средние века были построены храмы. В качестве одной из версий специалисты по геомантике высказывают предположение, что Ирминсул мог располагаться в древности в Падерборне, став одной из колонн (Ирминсул = колонна Ирмина) местного собора. Именно здесь Карл Великий заложил в 777 году первую христианскую церковь в землях саксов. Это позволяет утверждать, что собор в Падерборне мог быть тем самым храмом, который возник на месте Ирминсула. Одновременно с этим император франков заложил в городе дворец, при позднейших раскопках которого были обнаружены более древние каменные сооружения.

Ни для кого не является тайной, что христианские церкви нередко

возводились в «местах силы», которые до этого весьма почитались язычниками. Так, например, с 601 года католическая церковь выполняла официальное распоряжение Римского папы разыскивать языческие места, в которых продолжалось поклонение «идолам», и превращать их в христианские святыни. Это было практическим предписанием изыскивать мегалиты, находящиеся в «местах силы». В данном контексте можно трактовать и превращение Экстернштайна в место паломничества и местонахождения капеллы барельефа «Снятие с Креста».

В округе Оснинга можно обнаружить, отнюдь не одну лей-линию. Если внимательно присмотреться, то можно обнаружить целую сеть этих «линий силы». Так, например, большое количество мегалитов находится в Ляйструперском лесу. Часть из них со временем уже фактически ушла под землю. Отдельно надо выделить район вокруг Ёстерхольца, где находится множество курганов. Они также отстоят от Оснинга на 7,5 километра, то есть на расстоянии «немецкой мили». Прямую линию, ведущую от собора в Падерборне к Оснингу, можно продолжить, и она приведет к мегалитам, находящимся около Фиссенкника и Бад-Майнберга. Окутанная множеством легенд и сказаний, мельница в Фиссенкнике лежит на краю Ляйструперского леса, то есть тоже может считаться связанной с выявленной сетью лей-линий.

Линия, которая идет через Экстернштайн с юга на север, в итоге утыкается точно в «Порта Вестфалика», легендарное место древней германской истории. Эта местность, которую безуспешно пытались захватить римляне, до сих пор хранит следы валов и крепостных сооружений. На юге лей-линия, идущая через Экстернштайн, заканчивается как раз у отрогов сказочных гор Эгге. Расстояние от «Порта Вестфалика» до гор Эгге составляет ровно 75 километров, то есть пресловутые «десять немецких миль».

Еще два примечательных объекта находятся по обе стороны на расстоянии 7,5 километра от Маршаллбурга. На северо-западе находится местечко Аттельн, известное своими каменными могильниками, которые были созданы приблизительно 3 тысячи лет до нашей эры. На северо-востоке лежит так называемая «крепость Карла» — могущественное некогда укрепление, выше которого находится пещера. В народных сказаниях этот грот называется «пещерой Гертруды». Якобы именно здесь долгое время находила убежище отшельница и прорицательница по имени Гертруда. Некоторые из историков высказывают предположение, что именно здесь находился Ирминсул.

О том, как в действительности выглядел священный столп Ирминсул,

не сохранилось никаких точных свидетельств. Большинство исследователей предпочитают ориентироваться на изображение согнутого объекта, которое было высечено в Экстернштайне. До сих пор ведутся горячие споры относительно того, когда же все-таки был создан барельеф «Снятие с Креста». Если же все-таки согласиться с предположением о том, что он был высечен в начале IX века, то за 50 лет, прошедших с момента сокрушения Ирминсула, в народной памяти еще мог остаться образ древней святыни саксов. В любом случае у историков нет другого изображения.

В дело реконструкции облика Ирминсула внесли свой вклад и специалисты по геомантии. Они предположили, что изначально Ирминсул должен был быть высечен из камня, чтобы улавливать «энергию скальной породы». В данном случае его ответвления, напоминающие пальмовые ветви, могли играть определенную техническую функцию: быть чем-то вроде антенн, то есть, возможно, изготовленными из благородного металла. На возражения о том, что Ирминсул обычно упоминается как сооружение из дерева, геомантики парируют: в окрестностях Оснинга могло быть несколько Ирминсулов. При этом «настоящий», каменный, Ирминсул располагался в Экстернштайне, а все остальные, деревянные, могли быть раскиданы по округе. Не исключалось, что они могли быть установлены на скальной породе или мегалитах.

Некоторые исследователи склоняются к версии, что в качестве Ирминсула могли выступать большие менгиры (каменные колонны), верхушка которых могла быть покрыта золотом. При данной трактовке Ирминсулы исполняли роль неких «энергоносителей».

Согласно утверждениям исследователей геомантии, Экстернштайн не является единственным «местом силы» в Европе. Если провести окружность с радиусом в 750 километров (100 «немецких миль»), то можно обнаружить, что она проходит через несколько крупных мегалитических сооружений. Обычно геомантики предпочитают ориентироваться на Стоунхендж. В данном случае можно составить подобие таблицы, которая будет отражать расстояние от одного мегалитического сооружения до другого.

Стоунхендж — Экстернштайн = 750 километров.

Стоунхендж — Еллинг (Ютландия) = 750 километров.

Стоунхендж — Уписала (Швеция) = 1500 километров (x2).

Стоунхендж — Шартр (Франция) = 375 (1/2).

Шартр — Париж = 75 километров (1/10).

Кроме этого, было отмечено, что Нью-Грейндж, находящийся в Ирландии, отстоит от «каменных полей» Карнака (остров Бель-Иль — Франция) как раз на 750 километров.

Если все-таки за точку геомантического отсчета брать не Стоунхендж, а все-таки Нью-Грейндж в Ирландии, то в данной «силовой сети» окажется множество святынь Северной Европы. Однако не все соглашаются именно с таким подходом. Специалисты по геомантии, не отрицая возможности того, что между «местами силы» существовала определенная взаимосвязь, никак не могут определить с местоположением центра этой «сети». Кто-то предпочитает ориентироваться на Стоунхендж, кто-то — на Нью-Грейндж, кто-то — на Карнак, кто-то — на Экстернштайн.

Практика связи сакральных объектов между собой и ориентации друг на друга была известна с давних времен. Она характерна не только для Севера Европы. Так, например, в Египте до окончания эпохи, которая обычно обозначается как Древнее Царство (2500 лет до нашей эры), почти все сооружения долины Гиза, включая пирамиды, были ориентированы на город «Он», который позже греки называли Гелиополисом. Сейчас в среде геомантиков считается почти «общепринятым», что жречество города «Он» якобы поддерживало контакты с друидами. Некоторые из таинственных обелисков этого города позже были вывезены в столицы новых держав: Константинополь, Рим, Париж, Вашингтон.

Многие из исследователей обращали внимание на странное обстоятельство — ряд мегалитических комплексов Европы лежали приблизительно на одной и той же географической широте. Этот пример как нельзя лучше подходит для Стоунхенджа и Экстернштайна. Стоунхендж находится на северной широте $51^{\circ}10'$, а Экстернштайн — на северной широте $51^{\circ}52'$. Нью-Грейндж несколько «выбивается» из этой точной линии — он лежит на широте $53^{\circ}42'$. Хотя в континентальном масштабе это «отклонение» является мизерным.

Если посмотреть по этой широте на восток, то обнаружится, что приблизительно на расстоянии в 750 километров восточнее Экстернштайна, на территории Польши, находится местечко, которое называется Острёда. В этом названии явно читаются следы некогда исчезнувшего культа Остары. Загадка заключается в том, что к западу от Экстернштайна (в Гарце) на той же самой широте находится немецкий населенный пункт Остерода.

Заключение

21 июня, пять часов утра по средневропейскому летнему времени. Над скалами из песчаника, спрятавшимися в Тевтобургском лесу, повис туман. Достаточно прохладно. Вершины мегалитов Экстернштайна возвышаются над долиной, которая в настоящее время превратилась в форменное озеро. Через несколько минут взойдет солнце, и самая короткая ночь года закончится. Как оказалось, за этим астрономическим явлением здесь наблюдали еще в древности. Но сейчас скалы Экстернштайна являются местом паломничества для неоязычников, молодых националистов, поборников «тайных наук». Они каждый год сотнями съезжаются к Экстернштайну.

В истории Экстернштайна, как и во многих исторических сюжетах, можно обнаружить две стороны. Одну явную для всех: Экстернштайн — это скалы с христианским барельефом и непонятными сооружениями, которые в годы Третьего рейха стали предметом «вождедения» многих партийных бонз, жаждавших оказывать влияние на изучение древностей, равно как и всей древней истории. Однако в рассказе о скалах можно обнаружить и другую сторону. Это та самая загадка, в поисках ответа на которую ежегодно в Экстернштайн прибывают сотни любителей мистики и эзотерики. Скалы издавна считались местом отправления древних культов, которые, возможно, тайным образом справлялись в Средние века.

Именно эти древние культы пытался восстановить глава СС Генрих Гиммлер.

Рейхсфюрер СС пытался не просто единолично контролировать «культовые скалы», он предполагал создать в них подобие эсэсовского святилища. В этой связи скалы Экстернштайна оказались тесно связанными с «проектом Вевельсбург». Именно замок Вевельсбург должен был превратиться со временем в «духовный центр» СС. Связь между этими двумя объектами не является условной, опосредованной, едва заметной.

Во-первых, еще в 1935 году советник Опперман, исполнявший на тот момент функции руководителя Фонда «Экстернштайн» познакомил Генриха Гиммлера с детмольдским художником Эрнстом Рёткекеном (1882–1945). Сохранились документы, согласно которым 25 октября 1935 года Генрих Гиммлер выразил огромную благодарность Опперману за картину с изображением Экстернштайна, которая была преподнесена в подарок ко дню рождения рейхсфюрера СС. Именно эта картина стала

неким толчком, чтобы Гиммлер стал заказывать живописные работы у художников, которые стали основой для коллекции картин с явно мистическим подтекстом. Глава СС обратился к Опперману: «Не могли бы Вы попросить художника, чтобы он написал мне еще несколько картин? Я хотел бы заказать ему еще одну картину с изображением Экстернштайна, которую планирую разместить в Вевельсбурге». В итоге Опперман, который был дружен с художником Рёттекенем, смог «пробить» для своего приятеля несколько заказов, в том числе картину с изображением замка Вевельсбург, которая стала подарком Гиммлеру к следующему дню рождения.

Со временем Рёттекен стал работать над целой серией картин, которые были заказаны для Гиммлера. Если посмотреть на список сюжетов, то в глаза бросается, что почти все они были связаны с «культовыми» объектами СС. Перечислим эти сюжеты:

- 1) крипта в Кведлинбурге — картина горизонтального формата;
- 2) крипта в Кведлинбурге — картина вертикального формата;
- 3—4) несколько видов Кведлинбурга снаружи;
- 5) новый вид замка Вевельсбург;
- 6) Заксенхайн, «роцца саксов»;
- 7) Экстернштайн во время летнего солнцестояния;
- 8—9) несколько видов Экстернштайна, в том числе в лучах заката.

Приблизительно в то же самое время Гиммлер заказывает для коллекции картин изображение «мирового древа». Можно предположить, что все эти живописные работы должны были висеть в специальном музее Экстернштайна, более напоминающем «эсэсовский заповедник». Осуществлению данного проекта помешал перелом в ходе Второй мировой войны.

Во-вторых, контролируемое Генрихом Гиммлером эсэсовское исследовательское общество «Наследие предков» в середине 30-х годов меняет свою изначальную эмблему на изображение Ирминсула. Происходит это по инициативе эсэсовского офицера Карла Дибича, который не только занимался разработкой эсэсовских гербов (для замка Вевельсбург с том числе), но и курировал оформление собора в Кведлинбурге, который считался еще одним местом, где отправлялись эсэсовские культы. Также он фактически заведовал фарфоровой фабрикой в Аллахе, которая кроме всего прочего выпускала ритуальную утварь для эсэсовских празднеств.

В-третьих, со скалами Экстернштайна была связана деятельность Карла Марии Вилигута, который в качестве почетного гостя, как значилось

в документах, появился на заседании «Объединения друзей германской праистории» в 1930 году. Очевидно, что Вилигут исследовал значение этих скал задолго до того, как присоединился к национал-социалистам и сделал стремительную карьеру в СС. Именно Вилигут-Вайстор был одним из идеологов преобразования замка Вевельсбург. Именно он «создал» множество эсэсовских обрядов. Именно он пропагандировал среди высокопоставленных офицеров СС древнюю религию «ирминизм», которая была основана на его родовом предании, так называемой «Ирмин-саге».

В-четвертых, именно служащий замка Вевельсбург исследователь Вильгельм Йордан занимался поздними изысканиями в Экстернштайне.

Все это можно было счесть за случайные совпадения. Мол, Экстернштайн находился недалеко от Вевельсбурга, что и предопределило взаимосвязь между двумя объектами, опекаемыми СС. Это рассуждение наводит на еще одну важную мысль. Если мы посмотрим на эсэсовские объекты, имевшие явное «культовое» предназначение, то обнаружим, что они были сосредоточены на небольшой территории, которая странным образом напоминала «десять немецких миль» священного места древних германцев. Здесь находились: Экстернштайн, Вевельсбург, город Гослар (весьма важный объект в мистических построениях Вил игу та), город Хамельн, близ которого на горе Бюкенберг в 30-е годы по инициативе Рихарда Вальтера Дарре (большой поклонник Вилигута и шеф Главного управления СС по вопросам расы и поселений) проводились ежегодные празднества, посвященные сбору урожая, город Детмольд, куда планировалось перенести из Берлина все руководящие структуры «Аненэрбэ». К этой территории на севере примыкал Заксенхайн, а на юге Кведлинбург. Если бы Гиммлер не был баварцем, то можно было бы предположить, что он являлся страстным поклонником истории Вестфалии.

Однако рейхсфюрер СС с поразительным упорством исследовал и пытался использовать для ритуальных практик только объекты, расположенные в Северной Германии. Было ли это совпадением? Едва ли. Скорее всего Гиммлер намеревался создать на территории Вестфалии некое подобие «эсэсовского Ватикана», самоуправляемой территории со своими законами и порядками. Если согласиться с данной версией, то станет понятно, почему внезапно изменил свое отношение к эсэсовским структурам, «Наследию предков» в том числе, гаулайтер Вестфалии Майер. Он боялся ослабления собственной власти.

В последнее время можно слышать заявления о том, что формировавшаяся «эсэсовская эрзац-религия» в целом не имела широкого распространения среди служащих СС. Подобные утверждения по меньшей

мере являются беспочвенными. Документы показывают совершенно иную картину. В «Статистическом сборнике материалов охранных отрядов НСДАП» за 1938 год была приведена следующая таблица. В ней была отражена конфессиональная принадлежность служащих СС.

В графах кроме католиков и евангелистов, а также «особых случаев» значилось некое исповедание, которое обозначалось буквами gttgl. Это было аббревиатурой от немецкого слова «gottglaubig», то есть «верующий». Именно так в официальных документах обозначались приверженцы «эсэсовской эрзац-религии». Именно так обозначались рожденные в «Лебенсборне» дети, после того как над ними был проведен эсэсовский обряд имянаречения.

Подразделение СС	Общая численность	Конфессиональная принадлежность				Конфессиональная принадлежность			
		евнг	кат	внеконфес.	особ	евнг	кат	внеконфес.	особ
Дунай	17 435	1715	11 852	3850	18	9,8	68,0	22,1	0,1
Юг	10 122	2237	6771	1098	16	22,1	66,9	10,9	0,1
Юго-запад	13 289	7328	4172	1759	30	55,3	31,4	13,2	0,1
Рейн	15 124	7535	5096	2467	26	49,8	33,7	16,3	0,2
Запад	21 346	6139	5940	9251	16	28,8	27,8	43,3	0,1
Северо-запад	16 899	12 166	910	3802	21	72,0	5,4	22,5	0,1
Север	13 323	10 828	756	1718	21	81,2	5,7	12,9	0,2
Северо-восток	12 902	9133	1570	1994	205	70,7	12,2	15,5	1,6
Восток	19 393	14 826	1537	2969	61	76,5	7,9	15,3	0,3
Юго-восток	13 263	6621	5079	1554	9	49,9	38,3	11,7	0,1
Эльба	13 321	10 308	558	2421	34	77,3	4,2	18,2	0,3
Майн	8808	4424	3236	1144	4	50,2	36,7	13,0	0,1
Фульда-Берра	16 195	11 606	1759	2808	22	71,7	10,9	17,3	0,1
Центр	12 218	7926	728	3540	24	64,9	5,9	29,0	0,2
Особые подразделения	11 115	3400	1020	6678	17	30,6	9,2	60,1	0,1
Альгемайне СС	214 753	116 192	50 984	47 984	524	54,2	23,7	21,9	0,2
Части СС оперативного реагирования	14 234	4265	2321	7648	—	30,0	16,4	53,6	—
Подразделения СС «Мертвая голова»	9172	2211	632	6329	—	24,1	6,9	69,0	—
Итого	238 159	122 668	53 937	61 030	524	51,4	22,6	25,8	0,2

Если посмотреть на цифры, то мы обнаружим, что к концу 1938 года (данные приведены по состоянию на 31.12.1938) в СС на службе состояла 61 тысяча приверженцев «новой религии», что было больше даже чем эсэсовцев, исповедующих католичество. Самое большое количество

новообращенных в «эсэсовскую эрзац-религию» можно было обнаружить в «Особых подразделениях» и «подразделениях СС „Мертвая голова“» (лагерная охрана). В различных частях Германии картина выглядела по-разному. Однако факт остается фактом: к концу 1938 года каждый четвертый служащий (!) хотя бы формально исповедовал «новую религию».

Теперь становится понятным, почему в 1942 году Гитлер резко одернул Гимmlера, который формировал собственные культы СС и собственные святыни. Эсэсовская религия никак не соответствовала национал-социализму как разновидности «политической религии» и национал-социалистическим светским обрядами. В эсэсовских ритуалах было не в пример больше мистики.

Сама религия, которая «восстанавливалась» в рамках СС, не имела какого-то официального названия. Герман Вирт говорил о «прарелигии эпохи мегалитов», Карл Мария Вилигут об «ирминизме», другие эсэсовские исследователи о «вневетхозаветном христианстве». На первый взгляд это были совершенно разные религиозные построения. Но их объединяло несколько отличительных моментов. Во-первых, они отрицали язычество, так как оно являлось искажением первоначальной традиции. Это является ответом на поверхностные утверждения о том, что в СС возрождались именно языческие традиции. Во-вторых, утверждалось, что данные конструкции были «изначальной» религией европейцев. В-третьих, во всех этих построениях центральная роль отводилась символу «мирового столпа», Ирминсулу.

Если допустить, что Герман Вирт говорил о европейской прарелигии, которая получила распространение в том числе на Ближнем Востоке и в Северной Африке, то можно легко объяснить значение самого загадочного древнеегипетского символа, так называемого джеда. Толкование столба джед остается загадкой для исследователей и по сей день. Обычно считается, что джед представляет собой ствол дерева с обрубками ветвей, торчащими у вершины в разные стороны (сравним с отростками на Ирминсуле и девятью насечками на ритуальных «мировых столпах»). Во всяком случае, в культе он был таким же громоздким и тяжелым, как ствол дерева, что можно ясно видеть из изображений возведения джеда во время праздников. Кроме того, миф об Осирисе ясно указывает, что столб джед был стволом дерева. Исида привезла тело Осириса из Библа в Финикии, заключенным в ствол дерева, который царь той местности, муж «Царицы Астарты», использовал в качестве колонны в зале своего дворца. Исида «вырубила сундук из дерева», а само дерево обернула тонким полотном и

умастила маслами, и вплоть до времен Плутарха оно продолжало почитаться в Библие как «дерево Исиды».

Очевидно, что джед являлся подобием Ирминсула. И если Ирминсул по версии Германа Вирта был связан с культом воскресающего «сына неба и земли», то деревянный столб джед был символом Осириса. Есть описание праздника, изображенного в Фиванской гробнице. Это был праздник возведения колонны джед. Фараон начал праздник с предложения жертвы Осирису, «богу вечности», который был представлен в виде мумифицированной фигуры с колонной джед на голове. Затем фараон при помощи родственников и жрецы установили столб в вертикальное положение, что символизировало момент воскресения Осириса, и его позвоночник, века спустя представленный джедом, опять стоял прямо. Позже этот столб стал символизировать четыре столба, поддерживающие небеса. В гробницах правителей часто находят объекты, напоминающие миниатюрные столбы с четырьмя горизонтальными балками наверху, зеленого, красного и синего цвета. Эти маленькие фигуры, известные как символы джед, вешались на шею умерших, чтобы обеспечить им спокойный переход в иной мир и чтобы наделить их жизнью и силой. Эта эмблема Осириса впоследствии использовалась в архитектуре и при изготовлении талисманов и амулетов.

Со временем Ирминсул превратился в символ тех, кто обладал «древними знаниями», только так можно объяснить тот факт, что под Ирминсулом стали подразумеваться статуи, воздвигнутые на деревянных столбах. Исследовавший данный вопрос Вильгельм Гримм цитировал древнего писателя:

На ирменсуле стоял огромный идол,
Его они называли своим торговцем.

Или другой отрывок:

На ирменсул он взобрался
И весь земной народ ему поклонялся.

Это означало то, что некоему индивидууму поклонялись как богу, и, возможно, древние тевтоны поклонялись богу по имени Ирмин. Эта версия очень подробно развита в «Ирмин-саге» Карла Марии Вилигута. Сам же

Гримм связывал идею выбора и святого дерева-ствола, а не столба, высеченного рукой человека, и говорил, что как образ переходит в понятие дерева, так и дерево переходит в этот образ.

Вилигут однозначно указывал на то, что бог саксов Ирмин был связан с «мировым столпом», с Ирминсулом. Более того, согласно одной из халгарит (рунических пророчеств) Вайстора, именно на столпе был в свое время распят «Бальдр-Крестос». Согласно Вилигуту, общая концепция этого символа тесно связана и с ирминизмом, и с «христианством». Для Вайстора «мистерия Христа» — это Архетип Пригвожденного Бога, Бога Умирающего и Возрождающегося, Бога Года, Распятого на Оси-Ирминсуле. Приблизительно о том же самом говорил и Герман Вирт.

Древние культы отнюдь не ушли в прошлое. Их неоднократно пытались возродить. Не исключено, что эти попытки предпринимались представителями династии фон Липпе в XVII веке. Эта попытка была повторена в 1930-е годы Генрихом Гиммлером. Подобные намерения выказывали множественные сторонники так называемого «эзотерического гитлеризма». Одна из «жриц» этого направления, Максимиани Портас, более известная под ритуальным именем Савитри Дэви, в 1950-е годы, во время своего «паломничества» в Германию, посетила Тевтобургский лес. Она несколько часов бродила по его чащобам, после чего совершила шаманский ритуал в Экстернштайне. Посреди ночи она легла в «каменную гробницу» у подножия первой скалы Экстернштайна и долго молилась о возрождении национал-социалистической Германии: «Я не могу сказать, как долго я находилась в состоянии смерти в этом гробу. Но это не было продолжительной темнотой».

Древние культы не всегда умирают. Иногда они возвращаются в пугающих и ужасающих формах.

Список использованной литературы

Bollmus, Reinhard, Lehnstaedt, Stephan. Das Amt Rosenberg und seine Gegner: Studien zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2006. 375 S.

Freundeskreis Geomantie. Kommentare, Berichte, Personalien, Themen und Termine. 1999—2003.

Fuchs, Theodor. Arminius und die Externsteine: der Kampf um die Geistesfreiheit Europas. Urachhaus, 1981. 198 S.

Gazin-Schwartz Amy, Holtorf, Cornelius. Archaeology and folklore. Routledge, 1999. 287 S.

Giefers, Wilhelm Engelbert. Die Externsteine im Fürstentum Lippe-Detmold: eine historisch-archeologische Monographie. Schöningh, 2008. 64 S.

Halle, Uta. «Die Externsteine sind bis auf weiteres germanisch!»: prähistorische Archäologie im Dritten Reich. Verlag für Regionalgeschichte, 2002. 573 S.

Hamkens, Freerk Hays. Der Externstein: seine Geschichte und seine Bedeutung. Verlag der Deutschen Hochschullehrerzeitung, 1971. 365 S.

Henze, Usch. Osning — die Externsteine: Das verschwiegene Heiligtum Deutschlands und die verlorenen Wurzeln europäischer Kultur. Neue Erde GmbH, 2006, 215 S.

Kater, Michael H. Das «Ahnenerbe» der SS 1935–1945: Ein Beitrag zur Kulturpolitik des dritten Reiches. Studien zur Zeitgeschichte. Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2006. 529 S.

Koneckis, Ralf. Geheimnis Externstein. Horner Beiträge zur Externstein-Forschung. Topp und Mütler, 1995. 128 p.

Mees, Bernard Thomas. The science of the swastika. Central European University Press, 2008. 363 S.

Olsen, Brad. Sacred Places Europe. CCC Publishing, 2007. 344 S.

Schulte, Jan E. Die SS, Himmler und die Wewelsburg. Schriftenreihe des Kreismuseums Wewelsburg. Schöningh, 2009, 556 S.

Seitz, Ferdinand. Der Creutzwech bei Oesterholz: Beitrag zur Lösung einer umstrittenen Frage. Beiträge zur Externsteinforschung. Verlag Hohe Warte, 1954. 26 S.

Seitz, Ferdinand. Rätsel um die Externsteine. Koch Verlag, 1953. 12 S.

Speckner, Rolf, Stamm, Christian. Das Geheimnis der Externsteine: Bilder einer Mysterienstätte. Urachhaus, 2002. 192 S.

Sanner, Rudiger. Schwarze Sonne: Entfesselung und Missbrauch der Mythen in Nationalsozialismus und rechter Esoterik. Herder Spektrum. Herder, 1999. 256 S.

Wirth, Herman. Der neue Externsteine-Fiihrer. Europ. Sammlung fur Urgemeinschaftskunde, 1969. 130 S.

Wirth, Herman. Europaische Urreligion und die Externsteine. Volkstum-Verl., Landig, 1980. 240 S.

Young, John K. Sacred sites of the Knights Templar: ancient astronomers and the Freemasons at Stonehenge, Rennes-le-Chateau, and Santiago de Compostela. Fair Winds, 2003.240 p.

Архивы Аннензрбэ

В северной части Тевтобургского леса, окутанного германскими легендами и преданиями, находится группа скал, известная миру как Экстернштайн. Были ли эти скалы языческой святыней, которая перешла в ведение христиан? Или же культовые сооружения в них были созданы во времена Средневековья монахами, которые впервые приложили руку к обработке песчаника, создав в скалах некое подобие капеллы? Скалы издавна считались местом отправления древних культов. Именно их пытался восстановить глава СС Генрих Гиммлер.

Ныне скалы Экстернштайна являются местом паломничества для неоязычников, молодых националистов, поборников «тайных наук». Древние культы не всегда умирают. Иногда они возвращаются в пугающих и ужасающих формах...

ISBN 978-5-9533-4490-6

9 785953 344906

notes

Примечания

1

В XVII в. было принято именно такое написание (см. стр. 29–30).

Вход в коридорную гробницу Нью-Грейнджа представляет собой дверной проем, состоящий из двух вертикально стоящих камней и горизонтальной перемычки. Над ним находится проем, получивший название «кровельный бокс» или «световая коробка». Каждый год с 9 часов утра (в день зимнего солнцестояния — самый короткий день в году) солнце начинает движение вдоль долины реки Буан. Оно проходит над холмом, который местные жители называют Красной горой (название, вероятно, связано с цветом восходящего солнца в этот день). Луч солнца, попадая в «световую коробку», проникает внутрь, спускается вниз по коридору и освещает центральную камеру на противоположной стороне гробницы.

3

От элементов — стихий природы.

Веледа (I век н. э.) — пророчица, известная у древних германцев и римлян. Согласно римскому историку Тациту происходила из племени бруктеров, жила затворницей в высокой башне у воды. Играла значительную роль в восстании батавов под командованием Юлия Цивилиса в 69–70 годах н. э., призывая германские племена к войне против Рима и обещая победу. Умерла в римском плену. Тацит сообщал о ней следующее: «Эта незамужняя женщина из племени бруктеров пользовалась у варваров огромным влиянием, ибо германцы, которые всегда считали, будто многие женщины обладают даром прорицать будущее, теперь дошли в своем суеверии до того, что стали считать некоторых из них богинями. Благоговение, которое вызывала у них Веледа, еще возросло, когда сбылись ее предсказания о победе германцев и гибели римских легионов... Ведь германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями. В правление божественного Веспасиана мы видели среди них Веледу, долгое время почитавшуюся большинством как божество; да и в древности они поклонялись Альбруне и многим другим, и отнюдь не из лести и не для того, чтобы впоследствии сделать из них богинь». Существует точка зрения, что Веледа — это не имя, а общее название прорицательниц, образованное от старого германского слова «Вёльва», «пророчица».

«Страна Германа» — подразумевается Арминий, который призвал германские племена к борьбе против римлян и смог взять над ними верх в битве в Тевтобургском лесу. Показательно, что характеристику «земля Германа» в отношении Вестфалии любил использовать в своих разговорах Генрих Гиммлер.

Сакеллум — небольшое, закрытое со всех сторон, кроме верха, место, посвященное какому-нибудь божеству и снабженное жертвенником.

7

Вождь германских племен, который смог разбить римлян.

Тинг — у народов Северной Европы народное собрание, торжественное мероприятие.

Именно в него предлагалось перенести из Детмольда «централ» «Наследия предков».

Более подробная информация об этом ученом приведена в главе «Судьба исследователя» в книге А. Васильченко «Тайны черных замков СС».

Более подробно об этих сооружениях можно прочитать в книге А. Васильченко «Тайны черных замков СС», в седьмой главе «Мегаломания Германа Бартеляса».